

ЖУРНАЛ 2013

'3 (66)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Виктор Шадурский
(председатель)
Владимир Астапенко
Елена Бабкина
Сергей Балашенко
Юрий Бровка
Алексей Данильченко
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Сергей Солодовников
Олег Старовойтов
Александр Шарapo

**Редактор английского
текста:**
Татьяна Караичева

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Набор, верстка:
Наталья Лукьяненко

Наш адрес:
Беларусь, 220072, Минск,
ул. Академическая, 25, к. 406
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40
тел./факс: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследо-
вательским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Параўнанне інстытуцыйнай структуры Еўрапейскага саюза і Адзінай эканамічнай прасторы *М. У. Карлюк* **3**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Формы недобросовестной конкуренции по законодательству Республики Беларусь в свете ее международных обязательств и правового опыта зарубежных государств *Н. Г. Маскаева* **1** 0

Понятие экспроприации в законодательстве и доктрине советского периода *А. В. Зеньков* **2** 2

международные отношения

Характерные черты процесса иммиграции во Францию во второй половине XX — начале XXI в. *К. Л. Снисаренко* **3** 4

Участие Военно-Воздушных Сил СССР в вооруженных конфликтах 1936—1939 гг. *Н. В. Бурень* **4** 1

Белорусско-шведские экономические отношения (1992—2012 гг.) *Е. В. Навошук* **4** 8

Участие Литвы, Латвии и Эстонии в деятельности международных организаций региона Балтийского моря в 1990—2012 гг. *А. С. Шатков* **5** 6

Бейрутская инициатива Лиги арабских государств 2002 г. *А. А. Москаленко* **6** 4

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Рекомендации по вопросу международной защиты относительно лиц, покидающих Сирийскую Арабскую Республику **6** 9

Меморандум к Методическим рекомендациям УВКБ ООН по оценке потребностей в международной защите лиц, ищущих убежища, из Афганистана **7** 4

международные экономические отношения

Оценка инвестиционной привлекательности Беларуси, России и Казахстана в рамках Единого экономического пространства и формирование их инвестиционных стратегий *Г. Н. Гаврилко, К. В. Сивоха* **7** 7

Экономическое развитие Европейского союза и Республики Беларусь: региональный аспект *С. С. Балюк* **8** 4

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Феномен глобализации и Азербайджан *Р. Кулиев* **9** 1

JOURNAL 2013

'3 (66)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editing Board:
Victor Shadurski
(chairman)
Vladimir Astapenko
Elena Babkina
Sergey Balashenko
Yury Brovka
Alexey Danilchenko
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Sergey Solodovnikov
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo

English Text Editor:
Tatiana Karaicheva

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

Type-setting, Layout:
Natalia Lukyanenko

Our address:
International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
25, Akademicheskaya str., r. 406,
Minsk, 220072, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40
tel./fax: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:
 International Non-govern-
mental Association for
Scientific Research, Infor-
mation and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL ORGANISATIONS

Institutional Comparison of the European Union
and the Common Economic Space *Maksim Karliuk* **3**

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Unfair Competition Forms Set Forth in the
Legislation of the Republic of Belarus in the Light
of its International Obligations and Legal
Experience of Some Foreign States *Natalia Maskaeva* **1** 0

The Concept of Expropriation in the Legislation
and Doctrine of the Soviet Era *Aleksei Zenkov* **2** 2

INTERNATIONAL RELATIONS

The Characteristics of Immigration Process to
France in the Second Half of the 20th — Beginning
the 21st Centuries *Konstantin Snisarenko* **3** 4

Participation of the USSR Air Forces in Armed
Conflicts Between 1936 and 1939 *Nikolay Buren* **4** 1

Belarusian-Swedish Economic Relations (1992—
2012) *Elizaveta Navoschik* **4** 8

Participation of Lithuania, Latvia and Estonia in
Baltic States International Organization Activities
in 1990—2012 *Alexander Shatkov* **5** 6

The 2002 Beirut Initiative of the Arab League *Anna Moskalenko* **6** 4

DOCUMENTS AND MATERIALS

International Protection Considerations with
Regard to People Fleeing the Syrian Arab Republic **6** 9

Memorandum on UNHCR Eligibility Guidelines for
Assessing the International Protection Needs of
Asylum-seekers from Afghanistan **7** 4

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Assessment of Belarus, Russia and Kazakhstan
Investment Attractiveness Within the Common
Economic Space Framework and Formation of
Investment Strategies *Galina Gavrilko,
Christina Sivokha* **7** 7

Economic Development of the European Union
and Belarus: Regional Aspect *Sviatlana Baliuk* **8** 4

FOREIGN EXPERIENCE

Globalisation Phenomenon and Azerbaijan *Rufat Kuliev* **9** 1

ПАРАЎНАННЕ ІНСТЫТУЦЫЙНАЙ СТРУКТУРЫ ЕЎРАПЕЙСКАГА САЮЗА І АДЗІНАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ПРАСТОРЫ

Максім Карлюк

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне ступені параўнальнасці інстытуцый і органаў ЕС, з аднаго боку, і Мытнага саюза (МС) і Адзінай эканамічнай прасторы (АЭП) Беларусі, Казахстана і Расіі — з іншага. Па-першае, будучы вызначаны асноўныя інстытуцыі і органы ЕС і АЭП і іх магчымыя суадносіны. Па-другое, кожная з іх будзе прааналізавана на прадмет асноў функцыянавання суадносна са сваім адпаведнікам з іншага інтэграцыйнага праекту. Асноўнымі метадалагічнымі спосабамі выбраны параўнальны аналіз міжнародных дамоў і пагадненняў, а таксама дактрынальны аналіз.

Пытанне параўнальнага аналізу інстытуцый і органаў ЕС з адпаведнікамі у рамках МС і АЭП яшчэ не паспела набыць тэарэтычнага разгляду. Аднак былі праведзены такія параўнанні ЕС і ЕўрАзЭС (напр., Н. Кавешнікаў [18]). Па-за рамкамі параўнальнага аналізу і акрамя шматлікай колькасці даследаванняў функцыянавання органаў ЕС ужо існуе шэраг даследаванняў функцыянавання органаў МС і АЭП (Е. Байльдзінаў [1], С. Задзіран [4], І. Кротаў [7]). Такім чынам, прадстаўлены аналіз будзе ў пэўнай ступені ўнікальным.

У дадзеным артыкуле спачатку даюцца базавыя звесткі пра крыніцы фарміравання інстытуцыйных структур еўрапейскай і еўразійскай інтэграцыі. Таксама паказваюцца суадносіны кожнай з інстытуцый і органаў з адпаведнікамі з іншага боку. Далей робіцца аналіз кожнай з інстытуцый і органаў: Еўрапейскага савета і Вышэйшага Еўразійскага эканамічнага савета, Еўрапейскай камісіі і Калегіі Еўразійскай эканамічнай камісіі, Савета ЕС і Савета Еўразійскай эканамічнай камісіі, Еўрапейскага парламента і Міжпарламенцкай асамблеі ЕўрАзЭС і, нарэшце, Суда ЕС і Суда ЕўрАзЭС. Асноўная выснова праведзенага аналізу заключаецца ў тым, што інстытуцыйную структуру МС і АЭП і асноўныя прынцыпы функцыянавання можна ўмоўна суаднесці з адпаведнай структурай інстытуцый і органаў ЕС, аднак у рамках еўразійскай інтэграцыі існуе істотная залежнасць інстытуцый ад кіраўнікоў дзяржаў. Частковым вырашэннем праблемы з'яўляецца фарміраванне інстытуцыямі ўласных бюджэтных рэсурсаў.

Інтэграцыя і развіццё інстытуцыйнай структуры

Глыбокая інтэграцыя дзяржаў звычайна патрабуе адпаведнай інстытуцыйнай структуры для яе забеспячэння. Канцэпцыі градыцыйнай сістэмы падзелу ўлады ў катэгорыях заканадаўчай, выканаўчай і судовай не цалкам дастасавальныя ў рамках як еўрапейскай, так і еўразійскай інтэграцыі. Многія з абавязкаў падзяляюцца рознымі інстытуцыямі. Аднак эфектыўнае функцыянаванне інтэграцыі немагчыма без забеспячэння інстытуцыйнага балансу як базавага прынцыпу [8, с. 59].

Прынцып інстытуцыйнага балансу замацаваны ў Дамове аб ЕС (ч. 2 арт. 13): «...кожная інстытуцыя павінна дзейнічаць у межах сваіх паўнамоцтваў, дадзеных ёй у Дамовах і ў адпаведнасці з умовамі, працэдурамі і мэтамі, замацаванымі ў іх» [14]. Суд ЕС у сваіх шматлікіх рашэннях развіў дадзены прынцып у тры асноўныя часткі: 1) усе інстытуцыі павінны быць дастаткова незалежнымі; 2) яны не павінны адвольна перадаваць свае паўнамоцтвы іншым інстытуцыям; 3) яны не павінны ўмешвацца у паўнамоцтвы іншых інстытуцый [19, р. 44–45].

У рамках еўразійскай інтэграцыі таксама замацаваны падобны прынцып. Так, паводле артыкула 3 Дамовы аб Еўразійскай эканамічнай камісіі (ЕЭК), «камісія ажыццяўляе сваю дзейнасць у межах паўнамоцтваў, прадугледжаных дадзенай Дамовай, міжнароднымі дамовамі, якія фарміруюць дамоўна-прававую базу Мытнага саюза і Адзінай эканамічнай прасторы, а таксама рашэннямі Вышэйшага Еўразійскага эканамічнага савета» [2]. Аднак, паколькі яшчэ няма адзінага дакумента, які бы рэгламентаваў дзейнасць усіх органаў МС і АЭП, то пра фармальнае замацаванне прынцыпу інстытуцыйнага балансу кажаць цяжка.

Інстытуцыйная структура ЕС была першапачаткова створана з мэтай балансавання паміж міжуродавым органам (Савет ЕС) і наднацыянальным органам (Еўрапейская камісія). Еўрапейскі парламент быў толькі пазней паступова пераўтвораны ў параўнальна

Аўтар:

Карлюк Максім Уладзіміравіч — аспірант кафедры міжнароднага права факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Рэцэнзенты:

Вашкевіч Аляксандр Яўгеневіч — кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры міжнароднага права факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Шырынскі Алег Юр'евіч — кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры кастытуцыйнага і адміністрацыйнага права Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

раўнаважную наднацыянальную інстытуцыю шляхам паступовай перадачы паўнамоцтваў з канца 1980-х гг. Першапачатковая сістэма інстытуцый дазваляла на той момант гарманізаваць агульныя (еўрапейскія) і прыватныя (нацыянальныя) інтарэсы.

Еўразійская інтэграцыя ішла іншым шляхам, а менавіта фарміраваннем вертыкальнай структуры ўлады. Гэта адбылося, у першую чаргу, са стварэннем у 2000 г. ЕўрАзЭС. Яе структура характарызувалася поўнай залежнасцю ўсіх органаў ад вышэйшага органа, адсутнасцю наднацыянальных органаў і факультатывнай роляй Міжпарламенцкай асамблеі (МПА). З утв-

рэннем Мытнага саюзу і Адзінай эканамічнай прасторы сітуацыя пачала змяняцца, у тым ліку праз стварэнне наднацыянальнай Еўразійскай эканамічнай камісіі, але з пэўнымі абмежаваннямі.

У такой сітуацыі вельмі ўмоўна можна суаднесці інстытуцыі і органы ЕС з органамі МС і АЭП. Існуюць істотныя функцыянальныя і сутнасныя адрозненні. Суадносіны можна прадставіць наступным чынам (паводле арт. 13 Дамовы аб функцыянаванні ЕС, у апошнім 7 інстытуцый [15], аднак у сувязі з адсутнасцю адпаведнікаў у рамках еўразійскай інтэграцыі мы не разглядаем інстытуцыі ЕС, як Еўрапейскі цэнтральны банк і Суд аўдытараў).

Суадносіны асноўных інстытуцый і органаў ЕС, МС і АЭП

ЕС	МС і АЭП
Еўрапейскі савет	Вышэйшы Еўразійскі эканамічны савет
Еўрапейская камісія	Калегія Еўразійскай эканамічнай камісіі
Савет ЕС	Савет Еўразійскай эканамічнай камісіі
Еўрапейскі парламент	Міжпарламенцкая асамблея ЕўрАзЭС
Суд ЕС	Суд ЕўрАзЭС

Еўрапейскі савет і Вышэйшы Еўразійскі эканамічны савет

Умоўнасць пачынаецца ўжо з вышэйшага ўзроўню інтэграцыйных органаў — Еўрапейскага савета ў рамках ЕС і Вышэйшага Еўразійскага эканамічнага савета (ВЕЭС) у рамках МС і АЭП. Еўрапейскі савет, хоць і з'яўляецца вышэйшай інстытуцыяй ЕС, але не валодае такімі ж шырокімі паўнамоцтвамі, якімі валодае ВЕЭС.

Еўрапейскі савет з'яўляецца вельмі важнай інстытуцыяй ЕС, бо грае асноўную ролю ў фарміраванні ўсёй палітыкі ЕС. Ён з'яўляецца цэнтральнай інстытуцыяй для развіцця ЕС, пацвярджае важныя змены ў інстытуцыйнай структуры ЕС і г. д. Рашэнні прымаюцца кансэнсусам (п. 4 арт. 15 Дамовы аб ЕС [14]). Аднак Еўрапейскі савет не мае заканадаўчых паўнамоцтваў. Першапачаткова дадзены орган увогуле не быў прадугледжаны і нефармальна існаваў з 1960-х гг., пакуль не быў нарэшце замацаваны ў Адзінай еўрапейскай дамоў [16, р. 47]. Цяпер гэта паўнаважарная міждзяржаўная інстытуцыя, якая мае выбарнага прэзідэнта, а таксама складаецца з кіраўнікоў дзяржаў або ўрадаў і прэзідэнта Еўрапейскай камісіі.

ВЕЭС быў пераўтвораны з Міждзяржаўнага савета ЕўрАзЭС для мэтай функцыянавання МС і АЭП. Гэта вышэйшы орган МС і АЭП у складзе кіраўнікоў дзяржаў або урадаў, як і Еўрапейскі савет. ВЕЭС заключае міжнародныя дамовы ў сферы інтэграцыйнага развіцця, а таксама прымае найважнейшыя стратэгічныя рашэнні ў дадзенай сферы на аснове кансэнсусу [11, п. 8]. Па сутнасці, ён вызначае любыя пытанні ў рамках функцыянавання МС і АЭП, у тым

ліку і пытанні надання неабходных кампетэнцый ЕЭК і Суду ЕўрАзЭС. Еўрапейскі савет не валодае такімі паўнамоцтвамі. Іх наяўнасць у дадзеным выпадку сведчыць пра нежаданне ці негатуўнасць лідэраў дзяржаў на дадзеным этапе развіцця інтэграцыі перадаваць ЕЭК і Суду неабходныя для эфектыўнага кіравання інтэграцыйнымі працэсамі кампетэнцыі. Больш высокі статус ВЕЭС, параўнальна з Еўрапейскім саветам, абумоўлены здольнасцю не толькі прымаць, але і рэалізоўваць любыя свае рашэнні.

Еўрапейская камісія і Калегія Еўразійскай эканамічнай камісіі

Еўразійская эканамічная камісія — фармальна наднацыянальны выканаўчы орган, які з'яўляецца першым такога кшталту на постсавецкай прасторы пасля 20 гадоў спробаў інтэграцыі. ЕЭК складаецца з двух узроўняў: Савета і Калегіі (арт. 4 Дамовы аб ЕЭК [2]). На наш погляд, менавіта Калегія ЕЭК а не ўся ЕЭК і, тым больш, не Савет ЕЭК, з'яўляецца асноўным адпаведнікам Еўрапейскай камісіі ў ЕС, што будзе паказана далей.

Еўрапейская камісія — гэта наднацыянальна орган ЕС, які з'яўляецца рухавіком інтэграцыі і мае істотныя адміністрацыйныя, выканаўчыя і бюджэтныя паўнамоцтвы, а таксама сочыць за выкананнем права ЕС (арт. 17 Дамовы аб ЕС [14]). Падобныя палажэнні ўтрымліваюцца і ў якасці асноўнай задачы ЕЭК: яна забяспечвае ўмовы функцыянавання і развіцця МС і АЭП, а таксама выпрацоўвае прапановы ў сферы эканамічнай інтэграцыі ў рамках МС і АЭП (арт. 1 Дамовы аб ЕЭК [2]).

Для гэтых мэтаў істотным з'яўляецца чыннік наднацыянальнасці. Аднак не ўся ЕЭК валодае такой характарыстыкай. Сярод асноўных тэарэтычных крытэрыяў наднацыянальнага органа можна вылучыць наступныя: ён павінен валодаць уласнымі паўнамоцтвамі, якія былі перададзены дзяржавамі-членамі; рашэнні не павінны прымацца кансэнсусам, быць абавязковымі для ўсіх дзяржаў-членаў і ўступаць у сілу без неабходнасці іх ухвалення на нацыянальным узроўні (напр., ратыфікацыя).

Ужо па фармальным прынцеце наднацыянальнасці толькі Калегія ЕЭК адпавядае ў пэўнай ступені ўсім гэтым крытэрыям. Так, толькі ў ёй рашэнні могуць прымацца кваліфікаванай большасцю (арт. 21 Дамовы аб ЕЭК [2]), тады як у Савета ЕЭК — толькі кансэнсусам (арт. 12 Дамовы аб ЕЭК [2]). Таксама толькі структура Калегіі ЕЭК можа дазволіць ёй стаць прадстаўніком агульнага інтарэсу інтэграцыі падобна да Еўрапейскай камісіі. Так, у Савет ЕЭК уваходзяць віцэ-прэм'еры дзяржаў-членаў (арт. 8 Дамовы аб ЕЭК [2]). Гэта значыць, што яны займаюць гэтую пасаду менавіта з прычыны таго факту, што знаходзяцца на адпаведнай афіцыйнай пасадзе ў сваёй дзяржаве. Гэта не можа адпавядаць сітуацыі ў Еўрапейскай камісіі, члены якой дзейнічаюць як незалежныя ад нацыянальных урадаў асобы і не атрымліваюць інструкцыі ад сваіх урадаў (п. 3 арт. 17 Дамовы аб ЕС [14]). У Калегіі ЕЭК сітуацыя адрозніваецца ад умоў Савета ЕЭК. Калегія складаецца з трох прадстаўнікоў ад кожнай дзяржавы, якія не могуць займаць урадавыя пасады, пры выкананні сваіх службовых абавязкаў незалежныя ад дзяржаўных органаў і службовых асоб дзяржаў і не могуць запытваць ці атрымліваць указанні ад органаў улады або афіцыйных асоб дзяржаў (арт. 15 Дамовы аб ЕЭК [2]).

Аднак дадзеныя фармальныя палажэнні не адлюстроўваюць фактычную сітуацыю. Па сутнасці, як будзе бачна далей, любыя рашэнні Калегіі ЕЭК, якія могуць супярэчыць нацыянальным інтарэсам нейкай краіны, могуць быць заблакаваныя Саветам. У такой сітуацыі нельга казаць пра паўнаважнасць наднацыянальнасць Калегіі ЕЭК і яе здольнасць выконваць функцыі прадстаўніка агульнага інтарэсу.

Калегія ЕЭК мае функцыі, якія не ўласцівы Еўрапейскай камісіі. Так, Калегіі ЕЭК надаецца права прымаць абавязковыя для выканання рашэнні, тады як Еўрапейская камісія можа гэта ажыццяўляць толькі ў вельмі абмежаваных сферах або шляхам дэлегавання паўнамоцтваў ад Савета ЕС і Еўрапейскага парламента. Яе асноўнай роляй з'яўляецца толькі ініцыяванне прыняцця падобных рашэнняў (хоць гэта істотная роля фактычнай манаполіі заканадаўчай ініцыятывы), выпрацоўка агульнага заканадаўчага плану на кожны год і агульных палітычных стратэгий [16, р. 37].

Існуе агульнае палажэнне пра тое, што рашэнні ЕЭК, як яе Калегіі, так і Савета, маюць абавязковы характар і патрабуюць непасрэднага прымянення на тэрыторыях дзяржаў-членаў (п. 1 арт. 5 Дамовы аб ЕЭК [2]). Непасрэдна ў Калегіі ЕЭК такім статусам валодаюць рашэнні па выкананні міжнародных дамоў і рашэнняў вышэйшых органаў, а таксама яе рашэнні датычна невыканання асобнымі дзяржавамі — членамі міжнародных дамоў рашэнняў ВЕЭС і Савета ЕЭК, якія Калегія ЕЭК прымае па выніках маніторынгу. Аднак абавязковасць і прамое дзеянне гэтых рашэнняў вельмі ўмоўныя, паколькі любое рашэнне Калегіі ЕЭК можа быць скасавана ці зменена Саветам ЕЭК цягам 10 дзён з моманту яго прыняцця па ініцыятыве любой дзяржавы ці любога члена Савета ЕЭК, не згодных з такім рашэннем (арт. 13 Дамовы аб ЕЭК [2]). Нават калі Савет ЕЭК і пакіне рашэнне Калегіі ЕЭК у сіле, то дзяржава, не згодная з такім рашэннем Савета ЕЭК, можа дамагчыся яго скасавання ці змены праз ВЕЭС. З гэтай мэтай дзяржава можа звярнуцца ў ВЕЭС на працягу 30 дзён з моманту прыняцця рашэння Саветам ЕЭК. Такім чынам, дамова прадугледзела значны тэрмін, на працягу якога рашэнне можа быць скасавана ці зменена, тым самым яшчэ больш абмежаваўшы і без таго вузкія паўнамоцтвы Камісіі ЕЭК. Калі гэтага недастаткова, то Рэгламент ЕЭК прадугледжвае, што Калегія ЕЭК сама можа скасаваць сваё рашэнне, калі на яго паступіла заява дзяржавы ці члена Савета ЕЭК (п. 76 Рэгламента ЕЭК [9]).

Такім чынам, аналіз паказвае, што выканаўчыя функцыі Калегіі ЕЭК могуць быць істотна абмежаваныя. На думку некаторых даследчыкаў, такая сітуацыя зводзіць ролю дадзенага органа галоўным чынам да падрыхтоўкі прапаноў для Савета ЕЭК і ВЕЭС [гл., напр.: 1].

Аднак існуе шэраг падабенстваў Еўрапейскай камісіі і Калегіі ЕЭК. Так, міністры Калегіі ЕЭК адпавядаюць камісарам Еўрапейскай камісіі, хоць і з рознымі працэдурамі прызначэння. Таксама Еўрапейская камісія падзяляецца на генеральныя дырэктараты [17] па шэрагу сфераў дзейнасці ЕС, што ў пэўнай ступені адпавядае падзелу Калегіі ЕЭК на дэпартаменты [10]. Аднак дэпартаменты забяспечваюць дзейнасць не толькі Калегіі ЕЭК, але і Савета ЕЭК, і Вышэйшага Еўразійскага эканамічнага савета, што не характэрна для генеральных дырэктаратаў Еўрапейскай камісіі. Шэраг дэпартаментнаў ЕЭК прыкладна супадае па функцыях і прызначэнні з генеральнымі дырэктаратамі Еўрапейскай камісіі (адрозненні вынікаюць з непараўнальнай ступені еўрапейскай і еўразійскай інтэграцыі).

У адрозненне ад Еўрапейскай камісіі, якая рыхтуе праект бюджэта ўсяго ЕС, Калегія рыхтуе толькі праект бюджэта ЕЭК. Еўрапейская камісія накіроўвае яго на ўхваленне Савету ЕС

і Парламенту, а Калегія — Савету ЕЭК. Канчатковае слова па бюджэце ЕС мае Парламент (п. 9 арт. 314 Дамовы аб функцыянаванні ЕС [15]), тады як па праекце бюджэта ЕЭК — ВЕЭС (п. 4 арт. 7 Дамовы аб ЕЭК [2]).

Падобна да Еўрапейскай камісіі Калегія ЕЭК ажыццяўляе маніторынг выканання дзяржавамі-членамі іх абавязкаў. Калі нейкая дзяржава парушае або неналежаным чынам выконвае свае абавязкі, то Калегія ЕЭК рашэннем, прынятым 2/3 галасоў, накіроўвае такой дзяржаве паведамленне пра неабходнасць абавязковага выканання адпаведнай міжнароднай дамовы і (або) рашэння Камісіі і вызначае разумны тэрмін, цягам якога дзяржава павінна скасаваць такое парушэнне (арт. 20 Дамовы аб ЕЭК [2]). У выпадку, калі ў вызначаны тэрмін дзяржава не выконвае рашэнне, то Калегія ЕЭК перадае дадзенае пытанне на разгляд Савета ЕЭК. Малаверагодна, што Савет ЕЭК, які працуе па прынцыпе кансэнсусу, прыме рашэнне з негатыўнымі наступствамі для дзяржавы, паколькі член Савета ЕЭК ад гэтай дзяржавы ў рангу намесніка кіраўніка ўраду можа заблакіраваць яго.

Гэта з’яўляецца паказчыкам неэфектыўнасці пабудаванай сістэмы кантролю за выкананнем абавязкаў. Толькі ў выпадку, калі Савет ЕЭК ўсё ж такі прыме рашэнне супраць дзяржавы-парушальніцы і пры гэтым яна зноў не выканае яго ў вызначаны тэрміны, Калегія ЕЭК ад імя ЕЭК мае права звярнуцца ў Суд ЕўрАзЭС з адпаведнай заявай, з адначасовым паведамленнем пра гэта ў ВЕЭС і Савет ЕЭК. Суд ЕўрАзЭС па хадаўніцтве зацікаўленай дзяржавы ці Калегіі ЕЭК можа ўвесці разумныя часовыя захады, у тым ліку забеспячальнага характару, у мэтах забеспячэння выканання рашэння Суда. Іншыя захады, акрамя гэтых расплывістых, не прадугледжаны. Больш за тое, не зразумела, якім чынам будзе забяспечвацца выкананне судовага рашэння.

Старшыня і астатнія члены Калегіі ЕЭК прызначаюцца на чатыры гады з магчымым падаўжэннем паўнамоцтваў рашэннем ВЕЭС (арт. 15 Дамовы аб ЕЭК [2]). Прадугледжана ратацыя Старшыні па чарзе ў парадку рускага алфавіту па назве дзяржавы. У той самы час пасада прэзідэнта Еўрапейскай камісіі ў сувязі з апошнімі зменамі з’яўляецца выбарнай пасадай (п. 7 арт. 17 Дамовы аб ЕС [14]). Акрамя звычайных выпадкаў паўнамоцтвы члена Калегіі могуць быць датэрмінова спынены рашэннем ВЕЭС на зварот дзяржавы яе грамадзянства. Пры гэтым у Дамове не вызначаны падставы, па якіх дзяржава можа прасіць ВЕЭС пра датэрміновае спыненне паўнамоцтваў аднаго са сваіх членаў Калегіі ЕЭК. У такой сітуацыі члены ВЕЭС не будуць пярэчыць жаданню іх калегі, і адпаведная дзяржава заўсёды будзе мець магчымасць паводле любой падставы вызваліць прызначэнца ад пасады. У Еўрапейскай камісіі такая сітуацыя не

можа мець месца ў сувязі з тым, што толькі яе прэзідэнт прымае рашэнне пра вызваленне ад пасады (п. 6 арт. 17 Дамовы аб ЕС [14]).

Яшчэ адна асаблівасць функцыянавання ЕЭК тычыцца яе пасяджэнняў. Паводле рэгламенту, пасяджэнне Калегіі з’яўляецца правамоцным, калі на ім прысутнічаюць 2/3 ад агульнай колькасці членаў Калегіі (6 членаў з 9), але пры ўмове ўдзелу прынамсі па адным ад кожнай дзяржавы (п. 58 Рэгламента ЕЭК [9]). Калі ж дадзенае патрабаванне не выканана, Калегія не мае права засядаць і прымаць свае рашэнні. Абавязковае патрабаванне наяўнасці прынамсі аднаго прадстаўніка ад кожнай дзяржавы можа сведчыць пра залежнасць членаў Калегіі ад інструкцый з боку сваіх дзяржаў, паколькі пры такім парадку прыняцця рашэнняў, а таксама прызначэнні на пасаду і вызваленні ад яе кожная дзяржава мае магчымасць не толькі ўскосна, але і прама ўплываць на пазіцыю сваіх членаў Калегіі ЕЭК.

Такім чынам, эфектыўная дзейнасць Калегіі вельмі адносна і вызначаецца тым, наколькі будуць супадаць нацыянальныя інтарэсы інтэграцыйнага развіцця. У той жа час Еўрапейская камісія заўжды была палітычнай сілай, найбольш арыентаванай на інтэграцыю, і часта была асноўным рухавіком інтэграцыі. З улікам вышэйпералічанага на сённяшні дзень малаверагодна, што такую ролю можа займаць Калегія ЕЭК.

Савет ЕС і Савет Еўразійскай эканамічнай камісіі

Найбольшым адпаведнікам Савету ЕС з’яўляецца Савет ЕЭК, нягледзячы на тое, што апошні з’яўляецца ўсяго толькі часткай ЕЭК. Так, Савет ЕС складаецца з прадстаўнікоў кожнай дзяржавы-члена на міністэрскім узроўні (п. 2 арт. 16 Дамовы аб ЕС [14]). Такім чынам, члены Савета ЕС з’яўляюцца па сутнасці, палітыкамі. Падобная сістэма дзейнічае і ў Савете ЕЭК, які складаецца з трох намеснікаў кіраўнікоў урадаў (арт. 8 Дамовы аб ЕЭК [2]).

Савет ЕС сумесна з Еўрапейскім парламентам ажыццяўляе заканадаўчую і бюджэтную функцыі. Ён ухваляе амаль усе заканадаўчыя прапановы Еўрапейскай камісіі (адзінагалосна, кваліфікаванай або простай большасцю ў залежнасці ад сферы). Савет ЕС можа дэлегаваць паўнамоцтвы Еўрапейскай камісіі, чаго няма ў рамках еўразійскай інтэграцыі.

Савет ЕЭК ажыццяўляе агульнае рэгуляванне інтэграцыйных працэсаў у МС і АЭП, а таксама агульнае кіраўніцтва дзейнасцю ЕЭК і, як было паказана вышэй, прымае рашэнні толькі кансэнсусам. Савет ЕЭК таксама ўносіць на ўхваленне ВЕЭС праекты міжнародных дамоў, прапановы па асноўных напрамках развіцця інтэграцыі і дае адпаведныя даручэнні Калегіі. Савет ЕЭК правамоцны засядаць і прымаць

свае рашэнні толькі пры наяўнасці ўсіх трох членаў (арт. 10 Дамовы аб ЕЭК [2]). Пры гэтым, калі кансэнсус не дасягнуты, пытанне перадаецца для рашэння ў ВЕЭС. Такім чынам, кожны член Савета ЕЭК рэалізуе ў гэтым органе нацыянальныя інтарэсы сваёй дзяржавы адпаведна інструкцыі свайго дзяржаўнага кіраўніцтва. Таму дзеяздольнасць дадзенага органа цалкам вызначаецца тым, ці дасягнута згода паміж лідэрамі дзяржаў па пытанні, якое знаходзіцца на разглядзе, што падобна да парадку працы Савета ЕС.

Пры Савеце ЕС існуе камітэт пастаянных прадстаўнікоў (*Coreper*), які займаецца падрыхтоўкай працы Савета ЕС і мае складаную сістэму працоўных груп [12, р. 74–75]. Падобная структура існуе ў ЕўрАзЭС (ч. 3 п. 2 арт. 6 Дамовы аб ЕўрАзЭС [3]), аднак ёй не знайшлося месца ў МС і АЭП.

Роля Савета ЕС — прадстаўляць інтарэсы дзяржаў-членаў. Еўрапейская камісія і Савет ЕС з'яўляюцца аднымі з асноўных інстытуцый ЕС, якія заўжды мелі вельмі спецыфічныя ўзаемаадносіны [13, р. 747–750]. Еўрапейская камісія заўжды прадстаўляла пра-інтэграцыйную перспектыву, тады як Савет ЕС займаў больш асцярожную, міжурадавую перспектыву. У рамках еўразійскай інтэграцыі паспрабавалі аб'яднаць гэтыя дзве інстытуцыі ў адну, прычым на сённяшні дзень зрабіць галоўным менавіта аналаг міжурадавага Савета ЕС — Савет ЕЭК. Гэта паказчык накірунку на большую міждзяржаўнасць еўразійскай інтэграцыі ў супрацьвагу наднацыянальнасці.

Еўрапейскі парламент і Міжпарламенцкая асамблея ЕўрАзЭС

Еўрапейскі парламент прайшоў доўгі шлях трансфармацыі. З Асамблеі 1952 г. ён пераўтварыўся ў значна больш здольную інстытуцыю. Еўрапейскі парламент валодае вельмі істотнымі заканадаўчымі, бюджэтнымі і нагляднымі паўнамоцтвамі і выбіраецца прамым галасаваннем. У той жа час пытанні дэмакратычнага дэфіцыту ў ЕС усё яшчэ не вырашаны, прычым іх вырашэнне розныя даследчыкі бачаць як магчымай, так і немагчымай задачай [22]. Аднак МПА ў рамках еўразійскай інтэграцыі мае той жа слабы статус пачатку еўрапейскай інтэграцыі.

Слабасць МПА абумоўлена палітычнай сітуацыяй і дзяржаваў-членах і вельмі абмежаванымі паўнамоцтвамі дадзенага органа. МПА складаецца з дэпутатаў, якія дэлегуюцца парламентамі дзяржаў-членаў. Паколькі заканадаўчыя органы апошніх фактычна залежаць ад выканаўчай улады, здольнасць МПА мець нейкую незалежную ролю з'яўляецца сумнеўнай. Адносна паўнамоцтваў МПА яна не ўключана ў працэс прыняцця рашэнняў, і не існуе нават аналогу механізму ЕС па абавяз-

ковай кансультацыі, які граў істотную ролю ў функцыянаванні Еўрапейскага парламента да моманту пашырэння яго паўнамоцтваў. Роля МПА абмяжоўваецца разглядам пытанняў гарманізацыі нацыянальнага заканадаўства дзяржаў-членаў і прывядзеннем яго ў адпаведнасць з дамовамі, якія заключаны ў рамках ЕўрАзЭС, распрацоўкай мадэльнага заканадаўства і прапаноў па асновах заканадаўства дзяржаў-членаў (арт. 7 Дамовы аб ЕўрАзЭС [3]). Больш за тое дзейнасць дадзенага органа непасрэдна не распаўсюджваецца на МС і АЭП, аднак ажыццяўляецца ў рамках супрацоўніцтва з ЕЭК.

Суд ЕС і Суд ЕўрАзЭС

Суд ЕС як наднацыянальны орган адыгрываў і адыгрывае істотную ролю ў фарміраванні правапарадку ЕС. Разам з Еўрапейскай камісіяй ён стаў адным з рухавікоў інтэграцыі шляхам шырокага выкарыстання сваіх паўнамоцтваў па тлумачэнні дамоў, на якіх заснаваны ЕС.

Суд ЕўрАзЭС таксама з'яўляецца наднацыянальным органам, дзейнасць якога распаўсюджваецца на МС і АЭП. Яго функцыі на падставе Дамовы паміж СНД і ЕўрАзЭС ад 3 сакавіка 2004 г. па 31 снежня 2011 г. выконваў Эканамічны Суд СНД [5, с. 69], а з 1 студзеня 2012 г. да працы прыступіў самастойны Суд ЕўрАзЭС [6].

Распачаць судовую спрэчку могуць дзяржавы-члены, органы ЕўрАзЭС і МС і гаспадарчыя суб'екты дзяржаў-членаў. Грамадзяне гэтых дзяржаў у адрозненне ад грамадзян ЕС пазбаўлены права аспрэчваць рашэнні і дзеянні (бяздзейнасць) інтэграцыйных органаў у Судзе ЕўрАзЭС.

Як было пазначана вышэй, Калегія ЕЭК, як і Еўрапейская камісія, ажыццяўляе маніторынг выканання дзяржавамі іх абавязкаў. Пасля праходжання некалькіх стадый кантролю Калегія ЕЭК ад імя ЕЭК мае права звярнуцца ў Суд ЕўрАзЭС з адпаведнай заявай і адначасова паведаміць пра гэта ВЕЭС і Савет ЕЭК. Суд ЕўрАзЭС па хадайніцтве зацікаўленай дзяржавы ці Калегіі ЕЭК можа ўвесці разумныя часовыя меры для забеспячэння выканання рашэння Суда.

У выпадку невыканання рашэння Суда ЕўрАзЭС у вызначаны тэрмін пытанне перадаецца на разгляд ВЕЭС на ўзроўні кіраўнікоў дзяржаў. Улічваючы аднагалосны парадак прыняцця рашэнняў у ВЕЭС, функцыянаванне Суда ЕўрАзЭС падаецца таксама абмежаваным.

Праведзены аналіз дазваляе казаць пра досыць шырокія фактычныя магчымасці Суда ЕўрАзЭС рэалізоўваць свае функцыі, аднак пры пазначаных вышэй абмежаванасцях гэтыя магчымасці, у прыватнасці ў дачыненні да рашэнняў супраць дзяржаў, складана рэалізаваць на практыцы.

Высновы

Інстытуцыйную структуру МС і АЭП і асноўныя прынцыпы функцыянавання можна з вялікай доляй умоўнасці суаднесці з адпаведнай структурай інстытуцый і органаў ЕС. Аднак параўнанне стала больш магчыма цяпер, бо назіраецца адыход ад выключна вертыкальнай арганізацыі працы, пад чым мы разумеем ухваленне рашэнняў на аснове кансэнсусу выключна сярод кіраўнікоў дзяржаў, што адбываецца ў ЕўрАзЭС і ў першым варыянце інстытуцыйнай структуры МС. З утварэннем АЭП і ЕЭК як асноўнага яе органа адбыліся змены. Так, цяпер адменена неабходнасць перадаваць рашэнні ЕЭК на ўхваленне на вышэйшы ўзровень. У той жа час захаваліся механізмы па скасаванні такіх рашэнняў. Аднак, хоць інстытуцыйны баланс лепш забяспечаны чым у ЕўрАзЭС, ён далёкі ад ўзроўню ЕС.

Адпаведнікам Еўрапейскага савета з'яўляецца ВЕЭС, аднак апошні мае значна больш шырокія паўнамоцтвы, што паказвае на нежаданне на дадзенай стадыі інтэграцыі перадаваць паўнамоцтвы наднацыянальным органам.

Калегію ЕЭК можна назваць органам, аналагічным Еўрапейскай камісіі, з улікам спецыфікі абмежаванняў дзейнасці першай. Так, Калегія ЕЭК фармальна з'яўляецца наднацыянальнай, аднак на практыцы яе рашэнні

могуць быць лёгка скасаваныя вышэйшымі органамі. Савет ЕЭК адпавядае некаторым характарыстыкам Савета ЕС, асабліва ў дачыненні да абароны нацыянальных інтарэсаў на дадзеным узроўні. МПА з'яўляецца адпаведнікам Парламенцкай асамблеі пачатку еўрапейскай інтэграцыі, але знаходзіцца далёка ад сённяшняга Еўрапейскага парламента. Гэта абумоўлена ў першую чаргу залежнасцю парламентаў ад выканаўчай улады ў трох краінах еўразійскай інтэграцыі. Суд ЕўрАзЭС функцыянальна адпавядае Суду ЕС, аднак вельмі істотным застаецца пытанне магчымасці забеспячэння яго рашэнняў.

Як паказаў аналіз, фактычная дзейнасць ВЕЭС, Камісіі ЕЭК, Савета ЕЭК і Суда ЕўрАзЭС залежыць ад індывідуальнай пазіцыі кожнага лідара дзяржавы-члена па пытаннях рашэнняў, якія знаходзяцца на разглядзе. Сюды дадаюцца бюджэтна-фінансавыя пытанні. Адзінымі крыніцамі, з якіх фінансуецца дзейнасць органаў МС і АЭП, з'яўляюцца ўзносы дзяржаў-членаў. Пры гэтым, калі ВЕЭС і Савет ЕЭК адносна незалежныя ад гэтых узносаў, то для Калегіі ЕЭК і Суда ЕўрАзЭС любое прыпыненне фінансавання, да прыкладу з прычыны магчымага эканамічнага крызісу, можа прывесці да прыпынення іх дзейнасці. Мяркуем, што МС і АЭП варта па прыкладзе ЕС перайсці да фарміравання ўласных бюджэтных рэсурсаў.

Літаратура

1. Байльдинов, Е. Т. Особенности современного евразийского интеграционного правового порядка / Е. Т. Байльдинов // Евраз. юрид. журн. — 2012. — № 10. — С. 18–23.
2. Договор о Евразийской экономической комиссии (подписан в г. Москве 18.11.2011 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — М., 2013.
3. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (подписан в г. Астане 10.10.2000 г.) [Электронный ресурс] // Там же.
4. Задиран, С. В. Комиссия Таможенного союза: функции, регламенты, процедуры / С. В. Задиран // Юстиция Беларуси. — 2010. — № 6. — С. 54–57.
5. Зацепина, Т. Н. К вопросу о судебном разрешении споров в рамках Таможенного союза / Т. Н. Зацепина, Е. В. Бабкина // Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: современность и перспективы: сб. докл. II Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22–23 сент. 2011 г.). — Минск: Белтаможсервис, 2011. — С. 68–76.
6. История [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического сообщества. — Режим доступа: <<http://sudevrazes.org/main.aspx?guid=6201>>. — Дата доступа: 28.03.2013.
7. Кротов, И. Е. О функционировании органов Таможенного союза на Едином экономическом пространстве / И. Е. Кротов // Юрист. — 2012. — № 7. — С. 35–39.
8. Международные правовые и экономические аспекты институционального баланса (на опыте Евросоюза) / Ю. В. Мишальченко [и др.] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2012. — № 11. — С. 59–60.
9. О Регламенте работы Евразийской экономической комиссии: решение Высшего Евразийского экономического совета от 18 окт. 2011 г. № 1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — М., 2013.
10. О структуре департаментов Евразийской экономической комиссии: решение Совета Евразийской экономической комиссии от 25 янв. 2012 г. № 2 [Электронный ресурс] // Там же.
11. Положение о Межгосударственном Совете Евразийского экономического сообщества: решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 31 мая 2001 г. № 3 [Электронный ресурс] // Там же.
12. Chalmers, D. European Union Law: Cases and Materials. 2nd ed. / D. Chalmers, G. Davies, G. Monti. — Cambridge: CUP, 2010. — 1150 p.
13. Christiansen, T. Intra-institutional politics and inter-institutional relations in the EU: towards coherent governance? / T. Christiansen // Journal of European Public Policy. — 2001. — Vol. 8, N 5. — P. 747–769.
14. Consolidated Version of the Treaty on European Union // Consolidated Versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. Charter of Fundamental Rights of the European Union. — Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010. — P. 13–45.
15. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Ibid. — P. 47–199.
16. Craig, P. EU Law: Text, Cases, and Materials. 5th ed. / P. Craig, G. de Búrca. — Oxford: OUP, 2011. — 1320 p.
17. Departments (Directorates-General) and services [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/about/ds_en.htm>. — Date of access: 28.03.2013.

18. Kaveshnikov, N. Developing the Institutional Structure of the Eurasian Economic Community / N. Kaveshnikov // Eurasian Integration Yearbook 2011. — Almaty: Eurasian Development Bank, 2011. — P. 106—123.
19. Lenaerts, K. Institutional Balance as a Guarantee for Democracy in EU Governance / K. Lenaerts, A. Verhoeven // Good Governance in Europe's Integrated Market / ed. by C. Joerges, R. Dehousse. — Oxford: OUP, 2002. — P. 32—88.

«Параўнанне інстытуцыйнай структуры Еўрапейскага саюза і Адзінай эканамічнай прасторы» (Максім Карлюк)

У дадзеным артыкуле вызначаецца ступень параўнальнасці інстытуцый і органаў Еўрапейскага саюза, з аднаго боку, і Мытнага саюза і Адзінай эканамічнай прасторы Беларусі, Казахстана і Расіі — з іншага. Вызначаюцца інстытуцыйныя адпаведнікі ў рамках еўрапейскай і еўразійскай інтэграцыі, якія аналізуюцца на прадмет функцыянавання. На падставе праведзенага аналізу робіцца выснова, што нягледзячы на пэўнае інстытуцыйнае падобенства, эфектыўнасць функцыянавання органаў істотна розніцца. Дзеяздольнасць органаў ў рамках Еўразійскай інтэграцыі параўнальна з Еўрапейскім саюзам з'яўляецца абмежаванай і істотна залежыць ад пазіцыі лідэраў дзяржаў-членаў.

«Institutional Comparison of the European Union and the Common Economic Space» (Maksim Karliuk)

This article identifies the degree of comparability of the institution and bodies of the European Union on the one hand, and the Customs Union and the Common Economic Space of Belarus, Kazakhstan and Russia on the other. Institutional correspondence within the European and Eurasian integration is identified which is further analysed on the functional basis. The analysis shows that despite certain institutional similarity, functional effectiveness varies considerably. The capacity to act of the bodies within Eurasian integration in comparison with the European Union is limited and depends considerably on the will of the leaders of the member states.

Артыкул паступіў у рэдакцыю ў чэрвені 2013 г.

международные организации

международное право

ФОРМЫ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ ЕЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ПРАВОВОГО ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Наталья Маскаева

В настоящее время в законодательстве многих государств содержится определение недобросовестной конкуренции (*unfair competition, concurrence déloyale, competencia desleal*), которое позволяет установить, является совершаемое действие (бездействие) таковой либо нет. Вместе с тем, наличие только легального определения данной экономико-правовой категории создало бы для правоприменителя значительные трудности, поскольку зачастую для констатации существования недобросовестной конкуренции ему пришлось бы оценивать поведение ответчика с точки зрения субъективных понятий «добросовестности», «разумности», «добропорядочности» и т. п.

С целью разрешения данной проблемы на международно- и национально-правовом уровне наряду с соответствующими определениями закрепляются перечни типичных проявлений недобросовестной конкуренции. В законодательстве Республики Беларусь они называются формами недобросовестной конкуренции (ст. 14² Закона Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», далее — антимонопольный Закон) [20].

В юридической литературе соответствующие формы анализируются немногими авторами: С. С. Лосевым [7], Д. А. Невмержицким [8], И. В. Поповой [23]. При этом предлагаются лишь корректировки некоторых из них.

Вместе с тем, с момента закрепления в белорусском законодательстве форм недобросовестной конкуренции прошло более 10 лет и на сегодняшний день они не в полной мере отвечают объективной реальности, международным договорам нашего государства, не учитывают прогрессивные теоретические наработки в данной сфере и положения нормативных правовых актов, принятых позднее. Целью настоящей статьи является выработка предложений, направленных на комплексный пересмотр форм недобросовестной конкуренции.

Основными правовыми источниками, закрепляющими формы недобросовестной конкуренции, являются Гражданский кодекс Республики Беларусь (п. 2 ст. 1029, далее — ГК) [2] и антимонопольный Закон (ст. 14²). Отметим, что первые три из форм практически полностью совпадают с содержащимися в п. 3 ст. 10-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (далее — Парижская конвенция) [22]. К ним относятся следующие формы (поскольку они сформулированы в пунктах 1—3 статьи 14² антимонопольного Закона несколько иначе, чем в пункте 2 статьи 1029 ГК, отличия, содержащиеся в данных нормах антимонопольного Закона, указаны путем зачеркивания и в скобках):

1) ~~все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смещение~~ в отношении юридических лиц, индивидуальных предпринимателей (**хозяйствующих субъектов**), товаров, работ, услуг (**товаров**) или предпринимательской деятельности конкурентов (далее — **смещение**) (В соответствии с абз. 18 ст. 1 антимонопольного Закона товар — все виды объектов гражданских прав, могущие быть предметами сделок купли-продажи, мены, а также не запрещенные законодательством **работы и услуги**, которые выполняются, оказываются, могут быть выполнены, оказаны или обычно выполняются либо оказываются потребителям на возмездной основе.);

2) ~~ложные утверждения~~ при осуществлении предпринимательской деятельности, способные дискредитировать юридическое лицо, индивидуального предпринимателя (**хозяйствующий субъект**), товары, работы, услуги (**товары**) или предпринимательскую деятельность конкурента (далее — **дискредитация**);

3) ~~указания или утверждения, использование которых при осуществлении предпринимательской деятельности может ввести~~ (**которые могут ввести**) в заблуждение относительно характера, свойств **способа и места**

Автор:

Маскаева Наталья Геннадьевна — преподаватель кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Анцух Наталья Сергеевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Барбук Алексей Владимирович — кандидат юридических наук, советник главного договорно-правового управления Министерства иностранных дел Республики Беларусь

изготовления, пригодности к применению или количества товаров, работ, услуг (**товаров**) конкурента (**в том числе осуществляемые посредством некорректного сравнения производимого хозяйствующим субъектом товара с товаром конкурента путем распространения хозяйствующим субъектом в любой форме и любыми способами сведений, содержащих ложные или неточные сопоставительные характеристики собственного товара и товара конкурента, способные повлиять на свободу выбора потребителя при приобретении товаров или заключении сделки**) (далее — **введение в заблуждение**).

Однако рассмотренные положения ГК и антимонопольного Закона используют иную, чем в статье 10-*bis* Парижской конвенции, терминологию. Так, в них вместо терминов «продукты», «промышленная или торговая деятельность», «коммерческая деятельность», «предприятие» используются термины «товары, работы, услуги» («товар»), «предпринимательская деятельность», «юридические лица, индивидуальные предприниматели» («субъекты хозяйствования»). На наш взгляд, данные различия не выявляют противоречия соответствующих норм ГК, антимонопольного Закона и Парижской конвенции.

Следует отметить, что в статье 14² антимонопольного Закона, по сравнению с пунктом 2 статьи 1029 ГК, приведены конкретные действия, которые могут быть отнесены к смешению, дискредитации или введению в заблуждение. Кроме того, в пункте 4 данной статьи антимонопольного Закона содержатся и не предусмотренные пунктом 2 статьи 1029 ГК формы недобросовестной конкуренции (будут рассмотрены ниже).

В данной связи, а также с учетом того, что антимонопольный Закон является специальным в отношении ГК, проанализируем положения статьи 14² антимонопольного Закона.

1. Смещение (п. 1 ст. 14² антимонопольного Закона). В качестве примеров смешения в данном пункте приводятся:

1.1) введение в гражданский оборот товаров с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации участников гражданского оборота или их товаров (абз. 3);

1.2) введение в гражданский оборот товаров другого хозяйствующего субъекта с использованием собственных средств индивидуализации товара, если иное не предусмотрено договором, заключенным между хозяйствующими субъектами (абз. 5).

В законодательстве Республики Беларусь введением в гражданский оборот товара признается, в частности, его изготовление, применение, ввоз, предложение к продаже, продажа (абз. 2 п. 3 ст. 1001 ГК; п. 3 ст. 3 Закона Респуб-

лики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания») [21]. Результаты интеллектуальной деятельности перечислены в пункте 1 статьи 980 ГК (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем и др.), средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг — в пункте 2 данной статьи ГК (фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания).

Для установления того, какое использование результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации участников гражданского оборота или их товаров является незаконным, необходимо обращаться к положениям иных, чем антимонопольный Закон, актов законодательства (например, в отношении товарного знака (знака обслуживания) — к Закону Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания», из п. 1 ст. 20 которого следует, что незаконным является использование товарного знака без заключения лицензионного или иного договора).

Исходя из изложенного, на основании абзаца 3 пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона недобросовестной конкуренцией может быть признана, например, продажа хозяйствующим субъектом **собственного товара**, на котором нанесен **товарный знак другого хозяйствующего субъекта**, при отсутствии лицензионного или иного договора; на основании абзаца 5 пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона — продажа хозяйствующим субъектом **товара конкурента с использованием собственного товарного знака**;

1.3) незаконное использование хозяйствующим субъектом не принадлежащего ему фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания), наименования места происхождения товара на товарах, их упаковке, на вывесках, при демонстрации экспонатов на выставках и ярмарках, в рекламных материалах, печатных изданиях и иной документации (абз. 2).

В данном абзаце пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона идет речь о **незаконном использовании** хозяйствующим субъектом **чужих средств индивидуализации**. Среди них не упоминается такое средство индивидуализации, как указание происхождения товара.

Согласно части 1 пункта 3 статьи 1024 ГК, указанием происхождения товара признается обозначение, прямо или косвенно указывающее на место действительного происхождения или изготовления товара. Как отмечает белорусский ученый-правовед С. С. Лосев, указание происхождения товара может быть представлено в виде как названия географического объекта (например, «Сделано в Беларуси»), так и изображения, однозначно ассоциируемого с определенным географическим объектом (герб города, государственный флаг и т. п.) [6].

Данное понятие было введено в национальное законодательство Законом Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. «О географических указаниях» [10].

Полагаем, что отсутствие в абзаце 2 пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона упоминания о незаконном использовании хозяйствующим субъектом не принадлежащего ему указания происхождения товара не является упущением белорусского законодателя, поскольку Закон «О географических указаниях» не позволяет говорить о принадлежности указания происхождения товара какому-либо лицу.

Ответ на вопрос о том, какое использование является незаконным, следует искать не в антимонопольном Законе, а в других нормативных правовых актах. Например, незаконным является использование зарегистрированного наименования места происхождения товара лицами, не имеющими свидетельства на право пользования наименованием места происхождения товара (п. 2 ст. 13 Закона Республики Беларусь «О географических указаниях»).

На основании абзаца 2 пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона нельзя признать недобросовестной конкуренцией законное, но **самовольное** использование указанных средств индивидуализации, например использование без разрешения владельца товарного знака, срок правовой охраны которого истек. Это возможно лишь при полном соответствии данного действия определению недобросовестной конкуренции, что не согласуется с абзацем 5 подпункта 3 пункта 2 статьи 3 Договора о проведении согласованной антимонопольной политики от 25 января 2000 г. [4] (далее — Договор об антимонопольной политике), который прямо относит его к недобросовестной конкуренции. (В Договоре об антимонопольной политике не разъяснено, что понимается под «самовольным использованием» соответствующих объектов. Полагаем, что толкование данного термина может быть осуществлено с учетом общеупотребительного значения слова «самовольный» в русском языке, под которым понимается «поступающий только по своему усмотрению, прихоти; совершаемый без разрешения, произвольно» [31].)

В абзаце 2 пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона установлен **закрытый перечень** способов незаконного использования фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания), наименования места происхождения товара.

Вместе с тем, средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ, услуг могут на практике использоваться и другими способами, что отражено в иных законодательных актах Республики Беларусь. Так, согласно пункту 1 статьи 20 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания», использованием товарного знака (знака обслуживания) признается его исполь-

зование, в частности, на этикетках и в глобальной компьютерной сети Интернет (в том числе в доменном имени). Так как эти способы использования товарного знака (знака обслуживания) не закреплены в абзаце 2 пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона, то для того, чтобы отнести соответствующие действия к недобросовестной конкуренции, необходимо установить наличие в них всех конститутивных элементов ее определения, в том числе **противоречие требованиям добросовестности и разумности**. Однако, полагаем, что сам факт **незаконности** использования хозяйствующими субъектами средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ, услуг должен признаваться достаточным для отнесения этих действий к актам недобросовестной конкуренции, поскольку данные субъекты должны обладать необходимой правовой осведомленностью в отношении характера и последствий совершаемых ими действий. Поэтому оценка последних с точки зрения добросовестности и разумности представляется излишней.

В связи с изложенным, а также ввиду постоянного появления на практике новых способов незаконного использования упомянутых объектов интеллектуальной собственности, которые по объективным причинам (длительность процесса внесения в законы изменений) не могут быть оперативно учтены в антимонопольном Законе, полагаем, что из абзаца 2 пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона слова «на товарах, их упаковке, на вывесках, при демонстрации экспонатов на выставках и ярмарках, в рекламных материалах, печатных изданиях и иной документации» необходимо исключить;

1.4) незаконное копирование внешнего вида товара другого хозяйствующего субъекта, за исключением случаев, когда копирование товара или его частей (узлов, деталей) обусловлено исключительно их техническим применением (абз. 4).

Абзац 4 пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона относит к недобросовестной конкуренции незаконное копирование внешнего вида товара другого хозяйствующего субъекта. Определение того, какое копирование внешнего вида товара другого хозяйствующего субъекта является незаконным, должно осуществляться, исходя из иных актов законодательства. Так, например, с учетом абзаца 2 статьи 9 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» таким копированием является изготовление без согласия патентообладателя копии товара, изготовленного с применением запатентованного промышленного образца [19].

Следует отметить, что абзац 4 пункта 1 статьи 14² антимонопольного Закона **не распространяется на незаконное копи-**

вание упаковки товара конкурента. Это означает, что данные действия можно преследовать лишь на основании определения недобросовестной конкуренции. Полагаем возможным согласиться с мнением автора единственной в Республике Беларусь диссертации по теме, связанной с недобросовестной конкуренцией, Д. А. Невмержицкого, который считает, что это значительно усложняет защиту прав конкурентов [8, с. 62]. Кроме того, самовольное копирование упаковки товара другого хозяйствующего субъекта прямо указано в абзаце 5 подпункта 3 пункта 2 статьи 3 Договора об антимонопольной политике в качестве формы недобросовестной конкуренции.

2. Дискредитация (п. 2 ст. 14² антимонопольного Закона).

В русском языке слово «дискредитировать» означает «неуместными действиями или словами вызвать (вызывать) недоверие к чему-нибудь, умалить (умалять) чей-нибудь авторитет, значение» [32]). В данной связи полагаем, что в пункте 2 статьи 14² антимонопольного Закона идет речь о подрыве путем соответствующих утверждений доверия к хозяйствующему субъекту-конкуренту, его предпринимательской деятельности, умалении деловой репутации данного субъекта, ценности его товаров в глазах потребителей.

Данные утверждения разделены на две группы:

2.1) ложные, недостоверные, искаженные сведения о предпринимательской деятельности, финансовом состоянии, научно-технических и производственных возможностях, товарах конкурента (абз. 2).

Таким образом, в соответствии с антимонопольным Законом, в отличие от Парижской конвенции, недобросовестной конкуренцией в форме дискредитации может быть признано распространение не только ложных, но и **недостоверных или искаженных сведений**. В то же время в подпункте 3 пункта 2 статьи 3 Договора об антимонопольной политике и пункте 1 статьи 13 Соглашения о единых принципах и правилах конкуренции от 9 декабря 2010 г. [28] (далее — Соглашение о конкуренции) к недобросовестной конкуренции отнесено, в том числе распространение **неточных сведений**, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту (субъекту рынка) либо нанести ущерб его деловой репутации. Это означает, что абзац 2 пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона нуждается в соответствующем дополнении.

Следует отметить, что в указанных Договоре и Соглашении, а также в актах законодательства Республики Беларусь не определено, что необходимо понимать под ложными, недостоверными, неточными, искаженными сведениями. Нет разъяснений по этому вопросу и в белорусской судебной практике.

В связи с изложенным считаем, что в целях обеспечения правовой определенности и единообразия применения рассматриваемой нормы антимонопольного Закона желательно разъяснить значение указанных терминов в Инструкции о рассмотрении заявлений (обращений) о нарушении антимонопольного законодательства в части осуществления недобросовестной конкуренции, утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 17 апреля 2006 г. № 61 [5], а также в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь о некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции (в настоящее время такое постановление отсутствует).

При этом отметим, что в русском языке слово **«ложный»** означает «намеренно искажающий действительность» [1, с. 503], слово **«недостоверный»** — «не обладающий достоверностью, весьма сомнительный» [1, с. 620]; слово **«искаженный»** — «совершенно неправильный, переименованный, извращенный» [32]; слово **«неточный»** — лишенный точности, не совсем правильный [1, с. 644].

Таким образом, полагаем, что термин «недостоверный» соотносится с терминами «ложный», «искаженный», «неточный» как общее с частными. При этом искаженные и неточные сведения могут как иметь ложный характер, так и не иметь его. Изложенное должно быть учтено при корректировке абзаца 2 пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона.

Расширение в национальном законодательстве перечня дискредитирующих сведений, распространение которых может быть признано недобросовестной конкуренцией, допускается Парижской конвенцией; оно также согласуется с положениями абзаца 2 подпункта 3 пункта 2 статьи 3 Договора об антимонопольной политике и пункта 1 статьи 13 Соглашения о конкуренции. Вместе с тем, в данных положениях Договора об антимонопольной политике и Соглашения о конкуренции, в отличие от абзаца 2 пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона, не содержится никаких ограничений по поводу того, **чего должны касаться ложные, недостоверные, искаженные сведения**. Это означает, что нормы абзаца 2 пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона следует сформулировать таким образом, чтобы исключить подобны ограничения;

2.2) заявления, которые содержат информацию, порочащую деловую репутацию хозяйствующего субъекта либо его учредителя (участника, собственника имущества) или работника, и могут подорвать доверие к хозяйствующему субъекту как производителю товаров (абз. 3).

Как разъяснил Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в пункте 3 постановления от 26 апреля 2005 г.

№ 16 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации» [17], порочащими деловую репутацию являются, в частности, сведения о нарушении действующего законодательства, недобросовестности при осуществлении предпринимательской деятельности, нарушении этики делового оборота.

Абзац 3 пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона не требует, чтобы для установления факта недобросовестной конкуренции было признано, что указанная информация тем или иным образом **не соответствует действительности**. Таким образом, на ее основании недобросовестной конкуренцией может быть признано распространение сведений, которые являются достоверными, но носят, в частности, «характер "преувеличенных нападок"». Например, делается заявление о том, что товары конкурирующей организации не являются экологически безопасными, что их цена чрезмерно завышена и т. д.» [27, с. 45].

Данное положение не противоречит упомянутым международным договорам Республики Беларусь, поскольку они позволяют государствам-участникам самостоятельно разрешать в законодательстве и судебной практике вопрос о том, должно ли и при каких условиях распространение дискредитирующих указаний, не являющихся ложными, составлять акт недобросовестной конкуренции.

В частности, Испания как государство — участник Парижской конвенции в части 2 статьи 9 Закона от 10 января 1991 г. «О недобросовестной конкуренции» закрепило, что недобросовестной конкуренцией могут быть признаны даже соответствующие действительности дискредитирующие заявления, предмет которых являются национальность, верования или идеология, частная жизнь или любые иные обстоятельства исключительно личного характера, касающиеся затронутого лица [33].

Вместе с тем, наличие в антимонопольном Законе вышерассмотренной нормы, на наш взгляд, не позволяет в полной мере реализовать триединую функцию данного Закона, заключающуюся в обеспечении необходимых условий для создания и эффективного функционирования товарных рынков, содействия и развития добросовестной конкуренции, защиты прав и законных интересов потребителей (преамбула антимонопольного Закона). Ведь именно наличие максимального объема достоверной информации о деятельности хозяйствующих субъектов позволяет потребителям принимать наиболее рациональные решения относительно товаров (работ, услуг). В данной связи считаем, что в абзаце 3, как и в абзаце 2, пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона речь должна идти исключительно о недостоверных сведениях.

При этом, поскольку в абзаце 1 пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона уже определено, что утверждения при осуществлении предпринимательской деятельности должны быть способны дискредитировать хозяйствующий субъект, товары или предпринимательскую деятельность конкурента, уточнение в абзаце 3 пункта 2 упомянутой статьи антимонопольного Закона того, что соответствующие заявления должны создавать возможность подрыва доверия к хозяйствующему субъекту как производителю товаров, является излишним и подлежит исключению.

Для признания недобросовестной конкуренцией указанные в абзацах 2 и 3 пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона сведения и заявления должны быть распространены тем или иным хозяйствующим субъектом либо непосредственно, либо посредством третьих лиц. При анализе данных норм выявляется некоторая непоследовательность законодателя, который, указав примерный перечень способов распространения соответствующих сведений (в средствах массовой информации, рекламных и иных изданиях, через любые электронные средства массовой информации), не предусмотрел такого перечня для соответствующих заявлений. В пункте 2 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 26 апреля 2005 г. № 16 применительно к распространению не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, разъясняется, что оно может осуществляться, в том числе посредством опубликования в печатных средствах массовой информации, в радио-, теле- и видеопрограммах, размещения в глобальной компьютерной сети Интернет, демонстрации на плакатах, стендах, световых табло и в иной форме. Полагаем, что данные разъяснения могут быть использованы правоприменителем и при реализации пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона. В данной связи закрепление в нем способов распространения соответствующих сведений (заявлений) представляется излишним.

3. Введение в заблуждение (п. 3 ст. 14² антимонопольного Закона).

Квалифицируемыми в качестве недобросовестной конкуренции на основании данного положения антимонопольного Закона могут быть указания и утверждения, способные создать неверное мнение о товарах конкурента.

Вместе с тем, ни Парижская конвенция, ни Договор об антимонопольной политике, ни Соглашение о конкуренции не указывают на то, что вводящие в заблуждение сведения должны быть как-то связаны с конкурентом. Кроме того, Всемирная организация интеллектуальной собственности определяет введение в заблуждение как создание ложного впечатления о собственных продуктах или услугах или соб-

ственных предприятиях. По ее мнению, вводящие в заблуждение утверждения могут появиться в связи с предприятием другого лица, но защиту от подобных утверждений можно получить на основании норм о дискредитирующих утверждениях [29, с. 30].

Исходя из пункта 3 статьи 14² антимонопольного Закона недобросовестной конкуренцией нельзя автоматически признать указания и утверждения, которые могут ввести в заблуждение относительно иных, кроме упомянутых в нем, сведений. На наш взгляд, это является серьезным упущением законодателя. Вводящей в заблуждение на практике может быть информация очень широкого спектра. К ней относятся, например, указания и утверждения, касающиеся организационно-правовой формы предприятия хозяйствующего субъекта или его имущества; права лица заниматься определенной деятельностью; имеющих исключительных прав на используемые в товаре результаты интеллектуальной деятельности, в том числе технические решения, и средства индивидуализации; наличия и характера дипломов, медалей, призов, квалификации специалистов и т. д. [3, с. 23]. В данной связи предлагается соответствующим образом доработать рассматриваемое положение статьи 14² антимонопольного Закона.

В пункте 3 статьи 14² антимонопольного Закона не указано, кто должен быть введен в заблуждение соответствующими указаниями или утверждениями. Вместе с тем, установлено, что они должны быть способны повлиять на свободу выбора **потребителя**. Таким образом, может возникнуть впечатление, что для установления на основании данной нормы Закона факта наличия недобросовестной конкуренции достаточно оценить потенциальное влияние указаний и (или) утверждений хотя бы на одного потребителя. Однако это противоречит подходам, заложенным в Парижской конвенции и Договоре об антимонопольной политике, которые говорят о введении в заблуждение соответственно общественности или потребителей, т. е. предполагают изучение мнения некоторого числа данных лиц. Такой же позиции придерживаются и российские антимонопольные органы. Например, Федеральная антимонопольная служба для определения того, имеет ли место введение в заблуждение, зачастую обращается к ОАО «Всероссийский центр изучения общественного мнения», который проводит социологические исследования (опросы) мнения покупателей того или иного товара (см., например, решения Комиссии Федеральной антимонопольной службы по рассмотрению дел № 1 14/25-11 [25] и № 1 14/203-09 [26] о нарушении антимонопольного законодательства).

Отметим, что используемое в антимонопольном Законе определение термина «потребитель» значительно отличается от опре-

деления данного термина, содержащегося в законах Республики Беларусь от 9 января 2002 г. «О защите прав потребителей» [12] и от 16 июля 2008 г. «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг» [11].

Так, в соответствии с абзацем 16 статьи 1 антимонопольного Закона потребителем является любой субъект гражданского права, намеревающийся заказать или приобрести товар либо заказывающий, приобретающий или использующий товар (если в последнем случае товар, в том числе составная часть другого товара, является предметом совершенных и совершаемых гражданско-правовых сделок).

Согласно же абзацу 14 статьи 1 Закона «О защите прав потребителей», потребитель — физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее товар (работу, услугу) или использующее товар (результат работы, услугу) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью. Аналогичное определение содержится в абзаце 4 статьи 1 Закона «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг».

Как видно, понятие потребителя, предусмотренное в антимонопольном Законе, шире рассмотренных понятий, поскольку охватывает не только физических лиц, но и иных субъектов гражданского права, а также не содержит ограничения в отношении целей заказа, приобретения или использования товара (работы, услуги). В данной связи предлагается использовать в антимонопольном Законе не термин «потребитель», а термин «клиент».

Помимо изложенного отметим, что в пункте 3 статьи 14² антимонопольного Закона речь идет о распространении хозяйствующим субъектом ложных **или** неточных сопоставительных характеристик собственного товара с товаром конкурента. Данная норма сформулирована некорректно, поскольку, как уже было сказано выше, неточные сведения могут быть ложными. Кроме того, непонятна логика законодателя, который ограничивает в данном пункте виды недостоверных характеристик товара. Полагаем, что в пункте 3 и абзаце 2 пункта 2 статьи 14² антимонопольного Закона должен использоваться единый подход: с учетом того, что акты недобросовестной конкуренции могут совершаться только хозяйствующими субъектами, ответственность должна наступать за распространение ими любых **недостоверных** сведений (независимо от того, являются они ложными или нет).

4. Исходя из пункта 4 статьи 14² антимонопольного Закона недобросовестной конкуренцией могут быть признаны и **иные, помимо предусмотренных в пунктах 1—3 данной статьи антимонопольного Закона, действия, противоречащие тре-**

бованиям антимонопольного Закона и иных актов законодательства о конкуренции, при осуществлении предпринимательской деятельности. К ним указан пункт статьи 14² антимонопольного Закона относит:

4.1) призывы, обращения к другим хозяйствующим субъектам, иные действия или угроза действием со стороны хозяйствующего субъекта непосредственно или через других лиц в целях бойкотирования или препятствования предпринимательской деятельности конкурента, действующего на данном рынке или стремящегося в него вступить (абз. 2).

Исходя из данной нормы недобросовестной конкуренцией является совершение хозяйствующим субъектом любых действий, направленных на бойкотирование его реального или потенциального конкурента или на создание помех для осуществляемой или планируемой к осуществлению им предпринимательской деятельности, а также угроза их совершения. При этом даже в том случае, если указанные действия осуществлялись или угроза их осуществления высказывалась хозяйствующим субъектом не напрямую, а через посредника, ответственность за недобросовестную конкуренцию все равно будет нести не посредник, а сам соответствующий хозяйствующий субъект.

Понятие «бойкотирование» ни в антимонопольном Законе, ни в иных актах законодательства не содержится. Д. А. Невмержицкий предлагает считать бойкотированием прекращение или отказ от вступления с хозяйствующим субъектом в деловые отношения. По его мнению, в качестве бойкотирования может выступать отказ от поставок своих товаров, выполнения работ, оказания услуг или же отказ от закупок товаров конкурента [8, с. 70]. Полагая, что с учетом значения термина «бойкот» в русском языке [30] с данным мнением можно согласиться. Вместе с тем, в целях единообразного толкования указанного понятия следует раскрыть его в Инструкции о рассмотрении заявлений (обращений) о нарушении антимонопольного законодательства в части осуществления недобросовестной конкуренции, а также в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь о некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции;

4.2) распространение хозяйствующим субъектом в любой форме и любыми способами ложных заявлений и сведений о собственном товаре в целях сокрытия несоответствия его своему назначению или предъявляемым к нему требованиям в отношении качества, потребительских и иных свойств (абз. 3).

Данная форма недобросовестной конкуренции представляет собой ничто иное, как умышленное введение хозяйствующим субъектом в заблуждение в отношении своего то-

вара иных лиц путем намеренного искажения истины. Придерживаясь той же аргументации, которая высказана в поддержку расширения перечня упомянутых в пункте 3 статьи 14² антимонопольного Закона сведений, предлагаем расширить соответствующий перечень, закрепленный в абзаце 3 пункта 4 статьи 14² антимонопольного Закона;

4.3) действия хозяйствующего субъекта, непосредственно или через других лиц направленные на препятствование формированию деловых связей конкурента, на их нарушение или расторжение, в том числе в целях вступления в деловые отношения с его деловым партнером (абз. 4).

На основании этой нормы антимонопольного Закона недобросовестной конкуренцией должны признаваться любые действия хозяйствующего субъекта по вмешательству в связи конкурента, формируемые в процессе делового общения. Для признания соответствующего действия недобросовестной конкуренцией правоприменитель должен установить наличие у хозяйствующего субъекта специфической цели — недопущения установления соответствующих связей, либо их изменения, либо разрушения. При этом недобросовестная конкуренция имеет место в том случае, когда действие осуществляется как им лично, так и посредством сторонних лиц, и независимо от того, наступили планируемые последствия либо нет;

4.4) действия хозяйствующего субъекта, непосредственно или через других лиц направленные на внутреннюю дезорганизацию предпринимательской деятельности конкурента и (или) его делового партнера, в том числе на получение, использование, разглашение, склонение к разглашению информации, составляющей коммерческую тайну конкурента, без его согласия либо предоставление работникам конкурента различных имущественных и иных благ с целью склонения этих работников к невыполнению трудовых обязанностей или переходу на предполагающую такие преимущества работу (абз. 5).

Положения данного абзаца пункта 4 статьи 14² антимонопольного Закона позволяют относить к недобросовестной конкуренции любые действия хозяйствующего субъекта, имеющие целью внутреннюю дезорганизацию предпринимательской деятельности конкурента и (или) его делового партнера. При этом недобросовестной конкуренцией соответствующие действия должны признаваться и в том случае, если они данной цели не достигнут.

К дезорганизации предпринимательской деятельности конкурента и (или) его делового партнера абзац 5 пункта 4 статьи 14² антимонопольного Закона относит, в частности, получение, использование, разглашение, склонение к разглашению информации, составляющей коммерческую тайну конкурента, без его согласия.

Согласно абзацу 4 статьи 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2013 г. «О коммерческой тайне» [13], коммерческая тайна — сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в том числе секреты производства (ноу-хау), соответствующие требованиям данного Закона, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны. Исходя из части 1 статьи 5 названного Закона эти сведения:

— не должны одновременно: быть общеизвестными или легкодоступными третьим лицам в тех кругах, которые обычно имеют дело с подобными сведениями; являться объектами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности; быть отнесены в установленном порядке к государственным секретам;

— должны иметь **коммерческую ценность** для их обладателя в силу их неизвестности третьим лицам.

Частью 2 статьи 5 указанного Закона установлено, что сведения имеют коммерческую ценность в случае, если обладание ими позволяет лицу при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, сократить расходы, сохранить положение на рынке товаров, работ или услуг либо получить иную коммерческую выгоду.

Согласно абзацу 9 статьи 1 Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне», под режимом коммерческой тайны понимаются правовые, организационные, технические и иные меры, принимаемые в целях обеспечения **конфиденциальности** сведений, составляющих коммерческую тайну.

Таким образом, на основании абзаца 5 пункта 4 статьи 14² антимонопольного Закона недобросовестной конкуренцией можно признать соответствующие действия, совершаемые с информацией, которая является **конфиденциальной и имеет коммерческую ценность**.

Помимо вышесказанного необходимо обратить внимание на то, что в статье 14² антимонопольного Закона используется термин «предпринимательская деятельность».

По нашему мнению, это обусловлено тем, что, исходя из абзаца 8 статьи 1 антимонопольного Закона, недобросовестная конкуренция может осуществляться только хозяйствующими субъектами, а таковыми, согласно абзацу 3 данной статьи, являются физические и юридические лица, иные субъекты гражданского права, осуществляющие предпринимательскую деятельность или имеющие право ее осуществлять.

Вместе с тем, существуют и иные виды экономической деятельности, которые, хотя и не отнесены белорусским законодателем к предпринимательской деятельности, обладают ее чертами. К ним в соответствии с частью 4 пункта 1 статьи 1 ГК отнесены, в частности:

1) ремесленная деятельность;

2) деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма;

3) деятельность физических лиц, осуществляемая ими самостоятельно, без привлечения иных лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам по оказанию услуг по выращиванию сельскохозяйственной продукции, дроблению зерна, выпасу скота, репетиторству, чистке и уборке жилых помещений, дневному уходу за детьми, сдаче внаём (поднаём жилых помещений, кроме предоставления мест для краткосрочного проживания) и др.

Считаем, что некоторые из осуществляющих данные виды деятельности субъектов вполне могут конкурировать между собой, в том числе недобросовестными методами. Об этом косвенно свидетельствует также тот факт, что используемый в закрепленном в пункте 15 статьи 2 Соглашения о конкуренции определении недобросовестной конкуренции термин «хозяйствующие субъекты (субъекты рынка)», согласно пункту 21 данной статьи Соглашения, охватывает, в том числе физических лиц, чья профессиональная приносящая доход деятельность в соответствии с законодательством Сторон подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию. В Республике Беларусь к таким лицам относятся, например, адвокаты (ст. 7 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» [9]) и частные нотариусы (п. 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. «О нотариате и нотариальной деятельности» [18]).

В данной связи предлагается в статье 14² антимонопольного Закона вести речь не только о предпринимательской, но и о профессиональной деятельности.

Кроме того, поскольку, исходя из абзаца 8 статьи 1 антимонопольного Закона, недобросовестной конкуренцией являются только действия, которые могут причинить или причинили убытки либо нанести ущерб деловой репутации лишь хозяйствующих субъектов, **состоящих в конкурентных отношениях** с лицом, совершающим эти действия, конкретизация в статье 14² антимонопольного Закона того, что соответствующие субъекты являются **конкурентами**, представляется излишней.

Как показывает проведенный анализ, законодательство зарубежных государств содержит формы недобросовестной конкуренции, аналогичные закрепленным в антимонопольном Законе. Вместе с тем, ряд государств предусмотрел в своих нормативных правовых актах и иные формы недобросовестной конкуренции, например:

— Республика Казахстан (ст. 22 Закона от 25 декабря 2008 г. «О конкуренции» [15]) — реализацию (приобретение) товара с принуди-

тельным ассортиментом (любые действия продавца (поставщика) или покупателя по установлению дополнительных требований или условий при реализации (приобретении) товара, которые ущемляют права продавца (поставщика), потребителя и по своему содержанию или согласно обычаям делового оборота не касаются предмета сделки);

— Кыргызская Республика (подп. 11 п. 1 ст. 8 Закона от 22 июля 2011 г. «О конкуренции» [14]) — оказание воздействия незаконными средствами на принятие и исполнение хозяйственных решений конкурента с целью получения необоснованного превосходства над ним;

— Республика Узбекистан (абз. 6 ст. 13 Закона от 6 января 2012 г. «О конкуренции» [16]) — блокирование доступа на товарный или финансовый рынок другому хозяйствующему субъекту;

— Украина (абз. 2 и 3 ч. 1 ст. 31 Закона Украины от 16 апреля 1991 г. «О внешнеэкономической деятельности» [24]) — осуществление демпингового импорта, к которому применяются антидемпинговые меры, и субсидируемого импорта, к которому применяются компенсационные меры.

Однако в связи с тем, что закрепление в праве зарубежных государств форм недобросовестной конкуренции осуществлялось, во многом исходя из поведения хозяйствующих субъектов в условиях национального рынка, принятие их во внимание при корректировке антимонопольного законодательства Республики Беларусь представляется нецелесообразным.

На основании изложенного предлагается:

1) статью 14² антимонопольного Закона изложить в следующей редакции:

«Статья 14². Формы недобросовестной конкуренции

1. Запрещаются и признаются в установленном порядке *неправомерными все действия, способные вызвать смещение в отношении хозяйствующих субъектов, их товаров, профессиональной или предпринимательской деятельности, в том числе:*

самовольное использование хозяйствующим субъектом не принадлежащего ему фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания) или наименования места происхождения товара;

введение в гражданский оборот товаров с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации участников гражданского оборота или их товаров;

незаконное копирование внешнего вида или упаковки товара другого хозяйствующего субъекта, за исключением случаев, когда копирование товара или его частей (узлов, деталей) обусловлено исключительно их техническим применением;

введение в гражданский оборот товаров другого хозяйствующего субъекта с использованием собственных средств индивидуализации товара, если иное не предусмотрено договором, заключенным между хозяйствующими субъектами.

2. Запрещаются и признаются в установленном порядке *неправомерными действия при осуществлении предпринимательской или профессиональной деятельности, способные дискредитировать другого хозяйствующего субъекта, его предпринимательскую или профессиональную деятельность или товары, в том числе в результате распространения хозяйствующим субъектом непосредственно или через других лиц в любой форме и любыми способами недостоверных (неточных, искаженных) сведений, касающихся, в частности, предпринимательской или профессиональной деятельности, финансового состояния, научно-технических и производственных возможностей, товаров другого хозяйствующего субъекта, или заявлений, которые содержат недостоверную (неточную, искаженную) информацию, порочащую деловую репутацию другого хозяйствующего субъекта либо его учредителя (участника, собственника имущества) или работника.*

3. Запрещаются и признаются в установленном порядке *неправомерными указания или утверждения при осуществлении предпринимательской или профессиональной деятельности, которые могут ввести клиентов в заблуждение относительно, в частности, характера, свойств, способа и места изготовления, пригодности к применению или количества товаров другого хозяйствующего субъекта, его права заниматься определенным видом деятельности, квалификации, профессиональных наград его работников, его исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе осуществляемые посредством некорректного сравнения производимого хозяйствующим субъектом товара с товаром другого хозяйствующего субъекта путем распространения хозяйствующим субъектом в любой форме и любыми способами сведений, содержащих недостоверные сопоставительные характеристики собственного товара и товара другого хозяйствующего субъекта, способные повлиять на свободу выбора клиентов при приобретении ими товаров или заключении сделки.*

4. Запрещаются и признаются в установленном порядке *неправомерными также действия, противоречащие требованиям настоящего Закона и иных актов законодательства о конкуренции, при осуществлении предпринимательской или профессиональной деятельности, в том числе:*

призывы, обращения к другим хозяйствующим субъектам, иные действия или угроза действием со стороны хозяйствующего субъекта непосредственно или через других лиц в целях бойкотирования или препятствования предпринимательской или профессиональной деятельности другого хозяйствующего субъекта, действующего на данном рынке или стремящегося в него вступить;

распространение хозяйствующим субъектом в любой форме и любыми способами ложных заявлений и сведений, в том числе о характере, свойствах, способе и месте изготовления, пригодности к применению, количестве своих товаров, праве хозяйствующего субъекта заниматься определенным видом деятельности, квалификации, профессиональных наград его работников, его исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности;

действия хозяйствующего субъекта, непосредственно или через других лиц направленные на препятствование формированию деловых связей другого хозяйствующего субъекта, на их нарушение или расторжение, в том числе в целях вступления в деловые отношения с его деловым партнером;

действия хозяйствующего субъекта, непосредственно или через других лиц направленные на внутреннюю дезорганизацию

предпринимательской или профессиональной деятельности другого хозяйствующего субъекта и (или) его делового партнера, в том числе на получение, использование, разглашение, склонение к разглашению коммерческой тайны другого хозяйствующего субъекта без его согласия либо предоставление работникам другого хозяйствующего субъекта различных имущественных и иных благ с целью склонения этих работников к невыполнению трудовых обязанностей или переходу на предполагающую такие блага работу.»;

2) в связи с отсутствием в законодательстве Республики Беларусь понятия «бойкотирование» раскрыть данный термин в Инструкции о рассмотрении заявлений (обращений) о нарушении антимонопольного законодательства в части осуществления недобросовестной конкуренции, а также в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь о некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции;

3) разъяснить в указанных нормативных правовых актах, что понимается в антимонопольном Законе под ложными, недостоверными, искаженными, а также неточными (в случае соответствующего дополнения п. 2 ст. 14²) сведениями.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 8 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.; одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 29 авг. 2013 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
3. Гукасян, Л. Е. Защита от недобросовестной конкуренции на товарных рынках России. Законодательство, практика применения, комментарии / Л. Е. Гукасян. — М.: Изд. дом «Новый век»; Ин-т микроэкономики, 2001. — 148 с.
4. Договор о проведении согласованной антимонопольной политики от 25 янв. 2000 г. [Электронный ресурс] // Эталон 6.5 / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
5. Инструкция о рассмотрении заявлений (обращений) о нарушении антимонопольного законодательства в части осуществления недобросовестной конкуренции: утв. пост. М-ва экономики Респ. Беларусь от 17 апр. 2006 г. № 61 [Электронный ресурс] // Там же.
6. Лосев, С. С. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О географических указаниях» / С. С. Лосев [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
7. Лосев, С. С. Недобросовестная конкуренция / С. С. Лосев [Электронный ресурс] // Там же.
8. Невмержицкий, Д. А. Недобросовестная конкуренция как объект гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д. А. Невмержицкий. — Минск, 1998. — 186 с.
9. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 334-З [Электронный ресурс] // Эталон 6.5 / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
10. О географических указаниях: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-З [Электронный ресурс] // Там же.
11. О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг: Закон Респ. Беларусь от 16 июля 2008 г. № 405-З [Электронный ресурс] // Там же.
12. О защите прав потребителей: Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2002 г. № 90-З [Электронный ресурс] // Там же.
13. О коммерческой тайне: Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. № 16-З [Электронный ресурс] Там же.
14. О конкуренции: Закон Кыргыз. Респ. от 22 июля 2011 г. № 116 [Электронный ресурс] // Государственная служба интеллектуальной собственности и инноваций при Правительстве Кыргызской Республики. — Режим доступа: <<http://www.kyrgyzpatent.kg/index.php/ru/en/legislation/67-kodeksy-i-zakony-kyrgyzskoj-respubliki/909-zakon-kyrgyzskoj-respubliki-o-konkurentsii.html>>. — Дата доступа: 31.08.2013.
15. О конкуренции: Закон Респ. Казахстан от 25 дек. 2008 г. № 112-IV [Электронный ресурс] // Параграф. Информационные системы. — Режим доступа: <http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30369177>. — Дата доступа: 31.08.2013.

16. О конкуренции: Закон Респ. Узбекистан от 6 янв. 2012 г. № ЗРУ-319 [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. — Режим доступа: <http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=1931450>. — Дата доступа: 31.08.2013.
17. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации: постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь от 26 апр. 2005 г. № 16 [Электронный ресурс] // Эталон 6.5 / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
18. О нотариате и нотариальной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З [Электронный ресурс] // Там же.
19. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160-З [Электронный ресурс] // Там же.
20. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции: Закон Респ. Беларусь от 10 дек. 1992 г. № 2034-ХП [Электронный ресурс] // Там же.
21. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Респ. Беларусь от 5 февр. 1993 г. № 2181-ХП [Электронный ресурс] // Там же.
22. Парижская конвенция об охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. [Электронный ресурс] // Там же.
23. Попова, И. В. Пресечение недобросовестной конкуренции: перспективы применения в Республике Беларусь / И. В. Попова // Право Беларуси. — 2003. — № 23. — С. 61–67.
24. Про зовнішньоекономічну діяльність: Закон України від 16 квітня 1991 р. [Электронный ресурс] // Верховна Рада України. — Режим доступа: <<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/959-12>>. — Дата доступа: 31.08.2013.
25. Решение и предписание по делу в отношении ООО «Регионторг» (№ 14/25-11) [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. — Режим доступа: <http://fas.gov.ru/solutions/solutions_32754.html>. — Дата доступа: 31.08.2013.
26. Решение по делу № 1 14/203-09 в отношении компании Vinzer Corporation AG [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. — Режим доступа: <http://fas.gov.ru/solutions/solutions_28760.html>. — Дата доступа: 31.08.2013.
27. Сидоров, В. Н. Формы недобросовестной конкуренции на товарных рынках России / В. Н. Сидоров // Закон и право. — 2006. — № 11. — С. 44–45.
28. Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции от 9 дек. 2010 г. [Электронный ресурс] // Эталон 6.5 / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
29. Типовые положения о защите от недобросовестной конкуренции: публикация ВОИС № 832 (R). — Женева, 1997. — 68 с.
30. Толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://enc-dic.com/efremova/>>. — Дата доступа: 31.08.2013.
31. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://www.ozhegov.info/slovar/>>. — Дата доступа: 31.08.2013.
32. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://enc-dic.com/ushakov/>>. — Дата доступа: 31.08.2013.
33. Ley 3/1991 de 10 de enero de Competencia Desleal [Electronic resource] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. — Mode of access: <http://www.boe.es/aeboe/consultas/bases_datos/act.php?id=BOE-A-1991-628>. — Date of access: 31.08.2013.

«Формы недобросовестной конкуренции по законодательству Республики Беларусь в свете ее международных обязательств и правового опыта зарубежных государств» (Наталья Маскаева)

В статье детально рассматриваются формы недобросовестной конкуренции, закрепленные в Гражданском кодексе Республики Беларусь и Законе Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». Анализируя положения иных актов законодательства и международных договоров Республики Беларусь, а также работы некоторых ученых-правоведов, автор предлагает новую редакцию статьи 14^а антимонопольного Закона. При этом делается вывод о нецелесообразности учета при доработке антимонопольного Закона зарубежно-правовых форм недобросовестной конкуренции. Кроме того, высказывается мнение о необходимости разъяснений отдельных терминов антимонопольного Закона в ряде нормативных правовых актов Республики Беларусь.

«Unfair Competition Forms Set Forth in the Legislation of the Republic of Belarus in the Light of its International Obligations and Legal Experience of Some Foreign States» (Natalia Maskaeva)

The article considers the unfair competition forms set forth in the Civil Code of the Republic of Belarus and the Law of the Republic of Belarus from December 10, 1992 «On Counteraction of Monopolistic Activities and Promotion of Competition» (hereinafter — Antimonopoly Law). Analyzing

provisions of other acts of legislation and international treaties of the Republic of Belarus as well as the works of some law scholars the author proposes a new formulation of article 14² of the aforementioned Law. At the same time she makes a conclusion about the inexpediency of taking into account foreign legal forms of unfair competition while revising the Antimonopoly Law. In addition, she expresses an opinion that some terms of the Antimonopoly Law in certain legal normative acts of the Republic of Belarus need clarifying.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2013 г.

ПОНЯТИЕ ЭКСПРОПРИАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ДОКТРИНЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Алексей Зеньков

Существование международных обязательств Республики Беларусь по предоставлению гарантий иностранным инвесторам на случай *экспроприации* на фоне отсутствия данного правового института в национальном законодательстве, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости совершенствования последнего [10].

Для формулирования понятия экспроприации, которое могло бы рассматриваться в качестве основы для закрепления соответствующей нормы в гражданском законодательстве Республики Беларусь в целях совершенствования правового регулирования отношений собственности, в том числе с участием иностранного элемента, представляется необходимым изучение данного вопроса в историческом контексте. В опубликованной статье «Экспроприация: генезис понятия в дореволюционном и советском гражданском праве» мы проследили развитие правовых институтов, регулирующих вопросы принудительного изъятия государством имущества частных лиц в общественных интересах, охватив последние годы существования Российской Империи, в состав которой входили земли современной Беларуси, а также революционные годы, ознаменовавшие начало советского периода нашей истории [10].

Как следует из изложенных автором выводов к указанной статье, в дореволюционном праве Российской Империи понятие экспроприации подробно разрабатывалось на теоретическом уровне учеными-правоведами (В. М. Венещианов, Ю. С. Гамбаров, Н. П. Шалфеев, Г. Ф. Шершеневич и др.), которые не только восприняли идеи о сути данного института, сформированные западноевропейскими юристами того времени, но и развили их в своих научных трудах. Свод законов Российской Империи подробно регламентировал вопросы *возмездного* принудительного отчуждения недвижимого имущества, принадлежащего на праве собственности или ограниченном вещном праве частным лицам, временного изъятия или установления права участия в пользовании таким имуществом. В контексте революционных преобразований первой четверти

XX в. экспроприация утратила свое значение как правовой институт, тем не менее, сохранив свою актуальность в качестве универсальной теоретической категории, отражающей процессы *безвозмездного* принудительного перераспределения собственности.

Полагаем, что анализ законодательства и правовой мысли периода существования БССР, в течение которого сформировались многие базовые концепции и институты, по сей день существующие в праве Беларуси, обеспечит комплексное понимание тех тенденций и причин, которыми обусловлена специфика современного белорусского законодательства о возмездных принудительных изъятиях.

Целью настоящей статьи является выявление основных подходов к определению и регулированию вопросов экспроприации и, как результат, выделение основных элементов понятия «экспроприация», присутствовавших в праве Беларуси в рассматриваемый исторический период (с 20-х гг. XX в. по 1991 г.). При подготовке статьи автором изучены труды советских ученых Н. Г. Вавина [1], А. В. Венедиктова [5], М. В. Зимелевой [12; 13], О. С. Иоффе [14], Я. А. Канторовича [16], А. С. Невзорова [30], И. Б. Новицкого [32], В. А. Тархова [50] и др., а также соответствующие нормы актов советского законодательства 1919–1991 гг. С учетом специфики правового регулирования в период с 7 ноября 1917 г. по 17 августа 1923 г. (дата принятия постановления Президиума ЦИК БССР «О силе для БССР декретов и постановлений правительства Союза СССР и о времени вступления их в силу» [39, 1923, № 12, с. 111]) настоящее исследование также основывается на нормативных правовых актах РСФСР указанного периода.

Законодательство первых лет советской власти в отношении рассматриваемого вопроса отличалось понятийной путаницей и беспорядочным употреблением правовой терминологии [11, с. 32]. Однако уже с 20-х гг. XX в. развитие советского законодательства и юридической мысли пошло по пути разграничения различных форм принудительного изъятия имущества частных лиц. В качестве примера приведем соответствующую классифика-

Автор:

Зеньков Алексей Васильевич — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Барбук Алексей Владимирович — кандидат юридических наук, советник главного договорно-правового управления Министерства иностранных дел Республики Беларусь

цию, предложенную А. С. Невзоровым. Считаю экспроприацию родовым понятием, употребляемым «для обозначения изъятия, лишения, отнятия имущества из (частного) обладания лица без определенного указания: почему, для чего и как обладатель лишается имущества» [30, с. 3], в своей монографии в качестве «законных» форм экспроприации он выделял:

— национализацию — огосударствление органом центральной высшей власти наиболее ценного для нужд государства имущества, в том числе земли, путей сообщения, крупных и важнейших предприятий, фабрик, заводов, обращение его в национальное достояние, результатом которого является поступление имущества в исключительное обладание и распоряжение государства и изъятие такого имущества из «частного оборота в том смысле, что оно не может быть предметом сделок между частными лицами и состоять постоянно в частном обладании, в частности и особенности на праве собственности»;

— социализацию — обобществление имущества, обращение его в общенародное достояние, в собственность всего общества, члены которого могут пользоваться этим имуществом временно с соблюдением установленного порядка (в отличие от национализации, при которой собственником национализированного имущества является государство, а само имущество используется для удовлетворения нужд государства, а не отдельных его граждан);

— муниципализацию — обращение частного либо государственного имущества в городское (общинное), с переходом в собственность «отдельной составной части государства», при этом осуществляемое «не по усмотрению или произволу заинтересованной общинной единицы (города), а по распоряжению соответствующей высшей власти»;

— конфискацию — безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, применяемое как наказание и обусловленное соблюдением формальных требований (только в определенных случаях и только на основании решений определенных судебных и административных инстанций), имеющее строго личный (персональный) характер;

— реквизицию — в отличие от других форм, возмездное изъятие имущества в силу государственной необходимости, кроме того, допускающее временный характер отчуждения [30, с. 4–17].

«Экспроприация — законом допускаемое отобрание имущества у частного обладателя, как родовое понятие, специфически определенного содержания не имеет и для практической жизни непригодно. Для последней важны виды экспроприации. Для всех видов законной экспроприации обще одно свойство: экспроприация допускается только по специ-

альному распоряжению высшей центральной власти или в указанных законом случаях и при соблюдении требований закона», — утверждал А. С. Невзоров [30, с. 28].

Не соглашаясь с выводами автора, рассматривавшего экспроприацию как исключительно теоретическую обобщающую конструкцию, не имеющую собственного практического значения, отметим, что им совершенно справедливо сформулирована *основополагающая характеристика экспроприации как меры, осуществляемой на основании и в соответствии с законом*.

Отнесение А. С. Невзоровым конфискации и реквизиции к экспроприации также представляется оправданным исключительно в разрезе склонности автора к максимально широкому использованию термина «экспроприация». На наш взгляд, экспроприация и реквизиция являются самостоятельными, хотя и смежными правовыми институтами (обоснование разграничения экспроприации и смежных понятий выходит за рамки настоящего исследования и не будет рассматриваться в статье). Конфискация и вовсе имеет отличную от экспроприации правовую природу — сам А. С. Невзоров подчеркивал, что «конфискация применяется только как мера наказания, являясь следствием проявления преступной и опасной для государства воли гражданина» [30, с. 28], — что диктует необходимость строгого разграничения данных понятий.

Кроме того, по нашему мнению, понятия «национализация» и «социализация» в процессе революционной трансформации отношений собственности выступали как составляющие единого процесса экспроприации. В первую очередь, это касается социализации земли, которая фактически явилась результатом ее национализации с последующим частичным распределением между землепользователями, т. е., как справедливо отмечал В. Мещеряков, «национализацией по форме собственности и социализацией по способу землепользования» [26, с. 58]. В советской гражданско-правовой литературе преимущественно использовался термин «национализация земли» [32, с. 14; 41, с. 270; 44, с. 98; 45, с. 283; 46, с. 249; 47, с. 287].

Различие между национализацией и муниципализацией также не носит, по нашему мнению, существенного характера в контексте отнесения данных мер к экспроприации. Согласимся с Н. Г. Вавиным и другими исследователями, отмечавшими тождественность юридической природы двух понятий с тем лишь различием, что при муниципализации национализированное имущество передается в распоряжение местных органов власти [1, с. 6–7; 5, с. 219; 34, с. 56; 45, с. 283; 48, с. 78].

Необходимо отметить, что не все из форм принудительного изъятия государством имущества у частных собственников, выделенных

А. С. Невзоровым, получили свое закрепление в нормах законодательства. Например, *легальных определений национализации или муниципализации в советском гражданском законодательстве не существовало*.

Вместе с тем, в советской правовой науке предпринимались попытки дать соответствующие дефиниции. Так, например, Н. Г. Вавин определял национализацию как «принудительное безвозмездное отчуждение государственную властью, по преимуществу в законодательном порядке, в собственность государства того или иного рода либо вида имущества, принадлежащего на праве собственности частным лицам (физическим или юридическим), общественным организациям, а равно иным не государственным установлениям» [1, с. 4].

В целом в советской правовой литературе акцент при определении национализации делался на такие характеристики национализации, как принудительность (насильственный характер) и безвозмездность [31, с. 13; 32, с. 46; 45, с. 282; 46, с. 249; 48, с. 78]. При этом в качестве квалифицирующих признаков национализации отмечались ее революционная природа [14, с. 284; 41, с. 268; 43, с. 237; 45, с. 282; 47, с. 286], нормативный [14, с. 284; 43, с. 289] и в некоторых случаях экстерриториальный характер [25, с. 103; 31, с. 13; 32, с. 53; 47, с. 288].

Национализация как мера общего характера по осуществлению государством социально-экономических преобразований [25, с. 103] также противопоставлялась другим первоначальным способам приобретения государственной и прекращения частной собственности: *реквизиции как чрезвычайной мере*, проводимой на возмездной основе в частных, отдельных случаях при наличии особых обстоятельств [12, с. 63; 14, с. 286; 45, с. 282–283, 287], и *конфискации как конкретно-карательному акту*, имеющему природу санкции за правонарушение [1, с. 6; 14, с. 285; 32, с. 49; 45, с. 287]. В отличие от национализации, решение о которой принималось центральными органами государственной власти в форме законодательного акта [24, с. 5; 42, с. 113; 44, с. 97], реквизиция, как правило, представляла собой административный акт [45, с. 287], а конфискация носила характер дополнительной меры наказания в рамках применения судами и административными органами уголовного, административного, а в отдельных случаях и гражданского законодательства [9, с. 192; 25, с. 106; 42, с. 114].

В целом в советской правовой науке *национализация рассматривалась как исторически первоначальное основание возникновения государственной собственности* [1, с. 6; 9, с. 146; 32, с. 46; 42, с. 113; 48, с. 77], воплотившее в себе «экспроприацию экспроприаторов, насильственное революционное отнятие» частной собственности [39, с. 217]. При этом, как правило, в данном контексте происходило

отождествление понятий «национализация» как формы и «экспроприация» как содержания [см., напр.: 1, с. 219; 13, с. 108; 16, с. 30; 32, с. 46; 41, с. 235; 43, с. 289; 45, с. 283; 48, с. 78; 50, с. 129]. Здесь мы усматриваем *принципиальное отличие понимания природы экспроприации в сравнении с дореволюционным периодом*, когда на первый план выдвигался именно элемент прекращения права собственности частного лица. Как правило, в советской правовой литературе национализация как явление описывалась в прошедшем времени, т. е. скорее как некий минувший факт, историческая данность, нежели как правовая реальность, активно задействованная в регулировании общественных отношений [см., напр.: 32, с. 46–49; 41, с. 270; 43, с. 237; 50, с. 130].

Теснейшую взаимосвязь института национализации, а также муниципализации как его частного проявления с процессами государственного строительства и социально-экономических преобразований в Советской России и затем в СССР и БССР отражает тот факт, что статьей 52 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (введен в действие на территории БССР с 1 марта 1923 г. [39, 1923, № 3, ст. 29], изменения и дополнения в Кодекс в дальнейшем вносились органами власти БССР; далее — ГК БССР 1923 г.) государственная собственность определялась как «национализированная и муниципализированная» [7, с. 11; 50], т. е. национализация выступала в качестве первичного основания возникновения государственной собственности.

В целом анализ советского законодательства 1920-х гг. показывает, что основной задачей регулирования на этом этапе являлось *закрепление итогов революционной трансформации имущественных отношений и установление «границ» государственной и частной собственности*. Как отмечал Н. Г. Вавин, в тот период происходило «юридическое оформление тем изъятиям имущества, которые ранее были совершены в порядке революционного факта, с аннулированием тех из них, которые под действие этого революционного факта не подходят» [1, с. 3].

Декретом ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» (действие данного документа было распространено на территорию ССРБ с 1 августа 1922 г. [39, 1923, № 5, ст. 82]) гражданам предоставлялось право собственности на немунципализированные до этого момента местными Советами строения в городских и сельских местностях, с правом отчуждения таких строений [40, 1922, № 36, ст. 423].

В этой связи отметим, что нормами указанного Декрета, а также примечанием 1 к статье 59 ГК БССР 1923 г. устанавливалось, что только имущество, которое было «экспроприровано на основании революционного пра-

ва или вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 г.» (для БССР в границах 1924 г. — до 1 августа 1922 г. [39, 1927, № 21, ст. 90]), не подлежало истребованию. На этом основании в литературе сделан вывод, что после 1922 г. национализация имущества как основание (способ) приобретения государством права собственности и, соответственно, как способ принудительного прекращения частной собственности гражданским законодательством не регулировалась [35, с. 239]. Согласимся с данным утверждением лишь отчасти. *Регулирования национализации, что подразумевало бы наличие конкретных норм, устанавливающих, как минимум, четкие основания и порядок ее проведения, в советском законодательстве не существовало ни до 1922 г., ни после этого.* Напротив, на первоначальном этапе имело место лишь формально-юридическое закрепление национализации как предстоящего или свершившегося события в рамках процессов трансформации отношений собственности [34, с. 55]. Соответствующие акты на более поздних этапах стали рассматриваться в качестве юридического основания права государственной собственности на национализированное имущество [14, с. 284].

Представляется, что практические мероприятия по национализации, в свою очередь, также являлись юридическим фактом, имевшим значение для последующего установления вещных прав в отношении конкретного имущества, что потребовало от советской власти принятия дополнительных законодательных актов. Постановлением Президиума ЦИК и СНК БССР от 25 июля 1924 г. «Об условиях национализации строений и о предельном сроке составления списков национализированных строений» предусматривался комплекс мер, направленных на юридическое закрепление результатов национализации строений путем составления списков [39, 1924, № 17, ст. 144]. В указанные списки вошли строения, «национализированные (муниципализированные) официальным актом подлежащего органа власти», а также строения, в отношении которых официального решения не принималось, но которые были фактически изъяты или заняты для государственных нужд не позднее 1 августа 1922 г. После утверждения списков национализированного имущества включение в них имущества допускалось только на основании закрытого перечня оснований, среди которых национализация (муниципализация) не значилась. Примечательно, что одним из таких оснований являлась реквизиция на основании статьи 69 ГК БССР 1923 г., осуществлявшаяся на возмездной основе (см. ниже).

Предусматривалась возможность обжалования решений о национализации строений в Главном управлении коммунального хозяйства НКВД БССР. Рассмотрение таких хода-

тайств было прекращено с 1 апреля 1927 г. на основании постановления ЦИК и СНК БССР от 18 декабря 1926 г. «О прекращении рассмотрения ходатайств о денационализации (демуниципализации) строений» [39, 1927, № 1, ст. 4].

Постановлением Президиума ЦИК и СНК БССР от 25 августа 1924 г. «О порядке установления прав на промышленные предприятия» закреплялись итоги национализации промышленности [48, 1924, № 22-23, ст. 203]. Предприятия признавались собственностью государства, если в отношении них до 1 августа 1922 г. осуществлялись фактические действия по национализации, т. е. соблюдалось одно из условий: приемка по акту, организация управления, осуществление государственных расходов по поддержанию деятельности или осуществление государством прав иным способом (сдача в аренду и т. д.). Предприятия, в отношении которых такие меры не были осуществлены, признавались собственностью прежних владельцев. Одновременно устанавливалась обязанность последних осуществить государственную регистрацию принадлежащих им предприятий под угрозой уголовной ответственности. Кроме того, кустарные и мелкопромышленные предприятия, не подпадавшие под действие постановления ВСНХ от 29 ноября 1920 г., «но фактически отобранные у собственников местными органами власти», также могли быть возвращены собственникам на основании решений о денационализации. Устанавливался срок для подачи соответствующих ходатайств — 6 месяцев. В этой связи представляется спорным высказанное в литературе мнение о том, что право государственной собственности при национализации возникало на основании соответствующего акта о национализации и никаких других юридических фактов для этого не требовалось [46, с. 250].

Практические вопросы национализации (социализации) земли также получили дальнейшее нормативное закрепление в указанный период. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 21 февраля 1925 г. «О выселении помещиков, живущих в хозяйствах, принадлежавших им до издания закона о земле 26 октября 1917 года» [39, 1925, № 9, ст. 78] и постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» [37, 1925, № 21, ст. 136] предусматривалось выселение бывших собственников с занимаемых территорий с одновременным изъятием земельных участков и построек в срок не позднее 1 января 1926 г.

В этой связи можно сделать вывод о том, что *указанными нормами итоги революционной экспроприации были юридически закреплены и пересмотру не подлежали. Следовательно*

но, отпадала и необходимость правового регулирования вопросов национализации (социализации, муниципализации) как явления общегосударственного масштаба. Как справедливо отмечал И. Б. Новицкий, «в качестве источника возникновения новых государственных имуществ национализация в дальнейшем не могла иметь сколько-нибудь широкого применения, ибо национализация средств производства в главной части была уже произведена, а на предметы потребления национализацию распространять никогда не имелось в виду» [32, с. 62].

Примечательно, что в законодательстве периода НЭПа нашли отражение и обратные национализации процессы. В целях развития предпринимательской инициативы и кооперации закреплялись отдельные гарантии от принудительного изъятия собственности государством. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» предусматривал, что мелкопромышленные предприятия не подлежат ни национализации, ни муниципализации; допускалась лишь возможность реквизиции (изъятия с уплатой стоимости) или конфискации (безвозмездного изъятия) оборотных средств и оборудования таких предприятий [40, 1921, № 53, ст. 323]. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации» устанавливалось, что хозяйственные предприятия и помещения, принадлежащие кооперативным сельскохозяйственным товариществам или артелям, не подлежали ни национализации, ни муниципализации [40, 1921, № 61, ст. 434].

В законодательстве этого периода отмечались также попытки правового закрепления гарантий, предоставляемых иностранным инвесторам. Декретом СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий» гарантировалось, что вложенное в предприятие имущество концессионеров, под которыми понимались «солидные, заслуживающие доверия, иностранные промышленные общества и организации», не будет подвергаться «ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции» [40, 1920, № 91, ст. 481].

Закреплялись также меры по денационализации и демунципализации имущества, принадлежавшего отдельным категориям собственников. Декретом СНК РСФСР от 26 октября 1921 г. «О порядке привлечения потребительской кооперации органами государства к выполнению товарообменных и заготовительных операций» (п. 14) предусматривалась денационализация и демунципализация предприятий и промыслов потребительской кооперации [40, 1921, № 72, ст. 576]. Принятой ВСНХ в развитие данного положения Инструкцией о порядке возврата потребительской кооперации принадлежащих ей предпри-

ятий и промыслов устанавливалось, что «возврату потребительской кооперации подлежат все принадлежащие ей на праве собственности национализированные или муниципализированные или иным каким-либо способом обращенные в пользу государства как центральными, так и местными органами власти предприятия и промыслы со всем оборудованием, инвентарем и инструментами» [40, 1922, № 39, ст. 446]. Декретом СНК РСФСР от 17 ноября 1922 г. «О возврате потребительским кооперативным организациям национализированных и муниципализированных строений» предусматривался возврат кооперативам национализированных и муниципализированных строений и складских помещений, а также устанавливался запрет на национализацию или муниципализацию таких объектов в последующем [40, 1922, № 65, ст. 847]. Постановлением СНК СССР от 22 июля 1924 г. «О возврате имущества сельско-хозяйственной, промышленной и кредитной кооперации» возвращались предприятия, строения, склады, промыслы и иное имущество, принудительно изъятые в порядке национализации, муниципализации и на основании решений местных властей в 1918—1921 гг. [37, 1924, № 3, ст. 36].

В постановлении ЦИК и СНК БССР от 25 августа 1924 г. «О порядке установления прав на промышленные предприятия» также содержалась отсылочная норма к приложению 3 к ГК БССР 1923 г., которым регулировался порядок возврата предприятий, национализированных у кооперативов всех видов [39, 1924, № 22-23, ст. 203]. Кроме того, устанавливалось, что ненационализированные предприятия, оказавшиеся в фактическом распоряжении кооперативных организаций, национализации не подлежат. В дальнейшем частные предприятия, прошедшие государственную регистрацию, могли быть изъяты у собственника только в порядке реквизиции и конфискации на основании норм Гражданского кодекса.

Часть национализированных предприятий, которые находились в пределах земель, предоставленных в пользование сельскохозяйственным коллективам, была передана колхозам в соответствии с постановлением СНК БССР от 29 декабря 1926 г. «О порядке передачи коллективным хозяйствам промышленных и подсобных предприятий» [39, 1927, № 3, ст. 14].

Помимо указанных мер по денационализации постановлением ЦИК и СНК БССР от 8 декабря 1927 г. «О передаче кооперативным организациям государственных промышленных предприятий, их инвентаря и оборудования» предусматривалась возможность продажи государственных фабрик, заводов и других промышленных предприятий, которые были пущены в ход на средства арендующих их кооперативных организаций, таким организа-

циям [39, 1927, № 47, ст. 255]. Бездействующие предприятия могли, согласно указанному постановлению, и вовсе передаваться кооперативам безвозмездно.

Таким образом, к концу 1927 г. в действовавшем на территории БССР законодательстве нормативное закрепление получили ограниченная денационализация (демуниципализация) и гарантии от национализации (муниципализации) имущества, предоставленные отдельным категориям собственников.

На последующих этапах в советском законодательстве вопросы национализации фиксировались лишь формально. Например, Положение о порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозного имущества, утвержденное постановлением СНК СССР от 17 апреля 1943 г. № 404, распространяло свое действие на «имущество, ценности и денежные средства, национализируемые по распоряжению Правительства Союза ССР или правительств союзных республик» [38, 1943, № 6, ст. 981]. Однако нормативных правовых актов о национализации имущества на территории БССР с 1922 по 1939 г. и после 1940 г. не принималось.

Исключением, своего рода «рецидивом», в этом плане стала национализация промышленных предприятий и учреждений, которая осуществлялась на территории западных областей БССР после их присоединения в 1939 г. 28—30 октября 1939 г. в г. Белостоке было созвано Народное (Национальное) собрание Западной Беларуси. Помимо положений об установлении советской власти на территории Западной Беларуси и о вхождении ее в состав СССР и БССР были приняты решения о конфискации «без всякого выкупа, помещичьих земель, земель монастырей и земель крупных государственных чиновников со всем их живым и мертвым инвентарем и усадебными постройками» и национализации «банков и крупной промышленности на территории Западной Белоруссии». В соответствующих декларациях провозглашалось, что «вся земля Западной Белоруссии с ее недрами, а также лесами и реками», равно как и «банки с их ценностями, все крупные предприятия, рудники, железные дороги объявляются всенародным достоянием, то есть государственной собственностью» [27, с. 183—186].

Решения Народного (Национального) собрания были незамедлительно реализованы путем принятия соответствующих актов на высшем партийном уровне (например, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 декабря 1939 г. «О национализации промышленных предприятий и учреждений на землях Западной Украины и Западной Белоруссии» [33, с. 1100]), а затем и постановлений СНК БССР (например, от 13 декабря 1939 г. № 834 «О национализации предприятий легкой про-

мышленности на территории Западных областей БССР» [39, 1939, № 56, ст. 187], от 5 января 1940 г. № 46 «О национализации ресторанов, столовых и торговых складов по городам западных областей БССР» [39, 1940, № 1, ст. 5] и № 49 «О национализации предприятий промышленности строительных материалов западных областей БССР» [39, 1940, № 1, ст. 6], от 21 января 1940 г. № 77 «О национализации нефтяных баз на территории западных областей БССР» [39, 1940, № 1, ст. 10], от 10 мая 1940 г. № 672 «О муниципализации и национализации строений на территории западных областей БССР» [39, 1940, № 20, ст. 95].

В отличие от национализации в советском законодательстве дальнейшее нормативное закрепление и развитие получила реквизиция. Необходимо отметить, что правовая основа для реализации института реквизиции была заложена с первых дней существования советской власти. Декретом ВЦИК от 14 декабря 1917 г. «О Высшем Совете Народного Хозяйства» ВСНХ было предоставлено право «конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственных финансов» [29, с. 499]. При этом, однако, в отличие от дореволюционного права советское законодательство и правоприменительная практика на первоначальном этапе не проводили разграничения между реквизицией как возмездным изъятием имущества в целях удовлетворения государственных и общественных нужд и конфискацией как безвозмездным изъятием имущества в собственность государства в виде наказания [5, с. 207], а процессы изъятия имущества в указанных формах носили стихийный характер [31, с. 15].

Относительно упорядоченный и возмездный характер реквизиция приобрела лишь с принятием Декрета СНК РСФСР от 16 апреля 1920 г. «О реквизициях и конфискациях», в соответствии с которым реквизицией считалось «принудительное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ за плату, определяемую подлежащими органами власти» [40, 1920, № 29, ст. 143]. Этим же Декретом устанавливалось, что «конфискацией считается безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ», право осуществления которого предоставлялось чрезвычайным и судебным органам, «применяющим эту меру, как наказание». Таким образом, на этом этапе реквизиция и конфискация имели существенное различие, как минимум, по признаку возмездности. Кроме того, в понятие реквизиции включалось и временное изъятие имущества, с чем, в частности, А. В. Ве-

недиктов был склонен связывать отсутствие в советском праве института секвестра как изъятия имущества в управление и пользование государства [5, с. 208, прим. 115].

Декретом СНК РСФСР от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» соответствующие правовые дефиниции были дополнены рядом квалифицирующих признаков [40, 1921, № 70, ст. 564]. Устанавливалось, что «реквизицией считается применяемое в силу государственной необходимости принудительное возмездное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ». Проводилось четкое разграничение между реквизицией, продиктованной государственной необходимостью, и конфискацией, под которой понималось «безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, применяемое как наказание по приговорам» судебных и (в исчерпывающем перечне случаев) административных инстанций.

Данный подход нашел свое отражение и в кодифицированных источниках гражданского законодательства той поры. Согласно статье 69 ГК БССР 1923 г., реквизиция допускалась «лишь в порядке, установленном декретом о реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ, с вознаграждением собственника по средним рыночным ценам, существующим к моменту изъятия имущества» [49, 1923, № 71, ст. 904].

Статьей 69 ГК БССР 1923 г. с изменениями и дополнениями 1927 г. (далее — ГК БССР 1927 г.) устанавливалось, что «реквизиция (принудительное отчуждение или временное отобрание государством имущества от собственника за вознаграждение) может производиться в исключительных случаях только тогда, когда это вызывается необходимостью, и не иначе, как по постановлению Совета Народных Комиссаров БССР» [7, с. 13]. Размер вознаграждения собственника за реквизируемое имущество определялся по средним рыночным ценам в момент отобрания имущества. На практике, однако, вознаграждение собственника реквизируемого имущества по рыночным ценам, как правило, не применялось. Стоимость имущества определялась по утвержденным государственным ценам, а в отношении домовладений — по инвентаризационной или страховой оценке [14, с. 285; 41, с. 274].

Порядок осуществления реквизиции был детализирован в принятом в развитие данной статьи постановлении ЦИК и СНК БССР от 26 марта 1927 г. «О порядке реквизиции имущества частных лиц и обществ» [39, 1927, № 17, ст. 71]. В 1929 г. указанная статья была также дополнена положением, согласно которому при реквизиции строения собственнику «вместо платы деньгами может быть выдано другое строение соответствующей категории

и стоимости в том же поселении», что свидетельствует о достаточно широком понимании законодателем реквизиции [39, 1929, № 25, ст. 140]. Кроме того, согласно примечанию 1 к пункту 9 Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества, утвержденного постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта 1927 г. (заменял все предшествовавшие акты о порядке реквизиции и конфискации, до настоящего времени действует на территории Российской Федерации в части, не противоречащей Конституции и другим законодательным актам), предметом реквизиции также могли являться строения и промышленные предприятия вместе с оборудованием [40, 1927, № 38, ст. 248].

В качестве особого случая, не подпадающего под действие правил о реквизиции, но имеющего большую социальную важность [8, с. 123], примечание к статье 69 ГК БССР 1927 г. содержало отсылку к статьям 97—107 Ветеринарного устава БССР [39, 1924, № 9, ст. 105], регулировавшего порядок вознаграждения собственников животных, убитых в целях прекращения заразных болезней и павших от прививок, а также за уничтоженные предметы и кормовые средства.

ГК БССР 1927 г. также четко разделял понятия «реквизиция» как возмездное изъятие и «конфискация» как безвозмездная карательная мера. Статьей 70 устанавливалось, что «конфискация (бесплатное принудительное отчуждение имущества от собственника в пользу государства) может производиться только как мера социальной защиты в случаях, особо указанных в законе» [7, с. 14]. Содержание части второй указанной статьи свидетельствует, что конфискация в контексте ГК БССР 1927 г. носила уже характер исключительно санкции: «конфискации не подлежат необходимые для лица, у которого производится конфискация, и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством к существованию орудия мелкого сельскохозяйственного, кустарного и ремесленного производства или инвентарь, необходимый для профессиональной работы осужденного, а также предметы питания и денежные суммы, необходимые ему самому и его семье для личного потребления на срок не менее шести месяцев».

Необходимо, однако, отметить, что на практике термин «мера социальной защиты» в отношении конфискации понимался в контексте эпохи. Так, конфискация активно использовалась в качестве репрессивной меры в ходе коллективизации 1930-х гг. В качестве примера приведем норму пункта 2 постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», которой местным органам исполнительной власти предоставлялось право при-

менять «в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)» [15, с. 431]. Конфискованное имущество, за вычетом выплат по обязательствам, должно было «передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, вступающих в колхоз». Отметим, что в данном контексте конфискация рассматривалась советскими юристами как мера революционной экспроприации [50, с. 129].

Четкое различие между реквизицией и конфискацией проводилось и в советской правовой науке. Подчеркивалось, что реквизиция отличается от конфискации возмездным характером и тем, что изъятие производится в силу государственной необходимости, а не в качестве меры наказания [34, с. 69; 41, с. 274; 48, с. 79]. При этом при сущностной характеристике указанных видов принудительного изъятия часть авторов на первый план выдвигали приобретение права собственности государством [14, с. 285–286; 41, с. 273–274; 45, с. 287; 48, с. 78–79], а другие — прекращение (утрату) права собственности частным лицом [12, с. 63; 34, с. 57].

Итоги революционной экспроприации получили правовое закрепление и на уровне Основного Закона. Так, в статье 2 Конституции ССРБ 1919 г. Первый съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии постановил, что «частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общегосударственным достоянием; все леса, недра и воды, а равно весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием» [22].

Конституцией БССР 1927 г. (ст. 6) провозглашалось, что «вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность социалистического государства» [19].

Конституции СССР 1936 г. [20] и БССР 1937 г. [17] содержали еще более подробную норму: «Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т.п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием».

Конституциями СССР 1977 г. [21] и БССР 1978 г. [18] устанавливалось, что «государственная собственность — общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности. В исключитель-

ной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства».

По этой причине, а также ввиду отсутствия необходимости масштабного перераспределения имущественных благ общесоюзные Основы гражданского законодательства 1961 г. (далее — Основы 1961 г.) [см.: 1] и гражданские кодексы 15 союзных республик, в том числе Гражданский кодекс БССР 1964 г. (далее — ГК БССР 1964 г.) [36, 1964, № 17, ст. 183] не содержали даже косвенного упоминания о национализации.

Вместе с тем, институт реквизиции сохранился. Дублируя нормы статьи 31 Основ 1961 г., ГК БССР 1964 г. (ст. 154) под реквизицией понимал «изъятие государством имущества у собственника в государственных или общественных интересах с выплатой ему стоимости имущества... в случаях и в порядке, установленных законодательством Союза ССР и БССР». Точного перечня случаев, когда допускалась реквизиция, в советском законодательстве не имелось [9, с. 191]. При этом в литературе отмечалось, что реквизиция осуществляется в отношении такого имущества граждан и негосударственных юридических лиц, в котором в силу каких-либо чрезвычайных обстоятельств [9, с. 191] либо крайней необходимости [25, с. 106] нуждается государство. В качестве частного случая реквизиции советскими правоведами рассматривалось изъятие драгоценных металлов и алмазов на основании постановлений органов дознания, следствия, прокуратуры или суда в порядке, предусмотренном статьей 150 ГК БССР 1964 г. [см., напр.: 28, с. 168; 46, с. 251; 46, с. 293]. Такое утверждение, однако, представляется крайне противоречивым, поскольку, по нашему мнению, возмещение стоимости изъятых ценностей в данном случае носит характер восстановления нарушенного права (по аналогии со ст. 444 ГК БССР 1964 г. о возмещении ущерба, причиненного незаконной конфискацией), а не компенсации за принудительно изымаемое имущество. К тому же, само изъятие носит характер обеспечительной меры в отношении возможной конфискации (в случае вынесения соответствующего приговора), т. е. не соответствует упомянутым целям реквизиции.

Кроме того, высказывалось мнение, что реквизиция применяется при сносе строений в связи с отводом земельных участков для государственных или общественных надобностей [42, с. 115; 47, с. 292]. Такое мнение также представляется весьма спорным, поскольку в дан-

ном случае действия властей имеют цель, отличную от целей реквизиции, обусловленной чрезвычайными обстоятельствами и крайней необходимостью [25, с. 106; 46, с. 251].

Под конфискацией в той же статье 154 ГК БССР 1964 г. понималось «безвозмездное изъятие государством имущества в качестве санкции за правонарушение», что окончательно закрепило понимание о ее характере карательной меры, вытекающей из противоправного поведения конкретного лица [см., напр.: 47, с. 291].

Дополнительным основанием для понимания указанных понятий с точки зрения законодателя советской эпохи служат нормы статьи 33 Закона СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР» (далее — Закон СССР) [3, 1990, № 11, ст. 164]. В данном нормативном акте под реквизицией понималось изъятие имущества у собственника «в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер» по решению органов государственной власти в порядке и на условиях, установленных законодательными актами, с выплатой стоимости имущества; под конфискацией — безвозмездное изъятие «по решению суда, государственного арбитража или другого компетентного государственного органа (должностного лица) в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения». Соответствующие нормы закреплялись и в статьях 77, 78 Закона БССР от 11 декабря 1990 г. «О собственности в БССР» (далее — Закон БССР) [2, 1990, № 2, ст. 13].

Кроме того, как Законом СССР (ст. 33), так и законом БССР (ст. 76) целенаправленное изъятие государством имущества у законного собственника допускалось исключительно в форме реквизиции и конфискации, а также при обращении взыскания на это имущество по обязательствам собственника. Аналогичная норма содержалась и в статье 55 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (далее — Основы 1991 г.) [4, 1991, № 26, ст. 733].

Законодатель, однако, выделял как отдельную категорию обстоятельства, при которых принудительное вмешательство государства в отношения собственности, хотя и не имело своей непосредственной целью изъятие имущества, тем не менее, приводило к сходному результату. Статьей 33 Закона СССР и статьями 74, 75 Закона БССР предусматривалось прекращение права собственности в связи с *решением об изъятии земельного участка*, на котором находятся принадлежащие собственнику дом, иные строения, сооружения или насаждения, или *иным решением государственного органа, не направленным непосредственно на изъятие имущества у собственника*. Принятие указанных решений допускалось исключительно в случаях и порядке, уста-

новленных *законодательными актами* Союза ССР и БССР, с возмещением собственнику в полном объеме убытков, причиненных прекращением права собственности.

При несогласии собственника на реализацию решения, влекущего прекращение права собственности, накладывался мораторий вплоть до разрешения «судом, государственным арбитражем или третейским судом» возникшего спора, а также вопроса о возмещении собственнику убытков. Статья 55 Основ 1991 г. в качестве альтернативного порядка компенсации предусматривала также предоставление собственнику «равноценного имущества и возмещение иных понесенных убытков».

В указанных положениях, допускающих случаи, когда изъятие имущества, принадлежащего частным лицам на праве собственности, является вторичным по отношению к основной цели, которую преследует мера государственного регулирования, по нашему мнению, усматриваются элементы регулирования *экспроприации*, которая, однако, в данном случае носит *опосредованный* характер. Это объясняется отсутствием прямой причинно-следственной связи между изъятием конкретного имущества и государственной или общественной необходимостью, которой продиктовано принятие соответствующей меры государственного регулирования.

Гарантии защиты личной собственности граждан и их объединений при изъятии земельных участков для государственных нужд получили закрепление и в жилищном законодательстве СССР и БССР. Так, статьей 44 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик 1981 г. (далее — Основы 1981 г.) [3, 1981, № 26, ст. 834], а также статьей 148 Жилищного кодекса БССР 1983 г. (далее — ЖК БССР) [36, 1983, № 36, ст. 586] предусматривалась возможность принудительного отчуждения жилых домов, находящихся в личной собственности граждан или принадлежащих строительному кооперативу, но как исключение из общего правила, только в случаях, установленных законодательством. В самих Основах фиксировалось лишь одно из подобных оснований — снос жилого дома в связи с изъятием земельного участка для государственных или общественных нужд (ст.ст. 42, 45 Основ 1981 г., ст.ст. 134, 163 ЖК БССР).

Условием изъятия выступала также возмездность в виде обязательного предоставления равноценного жилого дома (для ЖСК) или квартиры в домах государственного или общественного жилищного фонда (для граждан). Кроме того, гражданам — собственникам жилых домов по их выбору либо выплачивалась «стоимость сносимых домов, строений и устройств», либо предоставлялось «право использовать материалы от разборки этих домов, строений и устройств по своему усмотрению». В качестве альтернативы предостав-

лению квартиры обеспечивалась возможность внеочередного вступления в члены жилищно-строительных кооперативов и получения в них квартир.

По желанию граждан принадлежащие им жилые дома и строения, подлежащие сносу, могли быть перенесены и восстановлены на новом месте (ст. 164 ЖК БССР), а в отдельных случаях — сооружены на новом месте жилые дома, строения и устройства с последующей передачей их гражданам в личную собственность (ст. 65 ЖК БССР).

Таким образом, *правовые механизмы защиты прав собственника в отношении жилых домов и строений* в случае их принудительного сноса в государственных или общественных интересах (опосредованно) в советский период содержали в себе и *такие элементы экспроприации, как возмездность и законность*.

Можно констатировать, что к моменту распада Советского Союза в праве БССР из возможных правовых форм возмездного принудительного изъятия государством имущества частных лиц законодательное регулирование получили:

1) реквизиция, при которой имущество, принадлежащее частным лицам на праве собственности, изымается для *непосредственного* удовлетворения определенных государственных или общественных нужд путем использования такого имущества в *обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер*;

2) *прекращение права собственности в связи с решением государственного органа, не направленным непосредственно на изъятие имущества у собственника*, в частности снос жилых домов и строений в связи с изъятием земельного участка для государственных или общественных нужд. В данном случае прекращение права частной собственности на имущество имеет признаки «*опосредованной экспроприации*», поскольку не является само по себе средством государственного регулирования социально-экономических процессов и по отношению к основной мере, например изъятию участка, носит производный, «побочный» характер.

Экспроприация в прямой ее форме законодательного регулирования в советский период не получила. На наш взгляд, это явилось закономерным итогом развития представлений о собственности в советском праве и их последовательного правового закрепления в нормах гражданского законодательства. Тотальное доминирование в экономических отношениях государства как собственника основных средств производства лишало практической ценности саму идею защиты интересов частного собственника в контексте экспроприации.

Отметим, что само понятие «частная собственность», предметом которой в соответствии со статьей 54 ГК БССР 1923 г. могли быть «немуниципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами; орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода хозяйства и личного потребления, товары, продажа коих не воспрещается законом, и всякое имущество, не изъятое из частного оборота», с течением времени было упразднено. На смену ему пришло понятие «личная собственность», которая рассматривалась в качестве производной от социалистической собственности [33, с. 65; 41, с. 236; 46, с. 295]. Согласно ГК БССР 1964 г. в личной собственности граждан могли находиться лишь «предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения» (ст. 99).

Соответственно, предметом возможного возмездного принудительного изъятия мог стать весьма ограниченный перечень видов имущества частных лиц, что очевидным образом ограничивало масштабы применения соответствующих мер государственного регулирования и их влияние на социально-экономическое развитие.

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы.

В советской правовой науке термин «экспроприация» имел весьма ограниченное изучение. *Экспроприация рассматривалась как содержание, идейная составляющая* принудительных безвозмездных изъятий государством имущества частных лиц, осуществленных в контексте *революционных преобразований*, независимо от конкретных условий, при которых происходило такое изъятие, и его правового основания.

В законодательстве советского периода термин «экспроприация» не употреблялся. Правовое регулирование вопросов принудительного изъятия государством частной собственности с 1917 по 1991 г. прошло путь *от формализации процессов коренной трансформации отношений собственности, заключавшейся в масштабных безвозмездных изъятиях имущества частных лиц и установлении государственной собственности* на основные средства производства, до законодательного закрепления *отдельных форм возмездного принудительного изъятия*, в том числе имеющих признаки экспроприации.

Литература

1. Вавин, Н. Г. Национализация и муниципализация имущества: сводка декретов, постановлений, инструкций, циркуляров, разъяснений Пленума Верховного суда, определений Кассационной коллегии Верховного суда и разъяснений III отд. НКЮ / Н. Г. Вавин. — Изд. 2-е, перер. и доп. — М.: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР., гостип. им. Смирнова в Смоленске, 1925. — 120, VIII стр.
2. Ведомости Верховного Совета БССР.
3. Ведомости Верховного Совета СССР.
4. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.
5. Венедиктов, А. В. Организация государственной промышленности в СССР. 1917—1920 / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. — 764 с.
6. Вильнянский, С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 1. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. — 339 с.
7. Гражданский кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики: с изм. и доп. по 10 июня 1927 г. — Минск: Изд. п/отд. законодат. предложений НКЮ БССР, 1927. — 115 с.
8. Гражданский кодекс советских республик: текст и практический комментарий / под ред. Ал. Малицкого. — Изд. 3-е, испр. и доп. — [Киев?]: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1927. — 774 с.
9. Гражданское право БССР: учеб. пособие для студентов юрид. фак. и вузов. Т. 1 / К. А. Борзова [и др.]. — Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1975. — 384 с.
10. Зеньков, А. В. О некоторых различиях в правовом регулировании экспроприации в законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации / А. В. Зеньков // Беларусь в современном мире: материалы XI Междунар. конф., посвященной 91-летию образования Белорус. гос. ун-та, 30 окт. 2012 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2012. — С. 117—119.
11. Зеньков, А. В. Экспроприация: генезис понятия в дореволюционном и советском гражданском праве / А. В. Зеньков // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2013. — № 2. — С. 26—34.
12. Зимелева, М. В. Гражданское право: учеб. для юрид. шк. / М. В. Зимелева; Всесоюз. ин-т юрид. наук. — М.: Юрид. изд-во, тип. «Красный пролетарий», 1944. — 343 с.
13. Зимелева, М. В. Гражданское право: учеб. для юрид. шк. / М. В. Зимелева; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Юрид. изд., тип. «Красный пролетарий», 1947. — 488 с.
14. Иоффе, О. С. Советское гражданское право: курс лекций. Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах [для юрид. вузов] / О. С. Иоффе; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. — 511 с.
15. История Беларуси в документах и материалах / авт.-сост. И. Н. Кузнецов, В. Г. Мазец. — Минск: Амалфея, 2000. — 672 с.
16. Канторович, Я. А. Основные идеи гражданского права / Я. А. Канторович. — Харьков: Юрид. изд-во, 1928. — 309, [2] с.
17. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики, 19 февр. 1937 г. / [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2061>>. — Дата доступа: 15.03.2013.
18. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики, 14 апр. 1978 г. / [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2081>>. — Дата доступа: 15.03.2013.
19. Конституция (Основной Закон) Белорусской Социалистической Советской Республики, 11 апр. 1927 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2051>>. — Дата доступа: 15.03.2013.
20. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, 5 дек. 1936 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
21. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, 7 окт. 1977 г. [Электронный ресурс] // Там же.
22. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии (принята I съездом Советов БССР), 3 февр. 1919 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=1951>>. — Дата доступа: 15.03.2013.
23. КП(б)Б у рэзалюцыях / Ін-т гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б. — Мінск: Парт. выд-ва, 1934. Ч. 1: 1903—1921 гг. — 266, [6] с.
24. Ли, В. И. Вопросы советского права в свете новой Конституции СССР. Вып. 4: Гражданское право / В. И. Ли. — М.: МИИТ, 1981. — 47 с.
25. Матвеев, Ю. Г. Гражданское право в вопросах и ответах: справочник / Ю. Г. Матвеев, А. С. Довгерт, В. И. Кисиль. — Киев: Политиздат Украины, 1987. — 270, [2] с.
26. Мещеряков, В. Национализация и социализация земли / В. Мещеряков. — М.: Жизнь и знание, 1918. — 64 с. — (Б-ка обществоведения; Кн. 53-я)
27. Народное (Национальное) Собрание Западной Белоруссии, 28—30 окт. 1939 г.: стеногр. отчет / под ред. В. Н. Малина. — Минск: Гос. изд-во БССР, 1946. — 193, [1] с.
28. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Белорусской ССР / К. А. Борзова [и др.]. — Минск: Беларусь, 1991. — 527, [1] с.
29. Национализация промышленности в СССР: сб. док. и материалов 1917—1920 гг. / Гл. архив. упр. Центр. гос. архив Октябрьской революции и соц. строительства СССР; Ин-т экономики Акад. наук СССР. — М.: Госполитиздат, 1954. — 824 с.
30. Невзоров, А. С. Экспроприация. Конфискация. Реквизиция. Социализация. Национализация. Муниципализация: систематизированное изложение декретов, постановлений, инструкций, циркуляров ВЦИК, СНК, НКВД, ГУКХ, ВСНХ / А. С. Невзоров; сост. по поручению Воронеж. губкоммунотд., консультант отд. проф. А. С. Невзоров. — Воронеж: Воронеж. губ. отд. коммун. хоз-ва, 1923. — 29, [2] с.
31. Новицкая, Т. Е. Кодификация гражданского права в Советской России, 1920—1922 гг.: учеб. пособие / Т. Е. Новицкая. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 120 с.
32. Новицкий, И. Б. История советского гражданского права / И. Б. Новицкий. — М.: Госюриздат, 1957. — 327 с.
33. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919—1952: каталог. В 3 т. Т. 2: 1930—1939 / подг.: Л. А. Роговая [и др.]. / Федер. арх. служба России, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. — М.: Росспэн, 2000. — 1197, [2] с.

34. Рубинштейн, Б. М. Советское хозяйственное и гражданское право: учеб. для юрид. шк. и пособие для вузов. — Изд. 2-е, перер. и доп. / Б. М. Рубинштейн. — М.: Советское законодательство, 1936. — 301 с.
35. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве. — 6-е изд., перер. / К. И. Скловский. — М.: Статут, 2010. — 893 с.
36. Собрание законов БССР.
37. Собрание законов СССР.
38. Собрание постановлений правительства СССР.
39. Собрание узаконений БССР.
40. Собрание узаконений РСФСР.
41. Советское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. 2-е расшир. и доп. изд. / В. Г. Вердников [и др.]. — М., 1960. — 525 с.
42. Советское гражданское право: конспект лекций: учеб. пособие для студентов фак. советского строительства. — М., 1973. — 404 с.
43. Советское гражданское право: учеб. для вузов по спец. «Правоведение». Т. 1 / В. А. Тархов [и др.]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — 452, [1] с.
44. Советское гражданское право: учеб. для торг.-экон. вузов / под ред. проф. Д. М. Генкина. — М.: Госюриздат, 1961. — 351 с.
45. Советское гражданское право: учеб. для юрид. высш. учеб. заведений. Т. 1. — М.: Гос. изд. юрид. лит., тип. «Красный пролетарий», 1950. — 496 с.
46. Советское гражданское право: учеб. для юрид. ин-тов и фак. — Изд. 2-е. В 2 т. Т. 1 / О. А. Красавчиков [и др.]; под ред. проф. О. А. Красавчикова. — М.: Высш. шк., 1972. — 447 с.
47. Советское гражданское право: учеб. для юрид. ин-тов и фак. Т. 1 / отв. ред. проф., д-р юрид. наук В. А. Рясенцев. — М.: Юрид. лит., 1965. — 560 с.
48. Советское гражданское право: учеб. для юрид. шк. — М.: Юриздат, 1940. — 264 с.
49. Советское гражданское право: учеб. пособие для студентов ВЮЗИ. В 2 т. Т. 1 / В. Г. Вердников [и др.]. — М., 1955. — 220 с.
50. Тархов, В. А. Советское гражданское право / В. А. Тархов. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. Ч. 1. — 1978. — 230 с.

«Понятие экспроприации в законодательстве и доктрине советского периода» (Алексей Зеньков)

В статье рассматривается проблематика правового регулирования вопросов экспроприации в советском гражданском праве на основе нормативных и доктринальных источников. Статья ориентирована на выявление основных подходов к определению и регулированию экспроприации и, как результат, выделение основных элементов понятия «экспроприация», существовавших в праве Беларуси в рассматриваемый период.

Необходимость изучения данного вопроса диктуется существующей потребностью формулирования понятия экспроприации, которое могло бы рассматриваться в качестве основы для закрепления соответствующей нормы в гражданском законодательстве Республики Беларусь в целях совершенствования правового регулирования отношений собственности, в том числе с участием иностранного элемента.

На основе анализа законодательства исследуемого периода, трудов советских ученых автором выделен ряд закономерностей формирования правовых форм принудительного изъятия собственности, их трансформации в контексте развития отечественной правовой системы с 20-х гг. XX в. до 1991 г.

«The Concept of Expropriation in the Legislation and Doctrine of the Soviet Era» (Aleksei Zenkov)

The article focuses on the legal issues of expropriation in the Soviet civil law. The research is based on legal and doctrinal sources dating back to the epoch. This article aims to identify the main approaches to the definition and regulation of expropriation and, as a result, to determine the main elements of the concept of «expropriation» that existed under Belarusian law within the period.

The issue needs to be studied because the formulation of the expropriation as a concept is required, which could be considered as the basis for fixing the relevant provision in the civil legislation of the Republic of Belarus so that the property law, including the regulations that involve a foreign element, could be improved.

Taking as the basis the analysis of the legislation within the period concerned, the works of Soviet lawyers, the author identifies a number of regularities in respect to how the legal forms of seizure of property developed and what transformation they went through in the context of the development of the domestic legal system from 1920s to 1991.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2013 г.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОЦЕССА ИММИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Константин Снисаренко

На президентских выборах во Франции в 2002 г. во второй тур наравне с действующим президентом страны Ж. Шираком прошел кандидат от ультраправого движения «Национальный фронт» Ж.-М. Ле Пен, выступавший с антииммигрантскими лозунгами. Этот факт свидетельствовал о том, что в стране, которая в течение нескольких веков активно привлекала международных мигрантов, существуют проблемы во взаимоотношениях между иммигрантами и принимающим обществом.

Актуальность данной темы подтверждается тем, что проблемы, с которыми столкнулась Франция, свойственны многим европейским государствам, так как большинство из них относится к странам иммиграции. Цель данной статьи — охарактеризовать положение иммигрантов во французском обществе во второй половине XX — начале XXI в. Для этого необходимо выявить характерные черты процесса иммиграции во Францию и определить результаты иммиграционной политики французских правительств.

Положение иммигрантов во Франции стало предметом исследований специалистов самых разных областей научных знаний: демографов, культурологов, политологов, правоведов, экономистов. Особо следует отметить вклад в изучение этого вопроса русскоязычных (Е. М. Михайлова [2], Я. Р. Стрельцовой [3; 4], Н. М. Фролкина [5], Н. В. Шмелевой [6; 7]) и иностранных (Ф. Бернара [9], Ф. Эрана [14], Ф. Кхосрокхавара [16], О. Руа [25], Х. Тавана [31], О. Вилея [32]) авторов. Основу источниковой базы работы составляют данные статистики и законодательные акты [10—13; 15; 18—23; 26—27; 30].

Предпосылкой к возникновению проблем во взаимоотношениях между иммигрантами и французским обществом стали изменения в процессе иммиграции во Францию, произошедшие во второй половине XX — начале XXI в. Они были обусловлены демографической ситуацией в стране, развитием французской экономики и международной обстановкой, сложившейся после Второй мировой войны.

Во время Второй мировой войны страна понесла сравнительно небольшие потери — погибли и умерли от болезней около 530 тыс. человек [11, р. 20]. Поэтому необходимость пополнения населения Франции посредством иммиграции отсутствовала. На первое место в мотивах приема международных мигрантов стали экономические интересы. Власти страны приветствовали приезд иностранных рабочих, поскольку в период «славного тридцатилетия» 1945—1975 гг. французской экономике не хватало рабочих рук. Не случайно доля лиц наемного труда среди французских иммигрантов выросла с 71 % в межвоенный период до 92,3 % в 1968 г. [5, с. 188—189].

В период экономического процветания наблюдался значительный приток международных мигрантов в страну. В 1975 г. их доля в составе населения Франции достигла своего исторического максимума за весь XX в. — 7,4 % [12]. Однако с 1974 г. французская экономика оказалась в состоянии кризиса. В этих условиях 3 июля 1974 г. правительство премьер-министра Ж. Ширака приняло решение о прекращении внешней трудовой миграции. Суть его заключалась в отказе от предоставления рабочих мест всем иностранцам за исключением граждан стран ЕЭС. Как следствие, количество трудовых мигрантов резко сократилось со 130 тыс. в 1974 г. до 30 тыс. в 1975 г. [17, р. 40].

Тем не менее, в целом приток иммигрантов в страну не прекратился и в 1999 г. их доля в составе населения Франции по-прежнему равнялась 7,4 % [12]. При этом процесс иммиграции претерпел существенные изменения: последняя приобрела переселенческий характер. Многих иммигрантов привлекала не столько перспектива трудоустройства, сколько высокий уровень жизни французских граждан. Основными способами въезда в страну стали смешанные браки, право на воссоединение семьи, право на убежище. К началу XXI в. один из пяти заключавшихся во Франции браков был браком с иностранцем [3, с. 82]. Если в 1973 г. на 153 тыс. трудовых иммигрантов приходилось 68 тыс. членов их семей, переехав-

Автор:

Снисаренко Константин Леонидович — старший преподаватель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Подолинский Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета

ших во Францию, то в 2003 г. к 24 тыс. трудовых мигрантов прибыло 25 тыс. их домочадцев [27, р. 10; 32, р. 87]. Количество лиц, ищущих убежища, за 1981—2001 гг. увеличилось более чем в 2 раза [10].

Еще одной характерной чертой процесса иммиграции во Францию во второй половине XX — начале XXI в. стал рост незаконной иммиграции. Ее появление было спровоцировано недостатками французской системы рекрутирования иностранной рабочей силы. После Второй мировой войны во Франции была создана централизованная государственная система найма трудовых мигрантов. В соответствии с решением правительства «О въезде и пребывании иностранных граждан во Францию» от 2 ноября 1945 г. при Министерстве труда было создано Национальное управление по иммиграции (НУИ) [23]. Оно обладало монополией по найму и размещению иностранных рабочих в стране. Набор и ввоз рабочих из-за рубежа осуществлялся либо непосредственно через заграничные отделения НУИ, либо через французские консульства.

Централизованный государственный контроль за внешней трудовой миграцией не устраивал французских нанимателей и иностранных рабочих. Еще в 1969 г. газета «Монд» отмечала, что предприниматели считают более удобным нанимать тех, кто непосредственно приходит к ним на предприятие, чем заниматься ненужными формальностями в НУИ [2, с. 37]. Они предпочитали принимать на работу нелегальных иммигрантов, так как могли тем самым избежать бюрократической волокиты и отказаться от выполнения ряда обязательств. Иностранцы рабочие, в свою очередь, опасались жесткого отбора кандидатов, в результате которого половине из них могло быть отказано в предоставлении рабочего места. Во французском законодательстве имелись «лазейки», которые позволяли осуществить набор иностранной рабочей силы в обход НУИ. В итоге во Франции сформировались два канала найма иностранной рабочей силы: официальный, централизованный, бюрократизированный, слабо отвечающий требованиям гибкости рынка труда, и нелегальный, плохо сочетающийся с международными и национальными нормами в области трудовых отношений, но в большей степени отвечающий нуждам нанимателей.

После введения запрета на внешнюю трудовую миграцию стало ясно, что французское государство обладает крайне ограниченными возможностями по борьбе с незаконной иммиграцией. Трудности возникали в определении количества иностранцев, незаконно находящихся на территории страны. Объем незаконной иммиграции оценивается примерно от 13 до 30 тыс. человек в год [14, р. 3; 17, р. 172]. Количество нелегальных иммигрантов, постоянно проживающих в стране, составляет,

по разным оценкам, от 130 до 550 тыс. человек [14, р. 3; 29, р. 6]. Однако главной проблемой является наличие устойчивого спроса на труд незаконных иммигрантов в строительстве, ресторанном и гостиничном сервисе, торговле, сельском хозяйстве.

Международная обстановка, сложившаяся после Второй мировой войны, содействовала тому, что процесс иммиграции во Францию приобрел мировые масштабы. Сохранение диктаторских режимов в Испании и Португалии, формирование блока социалистических государств в Центральной и Юго-Восточной Европе заметно ограничили возможности страны по пополнению рабочей силы. Усилилась конкуренция между нанимателями из разных стран на мировом рынке труда. Обескровленные войной государства Западной Европы начали проводить активную иммиграционную политику. В Италии НУИ столкнулось с серьезной конкуренцией со стороны рекрутеров из Великобритании и Бельгии, а позднее и Западной Германии, которые предлагали, как правило, более выгодные условия труда.

Сокращение притока иммигрантов из Европы французские власти компенсировали активным привлечением рабочей силы из колоний. Однако в результате распада колониальной империи Франции в 1950—1960-х гг. выходцы из бывших колониальных владений стали гражданами новых независимых государств. Как следствие, во второй половине XX — начале XXI в. изменился этнический состав французских иммигрантов, среди которых стали преобладать представители бедных стран Африки и Азии. В 1968 г. доля иммигрантов из Европы составляла 76,4 %, а выходцев из Африки и Азии — 19,9 и 2,5 % соответственно [15]. В 2008 г. пропорции изменились: доля представителей африканского континента выросла до 42,5 %, а европейцев сократилась до 38 %. Количество иммигрантов из Азии выросло до 14,2 % [12].

Таким образом, во второй половине XX — начале XXI в. иммиграция во Францию стала переселенческой по мотивам въезда и мировой по масштабам. Возникла проблема незаконной иммиграции. Все это оказало влияние на процесс адаптации иммигрантов во французской социальной среде.

В социально-экономическом плане французские иммигранты после 1974 г. столкнулись с проблемой безработицы. С завершением «славного тридцатилетия» французская экономика была не в состоянии обеспечить широкую занятость населения. Так, в период с 1950 по 1974 г. ежегодный прирост ВВП составлял 5,3 %, а с 1975 по 2011 г. — лишь 2 % [13]. Как следствие, с 1975 по 2010 г. средний уровень безработицы в стране равнялся 8 % [30]. Следует отметить, что среди иммигрантов безработица была выше примерно в 2 раза вслед-

ствии особенностей положения иностранной рабочей силы в экономике Франции и изменений в системе трудовых отношений.

Активно привлекая трудовых мигрантов, французские наниматели ориентировались на использование малоквалифицированной рабочей силы. В 1968 г., по данным профсоюзов, 57 % иностранных рабочих не имели никакой квалификации, 31 % — были низкоквалифицированными и лишь 9,5 % имели высокую квалификацию [5, с. 203]. Иностранная рабочая сила направлялась в наиболее трудоемкие отрасли французской экономики с низким уровнем механизации труда. По данным Министерства труда Франции, в 1973 г. наибольшее количество иностранных рабочих было задействовано в строительстве, тяжелом машиностроении и сфере бытовых услуг [32, р. 90]. В условиях развития научно-технической революции эти отрасли экономики стали малопривлекательными для коренного населения страны. Иммигранты обеспечивали их функционирование, в то время как молодое поколение французов получило возможность осваивать новые перспективные направления производства.

Развитие НТР, рост производительности труда в промышленности, переход от массового к мелкосерийному производству, расширение роли сектора услуг содействовали преобразованию системы трудовых отношений. Широкое распространение получили так называемые посттейлористские принципы организации труда. В соответствии с ними основу персонала компании стало составлять ядро высококвалифицированных управленцев, работающих на постоянной основе, которое дополняется штатом временных работников, обеспечивающих реализацию отдельных проектов. На рынке труда Франции вырос спрос на высококвалифицированных специалистов и одновременно снизилась потребность в индустриальных рабочих. За 1975—1995 гг. ежегодный прирост рабочих мест для работников интеллектуального труда составил 3,6 %, а потребность в индустриальных рабочих ежегодно снижалась на 0,7 % [26, р. 2]. Тем не менее, в 2002 г. половина французских иммигрантов трудилась в качестве рабочих [31, р. 3]. Таким образом, иностранная рабочая сила была поставлена в неравное положение с коренными жителями страны. Дискриминация трудовых мигрантов привела к тому, что структура иностранной рабочей силы перестала соответствовать новым требованиям рынка труда.

Исправить ситуацию могло обучение и повышение квалификации иммигрантов и их детей во французских учебных заведениях. Однако, как показывают исследования, у иммигрантов возникают сложности не во время получения образования, а во время последующего трудоустройства. Так, более половины молодых африканцев, проживающих во Фран-

ции, вынуждены в течение года искать работу после окончания обучения, в то время как среди коренных французов в такую ситуацию попадают лишь 29 % выпускников [4, с. 70]. Объяснить это можно дискриминацией, проявляющейся, в первую очередь, по отношению к выходцам из стран Северной Африки (в большинстве своем бывших французских колоний).

Неравные условия на рынке труда, в которых находятся иммигранты и их дети, обусловили низкий уровень их заработных плат. В начале 2000-х гг. среднемесячная зарплата во Франции составляла 1550 евро; для иммигрантов она равнялась 1400 евро; для тех из них, кто прибыл из неевропейских государств, — 1300 евро; для детей иммигрантов — 1500 евро [31, р. 3]. Относительно небольшая разница в получаемых заработных платах усугубляется различными семейными условиями, в которых находятся иммигранты и французские граждане. Массовая иммиграция по семейным мотивам содействовала феминизации населения страны: в 1999 г. доля женщин в составе французских иммигрантов составила 50 % [31, р. 1]. Экономическая активность иммигранток ниже, чем у гражданок страны. Это объясняется тем, что каждая третья семья иммигрантов имеет трех и более детей, в то время как среди коренного населения — лишь одна из десяти [31, р. 2]. Во второй половине XX — начале XXI в. наблюдался процесс старения французских иммигрантов. По данным переписи 1999 г., численность нетрудоспособных иммигрантов в возрасте старше 55 лет была на 8,4 % выше, чем в целом по стране [24]. Как следствие, уровень жизни иммигрантов, определяемый путем деления общего дохода на количество членов семьи, составляет лишь 70 % от среднестранового показателя [31, р. 4]. Уровень бедности среди иммигрантов составляет 37 %, в то время как в среднем по стране он равен 13,5 % [31, р. 4].

Активное обращение иммигрантов за социальной помощью выявило дискриминационный характер предоставления социальных услуг во Франции. Только 52 % иммигрантов-неевропейцев имеют льготы по оказанию медицинской помощи, тогда как у французов и иммигрантов из стран ЕС этот показатель достигает 85 % [9, р. 164].

Проблема низкого социального положения иммигрантов усугубляется их компактным расселением по территории страны. К примеру, в округе Парижа проживает 45 % всех французских иммигрантов [8, р. 102]. В отдельных кварталах крупных городов Франции в 1970—1980-х гг. сформировались своеобразные «гетто» выходцев из неевропейских государств. Уровень безработицы среди населения этих городских территорий в несколько раз превышает средний по стране. О положении людей в этих кварталах ярко свидетельствует

высказывание молодого иммигранта Мохаммеда, давшего интервью в рамках программы социологических исследований: «У молодежи здесь, и это норма, нет семьи. Нечем платить за жилье — нет квартиры. Нет ничего, только повседневная жизнь. Их интересуют только деньги. Если кто-то думает по-другому, — он не отсюда» [28, р. 91]. Такие условия создают благоприятную среду для роста преступности. В 1995 г. в 1014 «проблемных кварталах» проживало около 1,5 млн человек, на которых приходилось около 10 % зарегистрированных в стране преступлений и случаев злостного хулиганства [24, р. 23].

Таким образом, во второй половине XX — начале XXI в. иммигранты стали наиболее социально уязвимой частью населения Франции. Причем в самых тяжелых условиях оказались выходцы из неевропейских государств.

Сложное социальное положение иммигрантов содействовало обособленности их общественной жизни в рамках диаспоры. Несмотря на свою богатую историю, иностранные диаспоры очень слабо представлены в общественно-политической жизни Франции. Способствовал этому Декрет-закон от 12 апреля 1939 г. «Об иностранных ассоциациях и организациях, включающих в свой состав иностранцев». В соответствии с ним любая общественная организация, состоящая или имеющая в своем составе иностранных граждан, должна получить разрешение Министерства внутренних дел на ведение деятельности на территории страны. Французские государственные органы имели право в любой момент наложить запрет на ее работу. Только 9 октября 1981 г. французский парламент отменил действие данного Декрета и предоставил иммигрантам возможность создавать собственные ассоциации.

Исключенность диаспор из общественно-политической жизни Франции не мешала им выполнять функции социальной среды, в которой проходила адаптация иммигрантов в принимающее общество. Именно здесь проявилась разница в подходах к общественной жизни пришлого и коренного населения страны. К концу XX в. большая часть французских иммигрантов были выходцами из неевропейских государств и в большинстве своем прошли социализацию в мусульманской культурной среде. Мусульманское общество в меньшей степени затронуту секуляризмом, чем французское. Ислам сочетает в себе религиозные и социальные функции, поэтому мусульмане стремятся организовать свою жизнь, руководствуясь представлением о целостности религиозной и общественной сфер деятельности. В послевоенный период во Франции стала активно развиваться деятельность мусульманских общин: из пожертвований осуществлялась материальная поддержка бедных, организовывались похороны, из религиозных фондов оказывалась

помощь молодежи и обеспечение престарелых. Закон от 9 декабря 1905 г. «Об отделении церкви от государства» выводил иммигрантов за рамки существующих во французском государстве общественно-политических отношений. После того как в 1981 г. иммигрантам было фактически предоставлено право на создание собственных общественных организаций, процесс обособления мусульманского сообщества получил отражение и в общественно-политической жизни Франции.

К началу XXI в. мусульманское сообщество Франции, с одной стороны, обрело самоидентификацию, а с другой — подверглось серьезной трансформации под влиянием секуляризма. По мнению французского исследователя О. Руа, ислам во Франции приобрел широкий спектр форм: от детерриторизации до индивидуализации [25, р. 172]. В нем сосуществуют последователи традиционного и индивидуального ислама, движения светских мусульман, действуют фундаменталистские течения. Причина создавшейся ситуации кроется в том, что основу нынешнего мусульманского сообщества Франции составляют дети иммигрантов. Для них участие в мусульманской общине позволяло компенсировать проблемы, возникшие в процессе адаптации к жизни во французском обществе, а также реакцией на проявления ксенофобии. Профессор Ф. Кхосрокхавар разделяет мусульманское сообщество Франции на три категории в зависимости от уровня адаптации [16, р. 100]. К первой относится примерно 80 % французских мусульман. Они восприняли европейские ценности и нормы поведения. Ко второй относится примерно 15 % приверженцев ислама. Они интегрированы в принимающее общество, но не ассимилированы им. Этой категории мусульман характерно строгое выполнение религиозных предписаний при одновременном стремлении мирно сосуществовать с коренным населением. Примерно 5 % относятся к третьей категории — ортодоксальных фундаменталистов. Они отвергают ценности французской культуры, стремятся полностью отгородиться от «безбожного общества» и жить по законам шариата.

Таким образом, приверженность нормам ислама иммигрантов-мусульман стала отражением уровня их адаптации. Чем больше иммигрант вовлекался в окружающую его социальную среду, тем меньше он был склонен придерживаться культурных норм и традиций государства исхода. Проблемы по включению в жизнь общества детей французских иммигрантов были связаны не столько с имеющимися различиями в культуре, сколько со сложными социально-экономическими условиями, в которых оказались иммигранты после 1974 г.

Неизменно тяжелое социальное положение иммигрантов, рост настроений ксенофобии среди французских граждан подтолкну-

ли французских политиков к проведению реформ иммиграционной политики в начале XXI в. Их инициатор Н. Саркози так сформулировал цель проведенных преобразований: «Если мы не возьмем под контроль миграционные потоки, наша интеграционная система рухнет, а национальная идентичность будет поставлена под угрозу» [7, с. 59]. Являясь министром внутренних дел в правительстве премьер-министра Ж.-П. Раффарена (май 2002 г. — май 2005 г.), он начал борьбу с нежелательными видами иммиграции во Францию: незаконной иммиграцией, иммиграцией по семейным мотивам и предоставлением права на убежище. Так, 26 ноября 2003 г. был принят Закон «О регулировании иммиграции, натурализации и пребывания иностранцев во Франции» [18]. Был увеличен срок задержания иностранца, не предъявившего документы полиции, и создана правовая основа для формирования соответствующей общеевропейским нормам электронной системы регистрации виз, ужесточены наказания за организацию въезда и использование труда незаконных иммигрантов.

В декабре 2003 г. был утвержден ряд поправок в Закон «О праве на убежище» от 25 июля 1952 г., которые заметно упростили процедуру предоставления убежища во Франции [19]. Если раньше этим правом обладали как республиканские, так и местные органы власти, то с 2003 г. заявления могли рассматриваться только в республиканском Французском бюро помощи беженцам и апатридам.

В 2006 г. правительство премьер-министра Д. де Вильпена (май 2005 г. — май 2007 г.) отказалось от действовавшего с 1974 г. запрета на трудовую иммиграцию. Были предприняты меры по изменению структуры иностранной рабочей силы и стимулированию приезда в страну высококвалифицированных специалистов. Новой чертой иммиграционной политики стало принуждение иммигрантов к интеграции во французское общество.

По инициативе министра внутренних дел Н. Саркози 24 июля 2006 г. был принят Закон «Об иммиграции и интеграции» [20]. Он установил систему квот на привлечение иностранной рабочей силы. Были введены в оборот карты проживания, обеспечивающие вид на жительство и занятость иммигрантов. Закон обязал каждого иностранца, прибывшего на постоянное жительство во Францию, заключить

с органами государственной власти договор, содержащий ряд обязательств: знание языка страны проживания, основ ее права, культуры и основополагающих ценностей.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что во второй половине XX — начале XXI в. произошли глубокие изменения в процессе иммиграции во Францию, которая стала переселенческой по мотивам въезда и мировой по масштабам. Возникла проблема незаконной иммиграции. Основу иммигрантов стали составлять выходцы из бедных стран Африки и Азии, а не европейцы. Изменения в процессе иммиграции, падение темпов экономического развития страны пагубно повлияли на процесс адаптации иммигрантов во французском обществе. Иммигранты стали наиболее социально уязвимой частью населения Франции. Вследствие возникших проблем адаптации произошла фактическая сегрегация пришлого населения страны.

Проведенные в 2003—2006 гг. реформы иммиграционной политики позволили внести изменения в процесс иммиграции в страну. Активная борьба с незаконной иммиграцией привела к сокращению этого нежелательного явления во Франции. За 2002—2007 гг. из страны было выслано 135 тыс. нелегальных иммигрантов [6]. Выросли объемы внешней трудовой миграции. В период с 2006 по 2008 г. доля трудовых иммигрантов увеличилась с 7 до 14 % от их общего количества [1]. Почти в 2 раза сократилось количество просителей убежища [7, с. 63].

В то же время существенно изменить положение иммигрантов и их отношения с принимающим обществом не удалось. Действия по принудительной интеграции иммигрантов зачастую создавали угрозу для соблюдения прав человека. В частности, принятый 11 октября 2010 г. Закон «О запрете ношения одежды, скрывающей лицо в общественных местах», так называемый «закон о парандже», подвергся жесткой критике со стороны правозащитных организаций [21], упрекавших власти в посягательстве на право людей одеваться в соответствии со своими религиозными обычаями. Значительное внимание к проблеме иммиграции со стороны президента Н. Саркози и правительства премьер-министра Ф. Фийона (май 2007 — май 2012 гг.) стало основанием для обвинений их в стремлении разделить французское общество.

Литература

1. Гусев, Д. Новая иммиграционная политика: результаты и споры / Д. Гусев [Электронный ресурс] // RFI. — 19 янв. 2009 г. — Режим доступа: <http://www.rfi.fr/actu/articles/109/article_2306.asp>. — Дата доступа: 14.11.2012.
2. Михайлов, Е. М. Иностранная рабочая сила во Франции: экономические, социальные и политические аспекты проблемы / Е. М. Михайлов. — М.: Наука, 1977. — 151 с.
3. Стрельцова, Я. Р. Тема иммиграции во Франции накануне президентских выборов 2012 года / Я. Р. Стрельцова // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2011. — № 9. — С. 81—94.
4. Стрельцова, Я. Р. Франция и проблема интеграции мигрантов / Я. Р. Стрельцова // Там же. — 2005. — № 9. — С. 67—75.

5. Фролкин, Н. М. Трудовая иммиграция во Франции в новейшее время / Н. М. Фролкин; Ин-т истории АН УССР. — Киев: Наук. думка, 1975. — 286 с.
6. Шмелева, Н. В. Итоги политики Николя Саркози в области иммиграции / Н. В. Шмелева [Электронный ресурс] // Мир и политика. — 2012. — № 6. — Режим доступа: <<http://mir-politika.ru/362-itogi-politiki-nikolya-sarkozi-v-oblasti-immigracii.html>>. — Дата доступа: 09.08.2012.
7. Шмелева, Н. В. Принципы иммиграционной политики Н. Саркози / Н. В. Шмелева // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 6. — С. 57–66.
8. Atlas national des populations immigrés: PRIPI 2010–2012 / Secrétariat général à l'immigration et l'intégration, Département des statistiques, des études et de la documentation. — Paris: Ministère de l'Intérieur, de l'Outre-mer, des collectivités territoriales et de l'immigration, 2011. — 153 p.
9. Bernard, Ph. Immigration: le défi mondial / Ph. Bernard. — Paris, 2002. — 348 p.
10. Demandeurs d'asile et réfugiés [Electronic resource] // Ofpra. — Mode of access: <http://www.ofpra.gouv.fr/documents/Evolution_en_chiffres_site_internet2.pdf>. — Date of access: 07.06.2012.
11. Dumont, G-F. La population de la France / G.-F. Dumont. — Paris: Ellipses, 2000.
12. Évolution de la part des populations étrangères et immigrées en 2008 [Electronic resource] // Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?ref_id=NATTEFO2131®_id=0>. — Date of access: 04.06.2012.
13. Évolution du PIB en France jusqu'en 2011 [Electronic resource] // Insee Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATTEFO8112>. — Date of access: 25.06.2012.
14. Héran, F. Cinq idées reçues sur l'immigration / F. Héran [Electronic resource] // Institut National d'études démographiques. — Mode of access: <http://www.ined.fr/fichier/t_publication/482/publi_pdf1_pop_et_soc_francais_397.pdf>. — Date of access: 02.02.2013.
15. Immigrés selon le pays d'origine [Electronic resource] // Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=natccio2124&id=427&souspop=4>. — Date of access: 04.06.2012.
16. Khosrokhavar, F. L'Islam des jeunes / F. Khosrokhavar. — Paris: Flammarion, 1997. — 323 p.
17. L'accueil des immigrants et l'intégration des populations issues de l'immigration: Rapport au Président de la République suivi des réponses des administrations et des organismes intéressés. Novembre 2004 [Electronic resource] // Cour des comptes. — Mode of access: <<http://www.ccomptes.fr/index.php/content/download/2473/24772/version/2/file/Immigration.pdf>>. — Date of access: 20.09.2012.
18. Loi n° 2003-1119 du 26 novembre 2003 relative à la maîtrise de l'immigration, au séjour des étrangers en France et à la nationalité // Le journal officiel de la République Française. — 2003. — 27 nov. — P. 20136–20154.
19. Loi n° 2003-1176 du 10 décembre 2003 modifiant la loi n° 52-893 du 25 juillet 1952 relative au droit d'asile // Ibid. — 11 déc. — P. 21080–21085.
20. Loi n° 2006-911 du 24 juillet 2006 relative à l'immigration et à l'intégration // Ibid. — 2006. — 25 juil. — P. 11047–11077.
21. Loi n° 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // Ibid. — 2010. — 12 oct. — P. 18344–18345.
22. Ordonnance n° 45-2658 du 2 novembre 1945 relative à l'entrée et au séjour des étrangers en France // Ibid. — 1945. — 4 nov. — P. 7225–7227.
23. Population par sexe et groupes d'âges quinquennaux au 1er janvier 2013, France métropolitaine [Electronic resource] // Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <<http://www.insee.fr/fr/ffc/figure/NATnono2150.xls>>. — Date of access: 15.04.2013.
24. Raufier, X. Cités interdites / X. Raufier // L'Express. — 1996. — 18 jan. — P. 23–24.
25. Roy, O. La laïcité face à l'islam / O. Roy. — Paris: Pluriel, 2005. — 180 p.
26. Seys, B. L'évolution sociale de la population active / B. Seys [Electronic resource] // Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <http://www.insee.fr/fr/ffc/docs_ffc/IP434bis.pdf>. — Date of access: 09.10.2004.
27. Statistiques des flux d'immigration en France. Année 2003 [Electronic resource] // Institut National d'études démographiques. — Mode of access: <http://www.ined.fr/fichier/t_telechargement/34413/telechargement_fichier_fr_immigration03.pdf>. — Date of access: 21.02.2013.
28. Sulzer, E. D'Agadir à Poissy. L'usine comme espoir, l'usine comme repoussoir / E. Sulzer. — Paris: CNRS éditions, 2010. — 273 p.
29. Taffin, B. Ce que nous coûte l'immigration irrégulière: Les rendez-vous parlementaires du contribuable. — 2011. — N 35 / B. Taffin, C. Goasguen, J.-P. Gourévitch [Electronic resource] // Contribuables Associés. — Mode of access: <http://www.contribuables.org/_docushare/getfile.php?id=Document-55>. — Date of access: 26.02.2013.
30. Taux de chômage depuis 1975 [Electronic resource] // Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATnono3337>. — Date of access: 29.06.2012.
31. Tavan, Ch. Les immigrés en France: une situation qui évolue / Ch. Tavan [Electronic resource] // Institut national de la statistique et des études économiques. — Mode of access: <http://www.insee.fr/fr/ffc/docs_ffc/IP1042.pdf>. — Date of access: 02.02.2012.
32. Villey, O. La main-d'oeuvre étrangère et la crise en France / O. Villey [Electronic resource] // Ministère du Travail, de l'Emploi, de la Formation Professionnelle et du Dialogue Social. — Mode of access: <http://travail-emploi.gouv.fr/publications/Revue_Travail-et-Emploi/pdf/4_2124.pdf>. — Date of access: 21.02.2013.

«Характерные черты процесса иммиграции во Францию во второй половине XX — начале XXI в.» (Константин Снисаренко)

В статье рассмотрены характерные черты процесса иммиграции во Францию во второй половине XX — начале XXI в.; проанализировано положение иммигрантов во французском обществе. На рубеже XX—XXI вв. иммиграция во Францию стала переселенческой по мотивам въезда и мировой по масштабам. Ее переселенческий характер и изменения в трудовых отношениях, вызванные развитием научно-технической революции, привели к заметному ухудшению социально-экономического положения французских иммигрантов. Проблемы, связанные с социальным статусом иммигрантов, усугублялись их иной расовой и религиозной принадлежностью по сравнению с коренным населением. Реформы иммиграционной политики французского государства, проведенные в 2003—2006 гг., изменили характерные черты процесса иммиграции в страну, но не улучшили положение иммигрантов и не решили проблемы их взаимоотношений с принимающим обществом.

«The Characteristics of Immigration Process to France in the Second Half of the 20th — Beginning the 21st Centuries» (Konstantin Snisarenko)

The character of immigration process to France in the second half of the 20th and at the beginning of the 21st century was considered and immigrants' position in French society was analysed in the article. At the turn of the 20th century immigration to France became migratory by entrance explanation and global by its scale. The migratory character and the changes in labour relations caused by the scientific and technological revolution led to remarkable worsening of immigrants' socio-economic position in France. The problems connected with the social status of immigrants were aggravated by their racial and religious differences from native population. The French Government immigration policy reforms held in 2003—2006 changed the character of the country' immigration process, but didn't improve the immigrants' position and didn't solve the problems in mutual relations between them and the receiving society.

Статья поступила в редакцию в июне 2013 г.

УЧАСТИЕ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ СССР В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ 1936—1939 гг.

Николай Бурень

Создание и развитие Вооруженных Сил Республики Беларусь обусловило необходимость изучения, анализа, систематизации, обобщения богатого исторического опыта многих поколений авиаторов, проходивших воинскую службу на территории Белорусского военного округа (БВО). Данное наследие целесообразно использовать в ходе организации и осуществления мероприятий в интересах повышения оборонного потенциала страны в современных условиях.

Вместе с тем, следует учитывать, что в целом состояние Военно-воздушных сил (ВВС) СССР накануне Второй мировой войны оценивалось военным и политическим руководством государства, учеными, авиационными командирами и собственно летчиками неоднородно. Наряду с несомненными достижениями был допущен ряд просчетов организационного и технологического характера при подготовке к войне, остался непреодоленным разрыв между теорией и практикой боевого применения авиации. Изучение и всесторонний анализ последних предоставляют возможность обобщить исторический опыт и извлечь из него уроки для решения важных задач обеспечения национальной безопасности в современных условиях, выработать практические рекомендации для ВВС.

В настоящее время в связи с необходимостью повышения эффективности функционирования Вооруженных Сил Республики Беларусь происходят качественные преобразования ВВС. Указанная модернизация направлена, в первую очередь, на оптимизацию организационной структуры и количественного состава, что позволит успешно решать задачи боевой подготовки авиационных частей. В данном контексте полезным представляется глубокое изучение и учет опыта участия летного состава, в том числе и БВО, в вооруженных конфликтах 1936—1939 гг. Рассматриваемый период стал исключительно важным для совершенствования теории и практики боевого применения ВВС.

При этом в СССР с момента отправки первых добровольцев в район боевых действий и вплоть до начала 1960-х гг. практически

не упоминалось об участии советских военнослужащих в сражениях в Испании и Китае. Исключение составили немногочисленные закрытые публикации военных ученых Т. Б. Лина [11], С. И. Любарского [12] и др. В 1960-1980-х гг. вышли мемуары известных советских летчиков и инженеров А. В. Ворожейкина [3], Г. Н. Захарова [8], Ф. П. Польшина [17], И. А. Прачика [19], побывавших в «спецкомандировках» в Испании, Китае и Монголии. Данная литература содержала ценные свидетельства и описания непосредственных участников событий, позволяла ощутить дух той эпохи, хотя и имела ряд недостатков: особую идеологическую направленность, ограниченный доступ к архивным материалам и отсутствие, в большинстве случаев, ссылок на зарубежные публикации и источники.

На современном этапе опубликован ряд работ, как имеющих комплексный характер, так и затрагивающих отдельные аспекты участия ВВС СССР в вооруженных конфликтах указанного периода. Среди них можно отметить ученых и исследователей из России: С. В. Аброзова [1], В. В. Гагина [2], В. И. Кондратьева [10], А. Н. Почтарёва [18], А. С. Степанова [24], С. И. Шевченко [28] и Беларуси: И. Ю. Воронкову [4], А. Б. Егорову [7], М. А. Рыськова [21]. Научной разработке проблемы способствовало открытие доступа к документам фондов Российского государственного военного архива [5; 6; 9; 13; 16; 22; 25].

Надо отметить, что зарубежные авторы также уделяли внимание опыту боевого применения советских ВВС в 1936—1939 гг. Так, Дж. Стерретт (*J. Sterrett*) [32] проводил анализ участия СССР в так называемых «малых войнах» — гражданской войне в Испании, боевых действиях с Японией. Отдельные конфликты, а также вопросы поставки в район боевых действий авиационной техники исследовали А. Д. Кукс (*A. D. Coox*) [29], Дж. Хаусон (*G. Howson*) [30], Дж. Миранда (*J. Miranda*) и П. Меркадо (*P. Mercado*) [31]. В последние годы на русском языке появились работы Д. Пимлотта [15], М. Спика [23], В. Швабедисена [27] и др.

Автор:

Бурень Николай Викторович — начальник авиационного факультета Военной академии Республики Беларусь, полковник

Рецензенты:

Воронович Виталий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Военной академии Республики Беларусь

Гронский Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

К середине 1930-х гг. обстановка в мире стала особенно напряженной. К власти в Германии и Италии пришли силы, которые были ориентированы на пересмотр существующей системы международных отношений. На Дальнем Востоке Япония оккупировала значительную часть Китая и вышла к границам СССР. В 1936—1939 гг. летный состав ВВС Красной Армии получил возможность проверить теоретические положения действующих уставов и наставлений, а также качество советской авиационной техники, участвуя в нескольких вооруженных конфликтах.

Не менее важными в данном случае были и внешнеполитические аспекты, поскольку на Западе в указанный период регулярно стали высказываться сомнения в боеспособности Вооруженных Сил СССР, что наносило ощутимый удар по его международному престижу и восприятию в качестве серьезного и надежного партнера. При этом важно учитывать, что переговоры о возможном сотрудничестве и даже условиях и формах коалиционного взаимодействия вели тогда фактически все крупные акторы международных отношений.

Летом 1936 г. в Испании начался мятеж против законно избранного правительства. Вскоре Германия и Италия по просьбе генерала Франко стали оказывать помощь мятежникам, в связи с чем руководство Советского Союза приняло решение отправить в Испанию добровольцев и боевую технику для поддержки правительства. Среди первых групп добровольцев было много летчиков из авиационных частей, расположенных непосредственно в БВО. Так, из 10-й скоростной бомбардировочной авиационной эскадрильи, сформированной в декабре 1935 г. из витебских экипажей, где было начато переучивание на бомбардировщики СБ, убыли в Испанию 23 человека под управлением командира эскадрильи полковника А. Е. Златоцветова [9, с. 2]. Из 83-й истребительной авиационной бригады, летающей на самолетах И-16, отправили в Испанию 31 летчика и 38 человек технического персонала во главе с капитаном С. Ф. Тарховым. Группой штурмовиков на самолетах Р-5 СССР командовал майор К. М. Гусев из 114-й авиационной бригады, расположенной в Гомеле [7, с. 11].

Всего за время боев в Испании побывало около 200 авиаторов, представлявших ВВС БВО, в том числе командиры авиационных частей и соединений, летный состав 83-й, 116-й и 142-й истребительных авиационных бригад, 49-й скоростной бомбардировочной авиационной бригады, 114-й штурмовой авиационной бригады. Звания Героя Советского Союза были удостоены 14 представителей ВВС округа. Настоящим воздушным асом стал в небе Испании старший лейтенант С. И. Грицевец, сбивший за несколько месяцев боев шесть самолетов противника [21, с. 98].

Первые воздушные бои показали, что уровень тактической и летной подготовки советских авиаторов не всегда соответствовал существовавшим в то время требованиям. Бесстрашно атакуя противника, пилоты часто теряли свое место в строю и увлекались преследованием врага. Летчики мятежников, уже имевшие боевой опыт, действовали более осмотрительно и организованно. Наличие у республиканцев в первый период войны скоростных и маневренных самолетов не гарантировало им успех в бою, поскольку немецкие и итальянские самолеты были лучше защищены, надежны в эксплуатации и обладали мощным стрелково-пушечным вооружением.

Летчики противника прошли хорошую теоретическую и практическую подготовку и были серьезным соперником. Имея на протяжении всей войны в Испании численное преимущество, они использовали ряд тактических приемов, которые помогали им одерживать победы над советскими пилотами. Большое количество самолетов у мятежников позволяло создавать несколько тактических групп и размещать их на разной высоте. Немецкие и итальянские «асы», находясь выше места воздушного сражения на 1000—2000 м, выжидали удобный момент для атаки противника. Когда из общей схватки вынужденно выпадал кто-то из республиканских летчиков, они тут же пикировали на него и часто таким образом добивались победы.

В своих воспоминаниях участник боев в Испании Г. Н. Захаров, командовавший перед Великой Отечественной войной 43-й истребительной авиационной дивизией в Балбасово (недалеко от Орши), писал: «Уже потом, повзевав, набравшись опыта в боях, мы естественным путем пришли к пониманию тактики современного по тем меркам воздушного боя. А поначалу летчики не учитывали даже таких тактических азоров, как заход в атаку со стороны солнца. Поэтому нередко начинали бой из заведомо невыгодной позиции. Основными же нашими козырями в первые дни боевой работы были исключительная маневренность И-15 и индивидуальное мастерство пилотов» [8, с. 52].

В целях улучшения ситуации командование авиационных эскадрилий начало уделять больше внимания координации совместных боевых действий. Среди летчиков-добровольцев проводились занятия, на которых разбирались основные тактические приемы противника, передавался накопленный боевой опыт. Предпринимались попытки объединить разрозненные силы республиканской авиации с целью создания различных тактических групп.

Примером успешного взаимодействия истребительной и бомбардировочной авиации республиканцев может служить операция по уничтожению самолетов противника на аэродроме Гарापинильос (близ Сарагосы) осенью

1937 г. Действия авиации были четко спланированы. Пока бомбардировщики блокировали ближайшие вражеские аэродромы, а истребители И-16 обеспечили воздушное прикрытие, советские летчики на самолетах И-15 провели штурмовку летного поля и построек на нем. В результате внезапного удара удалось уничтожить и повредить около 30 самолетов мятежников [20, с. 9].

Тем не менее, А. Галланд, возглавлявший в 1937—1938 гг. одну из эскадрилий немецкого легиона «Кондор», так отзывался об уровне подготовки русских летчиков: «Советские ВВС, единственные применявшиеся красными в Испании, продемонстрировали фундаментальные недостатки в командовании, организации, подготовке и технической оснащенности. Они не смогли излечить эти болезни, несмотря на свою агрессивность, летные навыки, смекалку и безжалостные методы управления» [27, с. 38].

В данном контексте полагаем целесообразным особо отметить, что в результате тяжелых воздушных сражений, которые продолжались до октября 1938 г., и авиационных катастроф погибли, умерли от ран и пропали без вести более 90 человек летного состава из 772 авиаторов-добровольцев, побывавших в Испании. Принимая во внимание изложенное, советское руководство могло сделать первые выводы в отношении просчетов в системе боевой подготовки ВВС, а также несомненных достижений потенциального противника.

Еще одним обширным районом, где в межвоенный период проходили воздушные бои, стал Китай. В июне 1937 г. Япония, захватившая ранее некоторые северные области страны, Манчжурию и часть Внутренней Монголии, начала боевые действия по захвату центрального Китая. Принимая во внимание резкое осложнение ситуации в регионе, в соответствии с договоренностью между советским и китайским правительствами СССР стал осуществлять сюда военные поставки и направлять своих специалистов. Среди добровольцев было много летчиков, ранее получивших боевой опыт в Испании, во главе с П. В. Рычаговым. На вооружении советской авиационной группы находились современные истребители И-16 и И-15бис, бомбардировщики СБ и ДБ-3А. Их количество не превышало на протяжении всей войны 150, в то время как Япония довела численность своей авиации до 1000 единиц [28, с. 22].

Советская авиация и наземные войска в начале боевых действий несли серьезные потери от ударов противника. В связи с этим с целью уничтожения японских самолетов в местах их базирования командование решило использовать опыт бомбардировки аэродрома Гаррапинильос в Испании. В феврале 1938 г. было спланировано и успешно проведено несколько боевых вылетов: эскадрилья СБ подверг-

ла штурмовым ударам аэродром противника в районе Нанкина, уничтожила мост через реку Хуанхе, по которому производилась переброска резервов японских войск и, наконец, совершенно неожиданно для противника, скоростные бомбардировщики атаковали аэродром в Тайбэе на острове Тайвань [18]. Японцы, потеряв за короткий срок около 70 истребителей, снизили свою активность и реже стали совершать налеты на позиции наземных войск.

В марте 1938 г. в Китай прибыла большая группа летно-технического состава из 49-й скоростной бомбардировочной бригады БВО под командованием Т. Т. Хрюкина, уже успешного повоюющего в Испании. Экипажи самолетов с первых дней приступили к выполнению боевых задач; особенно они отличились во время воздушных атак японских кораблей. Многие летчики бригады впоследствии были награждены правительственными наградами, а трое из них — капитан Т. Т. Хрюкин, старшие лейтенанты С. С. Гайдаренко и И. С. Сухов были удостоены звания Героя Советского Союза [13, с. 11].

Китайская система предупреждения о воздушном нападении, располагающая широкой сетью наземных постов, работала очень четко. Благодаря большой удаленности аэродромов от линии фронта, пункты управления советской авиации получали информацию о приближении самолетов противника более чем за 1 ч до их появления. Это позволяло заблаговременно поднять в воздух и тактически грамотно расположить все имеющиеся истребители. 29 мая 1938 г. советские летчики, отражая налет японской авиации на Ханькоу, сбили 21 самолет [17, с. 73]. Совершил воздушный таран над этим городом командир звена А. А. Губенко, вскоре назначенный на должность заместителя командующего ВВС БВО.

В сложившейся ситуации полной неожиданностью для командования ВВС Красной Армии стали результаты первых воздушных боев в мае 1939 г. в районе реки Халхин-Гол в Монгольской Народной Республике (МНР). Советская авиация принимала в них участие в соответствии с положениями протокола о взаимной помощи между СССР и правительством Монголии, что создавало правовые и политические основания для использования не добровольческих вооруженных формирований, как это ранее было в Испании и Китае, а кадровых авиационных частей. Тем не менее, в период с 21 по 28 мая 1939 г. в боях с японскими ВВС погибли 14 летчиков, были потеряны 17 самолетов, еще один истребитель разбился при перелете [22, с. 4]. По данным советской стороны, за указанный период значится только один «предположительно сбитый самолет противника И-97» [5, с. 36]. Первые бои показали подавляющее превосходство японских летчиков, которые захватили господство в воздухе, что не могло не сказаться и на некото-

ром осложнении международного положения Советского Союза в рассматриваемый период. Были выявлены серьезные недостатки в организации подготовки советских ВВС в мирных условиях.

Полеты временно прекратили. 29 мая на транспортных самолетах из Москвы в МНР срочно отправили группу опытных летчиков и инженеров [19, с. 48], уже повоевавших в Испании и Китае: С. И. Грицевца, А. И. Гусева, С. П. Денисова, Г. П. Кравченко, И. А. Лакеева, И. А. Прачика, Б. А. Смирнова, Е. Н. Степанова и др. Всего прибыли 48 человек, в том числе 11 Героев Советского Союза [10, с. 17]. Соответствующие специалисты были распределены по авиационным полкам и сразу приступили к обучению летного состава тактике воздушного боя. Ежедневно проводились тренировочные полеты, велись учебные воздушные бои. Общее руководство подготовкой осуществлял заместитель начальника ВВС Я. В. Смушкевич. Особое внимание он уделял организации службы оповещения, наблюдения и связи, вопросам взаимодействия авиации и наземных войск. По предложению Я. В. Смушкевича, летом 1939 г. в полки стали поступать самолеты с улучшенными боевыми характеристиками: истребители И-153 «Чайка» и И-16 с пушечным вооружением. В район конфликта прибыло несколько новых авиационных частей и подразделений, в том числе три эскадрильи из гарнизонов БВО [5, с. 1–2]. Группировка ВВС значительно усилилась. Уровень ее подготовки стал повышаться, что позволило во второй половине июня возобновить полеты на прикрытие своих войск.

Началась борьба между противоборствующими сторонами за господство в воздухе. Несмотря на количественное превосходство ВВС Красной Армии, перехватить инициативу у противника в течение следующего месяца не удалось. Это было связано как с техническим превосходством основного японского истребителя И-97 [26, с. 264] над отечественными И-16, и особенно И-15бис, так и с недостатками летной, тактической и стрелковой подготовки, устранить которые в короткий срок большинству советских летчиков не удалось. Главной причиной такого состояния по-прежнему являлись неустраненные серьезные пробелы в организации боевой подготовки в строевых авиационных частях в мирное время. Ввод в строй молодых летчиков из-за малого налета, который в год не превышал 60 ч, затягивался на 3–4 года, что негативно сказывалось на наиболее сложных видах обучения, таких как учебные воздушные бои, стрельба по воздушному конусу, полеты в сложных метеорологических условиях и т. д. [3, с. 279]. Именно поэтому безвозвратные потери советской авиации за июль 1939 г. составили 77 самолетов, против 41 — у японской стороны [10, с. 45]. Тем не ме-

нее, к завершению указанного периода, благодаря приобретенному боевому опыту и дальнейшему усилению авиационной группировки, ситуация изменилась в пользу ВВС Красной Армии.

С конца июля действия советской авиации стали приобретать более выраженный наступательный характер. Эскадрильи все чаще стали наносить удары по аэродромам противника. Количество самолетов в полках постоянно увеличивалось, прибывали новые авиационные части. 12 июля из БВО, переименованного к этому времени в Белорусский особый военный округ, в МНР был отправлен в полном составе 56-й скоростной бомбардировочный полк, отдельные экипажи которого уже принимали участие в боях в Испании и Китае [25, с. 4]. Всего в Монголии воевали шесть истребительных и бомбардировочных полков, входящих в состав двух авиационных бригад, а также четыре отдельные эскадрильи [14]. Рост количества самолетов и повышение качества подготовки летного состава создали необходимые условия для завоевания господства в воздухе.

Боевые вылеты авиации в августе–сентябре стали носить массовый характер. Накануне наступления, намеченного на 20 августа 1939 г., была разработана плановая таблица взаимодействия родов войск 1-й армейской группы. В соответствии с ней для нанесения первых бомбовых ударов, подавления артиллерийских батарей противовоздушной обороны противника и прикрытия своих наземных войск выделялось 153 самолета СБ, 147 самолетов И-16 и И-153 [16, с. 52–54]. В течение 21 августа советские истребители совершили 365 вылетов, в четырех групповых воздушных боях сбили 23 японских истребителя и 8 бомбардировщиков. Наземная группировка врага к 31 августа 1939 г. была полностью уничтожена и территория Монголии освобождена. Тем не менее, авиация противника продолжала вторгаться в воздушное пространство МНР и 15 сентября, за день до подписания в Москве условий мирного соглашения между СССР и Японией, предприняла попытку внезапного нападения на аэродромы ВВС 1-й армейской группы. В бою участвовало более 400 самолетов с обеих сторон. На 6 потерянных советских истребителей пришлось 11 сбитых японских самолетов [10, с. 59].

Боевой опыт, приобретенный летчиками в Монголии, показал, что при столкновении с противником во время группового воздушного боя необходимо переходить от боевого порядка звена в составе трех самолетов к парному построению истребителей как наиболее целесообразному. Наличие радио на японских самолетах давало им значительное преимущество в управлении летчиками во время боя. К завершению вооруженного кон-

фликта стало очевидным, что надежды, которые возлагались на новый самолет И-153 «Чайка», не оправдались. При наличии отличных маневренных качеств этому истребителю не хватало скорости полета, которая не превышала 443 км/ч. Однако все эти очевидные для летчиков, побывавших в боях, выводы не стали предметом подробного анализа. Основным недостатком организации управления авиации и совершенствования оперативно-тактического мастерства летчиков являлось то, что руководство ВВС пренебрегало созданием аналитических групп, в задачу которых в условиях чрезвычайно насыщенной боевой работы пилотов входило бы «сформулировать то новое, что вносила жизнь..., коллективно обсудить быстро накопившийся опыт» [3, с. 292]. Принимая во внимание изложенное, следует признать справедливым замечание участника воздушных боев в Монголии А. В. Ворожейкина, утверждавшего в своих мемуарах, что при наличии в авиационных штабах специалистов, «которые занимались бы, ради чего, собственно, и поднимаются в небо истребители — воздушным боем, людей, досконально изучающих и обобщающих его развивающуюся тактику...» [3, с. 292], положение с внедрением оперативно-тактических новинок оказалось бы совершенно другим.

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. ВВС РККА получили возможность совершенствовать оперативно-тактическое мастерство летного состава не только на учениях и маневрах войск, но и в ходе вооруженных конфликтов, в реальных воздушных боях. Однако, если после возвращения из Испании и Китая первых групп летчиков предпринимались попытки обобщить и проанализировать опыт боевых действий авиации, сравнить авиационную технику противоборствующих сторон и уровень подготовки летчиков, то позднее, после смены руководства ВВС в 1937 г., эта работа практически прекратилась. К критическим замечаниям стали относиться настороженно. Лучших из летчиков вскоре назначили на вышестоящие должности, а в районы боевых действий, где возникали новые вооруженные конфликты стали посылать уже проверенных воздушных бойцов, которые в короткий срок обязаны были передать свой богатый опыт строевым летчикам и обеспечить успех. Указанное обстоятельство отрицательно сказывалось на развитии оперативного искусства ВВС в долгосрочной перспективе ввиду отсутствия адресности в работе с личным составом, учета специфики локальных боевых действий, а также неоправданной генерализации упомянутого опыта на все военно-воздушные силы без должного научно-теоретического обоснования.

Тем не менее, к 1939 г. стали появляться работы, посвященные тактике ВВС, учитывающие боевой опыт более дифференцированно. Так, в монографии комбрига С. Любарского «Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании» рассматривались задачи авиации, решаемые ей в наступлении и обороне. Особое место автор уделял непосредственному участию авиации в поддержке сухопутных войск [12, с. 23]. Однако обобщающих трудов, содержащих серьезный комплексный анализ, в том числе и причин неудач в воздушных боях 1936—1939 гг., было сравнительно мало. Только в 1939 г. по приказу начальника главного управления ВВС Я. В. Смушкевича был создан коллектив во главе с полковником Т. Б. Лином для сбора таких материалов. В результате через год вышло 5-томное издание «Боевые действия ВВС в Испании и Китае (опыт исследования)». Авторами отдельных глав данного труда являлись А. И. Богданов, Т. Б. Лин, В. Н. Матвеев, М. Д. Смирнов, Ю. Г. Томбак и И. А. Фомичев. В отличие от прочих изданий рассматриваемого периода эта работа содержала весьма подробный обзор воздушных боев, оценки причин неизбежных и необоснованных потерь летного состава, меры по их сокращению [11].

К сожалению, тираж столь важного для совершенствования теории и практики боевого применения ВВС (особенно накануне Великой Отечественной войны) издания составлял всего несколько экземпляров, а доступ к нему был ограничен, что не способствовало масштабному и быстрому распространению оправдавших себя форм и методов боевого применения авиации.

Развитие тактики и оперативного искусства ВВС, участие летного состава БВО не только в проведении учений и маневров войск, но и в реальных воздушных боях в ходе вооруженных конфликтов второй половины 1930-х гг. позволили совершенствовать теорию и практику боевого применения ВВС округа и подтвердить правильность основных направлений реформирования военной авиации, ориентированного на повышение обороноспособности и по различным причинам не завершено к началу войны.

Помимо изложенного важно учитывать, что указанные события весьма существенно повлияли на расстановку сил на международной арене, в некоторой степени способствовали устранению сомнений в боеспособности Вооруженных Сил СССР и укреплению авторитета советского государства. Данное обстоятельство приобрело особое значение в ходе дальнейших переговоров о возможном сотрудничестве, условиях и формах коалиционного взаимодействия в сфере безопасности.

Литература

1. Абросов, С. В. В небе Испании. 1936—1939 годы. О советских летчиках-истребителях, воевавших в Испании / С. В. Абросов. — М.: Б. и., 2003. — 432 с.
2. Гагин, В. В. История участия советских ВВС в локальных войнах и вооруженных конфликтах в 1936—1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. В. Гагин. — Воронеж, 2007. — 230 с.
3. Ворожейкин, А. В. Истребители / А. В. Ворожейкин. — М.: Воениздат, 1961. — 300 с.
4. Воронкова, И. Ю. Беларусь и война в Испании (1936—1939) / И. Ю. Воронкова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. — Минск: Беларус. навука, 2009. — 159 с.
5. Доклад комкора С. П. Денисова народному комиссару обороны Союза ССР Ворошилову от 27 июля 1939 г. // Рос. гос. воен. архив (РГВА). — Фонд 32113. — Оп. 1. — Д. 437.
6. Доклад начальника ВВС командарма 2-го ранга Локтионова народному комиссару обороны Союза ССР Ворошилову от 29 мая 1939 г. // Там же. — Фонд 29. — Оп. 46. — Д. 325.
7. Егорова, А. Б. Гомель — колыбель штурмовой авиации / А. Б. Егорова // Воен.-ист. журн. — 2010. — № 3. — С. 9—11.
8. Захаров, Г. Н. Я — истребитель / Г. Н. Захаров. — М.: Воениздат, 1985. — 284 с.
9. История строительства 10-й скоростной бомбардировочной авиационной эскадрильи // РГВА. — Фонд 32264. — Оп. 1. — Д. 13.
10. Кондратьев, В. И. Битва над степью. Авиация в советско-японском вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол / В. И. Кондратьев. — М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2008. — 132 с.
11. Лин, Т. Б. Потери летного состава в войне в Испании и меры для их уменьшения / Т. Б. Лин // Боевые действия ВВС в Испании и Китае (опыт исследования) / Т. Б. Лин [и др.]; под ред. Ф. К. Арженухина. — М., 1940. — С. 973—991.
12. Любарский, С. И. Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании / С. И. Любарский. — М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1939. — 72 с.
13. Награды личного состава 49-й скоростной бомбардировочной бригады // РГВА. — Фонд 32264. — Оп. 1. — Д. 13.
14. Перечень управлений объединений и соединений, полков, отдельных батальонов, входивших в состав действующей армии в период боевых действий в районе р. Халхин-Гол в 1939 г. [Электронный ресурс] // Рабоче-Крестьянская Красная Армия. — Режим доступа: <<http://www.rkka.ru/ihandbook.htm>>. — Дата доступа: 31.10.2010.
15. Пимлотт, Д. Luftwaffe. Военно-воздушные силы III Рейха / Д. Пимлотт. — М.: Эксмо, 2005. — 175 с.
16. Плановая таблица взаимодействия родов войск 1-й армейской группы на 20 августа 1939 г. // РГВА. — Фонд 29. — Оп. 65. — Д. 78.
17. Полюнин, Ф. П. Боевые маршруты / Ф. П. Полюнин. — М.: Воениздат, 1972. — 391 с.
18. Почтарёв, А. Н. Тайваньская карта Сталина / А. Н. Почтарев [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. — 2005. — 23 сент. — Режим доступа: <http://www.nvo.ng.ru/history/2005-09-23/5_taiwan.htm>. — Дата доступа: 06.11.2010.
19. Прачик, И. А. Фронтное небо / И. А. Прачик. — М.: Воениздат, 1984 — 125 с.
20. Раткин, В. Заслуженный военный штурман СССР Виктор Михайлович Лавский / В. Раткин // Мир авиации. — 2003. — № 3. — С. 8—10.
21. Рыськов, М. А. Воздушные асы Беларуси. Подвиг их бессмертен / М. А. Рыськов. — Могилев: Могилев. обл. укруп. тип. им. Спиридона Соболя, 2010. — 224 с.
22. Сводка о потерях авиации за период с 21 по 30 мая 1939 г. // РГВА. — Фонд 32113. — Оп. 1. — Д. 375.
23. Спик, М. Истребители. Асы XX века / М. Спик. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 320 с.
24. Степанов, А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год — первая половина 1941 года) / А. С. Степанов. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. — 544 с.
25. Участие в походах и боях 56-го СБАП // РГВА. — Фонд 32264. — Оп. 1. — Д. 13.
26. Хлопотов, О. Д. История военной авиации. От первых летательных аппаратов до реактивных самолетов. 1903—1950 гг. / О. Д. Хлопотов. — М.: АСТ, 2004. — 430 с.
27. Швабедиссен, В. Сталинские соколы: анализ действий советской авиации в 1941—1945 гг. / В. Швабедиссен. — Минск: Харвест, 2001. — 528 с.
28. Шевченко, С. И. Боевое применение советской истребительной авиации во второй половине 1930-х годов / С. И. Шевченко // Воен.-ист. журн. — 2010. — № 2. — С. 20—24.
29. Coox, A. D. Nomonhan: Japan against Russia, 1939 / A. D. Coox. — Stanford: Stanford University Press, 1990. — 1253 p.
30. Howson, G. The Untold Story of the Spanish Civil War / G. Howson. — L; N.-Y.: Murray — St. Martin's Press, 1998. — 280 p.
31. Miranda, J. World aviation in Spain (the Civil War) 1936—1939. American and Soviet airplanes / J. Miranda, P. Mercado. — Madrid: Silex Ediciones, 1988. — 285 p.
32. Sterrett, J. Soviet Air Force theory, 1918—1945 / J. Sterrett. — London; N.-Y.: Routledge, 2007. — xviii + 188 p.

«Участие Военно-Воздушных Сил СССР в вооруженных конфликтах 1936—1939 гг.» (Николай Бурень)

В статье рассматривается участие ВВС СССР, в том числе летчиков Белорусского военного округа, в международных вооруженных конфликтах 1936—1939 гг., которое оказало существенное влияние на дальнейшее реформирование военной авиации и совершенствование теории и практики ее боевого применения.

Наряду с несомненными достижениями автор отмечает некоторые пробелы в тактической и летной подготовке отечественных авиаторов, изъяны в обмене боевым опытом и организации взаимодействия, техническом обеспечении.

**«Participation of the USSR Air Forces in Armed Conflicts Between 1936 and 1939»
(Nikolay Buren)**

The article considers the participation of the USSR Air Forces, including Belarusian military district, in armed conflicts between 1936 and 1939, which influenced considerably further military aviation reform and its combat use theory and practice development.

Along with unquestionable achievements the author notes certain problems in tactical and flying training for our aviators, some flaws in combat experience exchange and interaction organisation, as well as technical assistance.

Статья поступила в редакцию в июне 2013 г.

БЕЛОРУССКО-ШВЕДСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1992—2012 гг.)

Елизавета Навоцик

История дипломатических отношений Беларуси и Швеции началась 14 января 1992 г. За более чем двадцатилетнюю историю они переживали разные периоды, характеризовались скачкообразной динамикой развития. Вместе с тем, такая динамика указывает на наличие взаимного интереса, являясь своего рода процессом узнавания и «притирки», а также на потенциальную возможность найти общий язык в будущем.

Следует отметить, что белорусско-шведские экономические отношения — это тип отношений, характерный для взаимодействия экономик разного уклада. В данном случае рыночная экономика Швеции взаимодействовала с переходной экономической системой Беларуси. Возможно, в этом основная причина того, что экономические отношения развивались нестабильно, подвергаясь сильному влиянию политических процессов, с одной стороны, и подчиняясь интересам частного бизнеса — с другой.

Целью данной статьи является изучение белорусско-шведских экономических связей в конце XX — начале XIX в. Временные рамки охватывают период с момента установления дипломатических отношений до 2012 г.

В статье анализируется нормативно-правовая база; дается оценка внешнеторговым отношениям двух стран и инвестициям Швеции в белорусскую экономику в зависимости от политической обстановки; выделяются перспективные сферы двусторонних экономических отношений.

Необходимо отметить, что белорусско-шведские экономические отношения до настоящего времени изучены недостаточно. Крупных научных публикаций по данной проблеме автором не обнаружено. К вопросам экономического взаимодействия Беларуси и Швеции обращался А. Тихомиров, при этом объем и временные рамки работы были ограничены [30]. Источниковую базу в основном составили статьи печатных и электронных белорусских СМИ [7; 8; 13; 27], а также материалы ряда официальных органов государственной власти Беларуси и Швеции: Министерства иностранных дел Республики Беларусь [19; 32], швед-

ского правительства и правительственных органов [36; 37]. Кроме того, широко использовалась статистическая информация [3; 4].

Своеобразной точкой отсчета формирования экономических отношений между Беларусью и Швецией можно считать создание в 1991 г. совместного предприятия. В Минске еще по решению Минстанкопрома СССР компанией *Sandvik* (Швеция) и Минским инструментальным заводом (Республика Беларусь) на базе последнего было создано совместное предприятие «Сандвик Бисов» («Бисов» — сокращение от «Биметалл советский»), специализирующееся на выпуске биметаллических ленточных пил. Объем иностранных инвестиций составил более 5 млн дол. США. Следует отметить, что на этом предприятии, которое существует и в настоящее время, в ноябре 2010 г. побывал Президент Беларуси А. Г. Лукашенко. Визит проходил во время посещения свободной экономической зоны «Минск», резидентом которой предприятие является с 2006 г. По мнению Главы государства, деятельность белорусско-шведского совместного предприятия является ярким примером эффективного импортозамещения [2].

Управляющим директором СП «Сандвик Бисов» в Минске с 1994 г. являлся Л. Карман. В 2000 г. именно он был назначен Почетным консулом Королевства Швеции в Республике Беларусь [25]. Офис Почетного консула Королевства Швеция в Минске начал свою работу в мае 2000 г. и стал первым дипломатическим представительством Швеции в Беларуси. Спустя три года, в ноябре 2003 г., открылось отделение Посольства Швеции. В сентябре 2008 г. оно было преобразовано в Посольство Швеции в Минске.

Начальный этап сотрудничества (1992—1996 гг.) проходил в благоприятной политической обстановке и характеризовался положительной динамикой развития. Соглашение о торговых отношениях между правительствами Республики Беларусь и Королевства Швеция было подписано 10 марта 1994 г. в Минске (вступило в силу 1 июля 1994 г.) [26]. Стороны договорились о предоставлении друг другу режима наибольшего благоприятствования

Автор:

Навоцик Елизавета Владимировна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Тихомиров Александр Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Кривошей Дмитрий Антонович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

в торговле (ст. 1), расчетах по рыночным ценам (ст. 2), освобождению от пошлин товаров, предназначенных для выставок, семинаров и других мероприятий, содействующих развитию двусторонней торговли (ст. 3), взаимной охране прав интеллектуальной собственности (ст. 7).

Наряду с торговым 20 декабря 1994 г. было подписано Соглашение об инвестициях, которое вступило в силу в ноябре 1996 г. [29]. Стороны договорились о содействии и взаимной защите инвесторов на территории своих государств.

Вместе с тем, начальный период характеризовался наличием и некоторых проблем двустороннего экономического взаимодействия: стороны плохо знали друг друга; кадры не были готовы работать на совершенно незнакомых рынках; молодое государство Беларусь было для Королевства Швеции «белым пятном» на карте Восточной Европы, следовательно, страной с высокими рисками для развития бизнеса.

В 1997 г. положительная динамика развития двусторонних экономических отношений была потеряна. Основной причиной этого стало приостановление политического диалога на высшем уровне между Беларусью и государствами — членами ЕС после решения специального заседания Совета министров иностранных дел ЕС 15 сентября 1997 г. В итоговом заявлении отмечалось, что страны — члены ЕС не будут заключать с Беларусью ни временного соглашения, ни соглашения о партнерстве и сотрудничестве и намерены осуществлять двусторонние отношения исключительно через руководство ЕС. Европейский союз решил также приостановить реализацию программы технического содействия Республике Беларусь (ТАСИС, ТЕМПУС), за исключением гуманитарных или региональных проектов, поддерживающих процесс демократизации [34].

На протяжении последующих пяти лет экономические отношения Швеции и Беларуси развивались в рамках общеевропейского подхода. В этот период экономическая политика Швеции в Беларуси в большей степени стала *обуславливаться политическим контекстом* и осуществлялась в рамках специально разработанной внешнеполитическим ведомством «Стратегии развития отношений с Беларусью на 2002—2004 гг.» [36], «Стратегии развития отношений с Беларусью на 2007—2010 гг.» [36], а также страновой стратегии сотрудничества с Беларусью на 2011—2014 гг. [37].

Общая цель шведской стратегии сотрудничества на 2002—2004 гг. и 2007—2010 гг. декларировалась в содействии созданию условий, которые дадут возможность беднейшим слоям населения улучшить свою жизнь. Деятельность, направленная на то, чтобы помочь Беларуси занять достойное место в европей-

ской кооперации и стать более открытым обществом с развитыми демократическими и рыночно-экономическими ценностями, является, по мнению шведских экспертов, самым эффективным способом борьбы с различными проявлениями бедности и, таким образом, поднимает уровень жизни всего населения. Цель шведских инициатив в сфере сотрудничества с Беларусью заключалась в том, чтобы помочь стране развиваться в русле демократического общества с рыночной экономикой и расширять более тесные связи с ЕС и Швецией [36].

В соответствии со стратегией 2011—2014 гг. целью экономического взаимодействия с Беларусью было объявлено создание лучших возможностей проведения экономических реформ для перехода к эффективной рыночной экономике, а также более благоприятных условий для малых и средних предприятий. В долгосрочной перспективе предусматривается даже возможность вхождения Республики Беларусь в ЕС и поддержка вступлению Беларуси в ВТО. Объем помощи Беларуси в период 2011—2014 гг. планируется приблизительно в размере 120 млн шведских крон в год (18,5 млн дол. США) [38].

Подход белорусского руководства в вопросах внешнеэкономического взаимодействия заключался в наращивании темпов экономического развития, при этом в условиях неблагоприятной политической ситуации не смешивая политические и экономические отношения. Не случайно на встрече с председателем совета шведской промышленности Э. Белфраге в ноябре 2009 г. А. Г. Лукашенко предложил обсуждать сугубо экономические темы: «Нам нужны конкретные проекты, деловые контакты между компаниями, отдельными бизнесменами, а если будет желание, то и на уровне государств по любым темам» [13].

С белорусской стороны сотрудничество со Швецией строилось, исходя из общих принципов внешнеэкономического взаимодействия, которые оговаривались в ряде законодательных актов (например, в Законе «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [22], Концепции национальной безопасности [14]), а также принципов «экономической дипломатии», неоднократно озвучиваемой Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко, например в его выступлении «Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире» на встрече с руководителями загранучреждений Беларуси (июль 2004 г.) [15].

Еще одной особенностью развития белорусско-шведского экономического сотрудничества являлась важная роль частных структур во внешнеэкономической деятельности государств. В Беларуси государство, как правило, влияет на частный бизнес, определяет и указывает векторы сотрудничества.

В Швеции же частные структуры — это автономные субъекты, развивающиеся независимо от политической обстановки. Это подтвердил председатель совета шведской промышленности, член правления концерна SAAB (сегодня он выражает интересы 55 тыс. шведских компаний) Э. Белфраге в уже упомянутой встрече с А. Г. Лукашенко, отметив: «Шведская промышленность в частных руках. Мы не занимаемся политикой. Мы делаем бизнес» [13].

Такой подход характерен и для шведско-белорусских экономических отношений. Многие шведские инициативы в экономической сфере были направлены на развитие в Беларуси частных предприятий. Так, к примеру, в 2006 г. на проекты двустороннего сотрудничества было выделено около 40 млн шведских крон (6 млн дол. США). Средства были направлены преимущественно на развитие сектора малых предприятий, а также на поддержку операций с землей и недвижимостью с целью создания здорового рынка недвижимости. Проекты, которые осуществлялись через Международную финансовую корпорацию и программу Европейского банка реконструкции и развития «Turn Around Management», содействовали введению упрощенных административных и лицензионных процедур для малых предприятий и повышению эффективности частного сектора в Беларуси [31].

Попытки шведской стороны активизировать эффективность частного сектора в Беларуси не прекращались. Так, в 2010 г. Шведское агентство по международному сотрудничеству (SIDA) и Агентство США по международному

развитию (USAID) объявили о начале очередного этапа консалтинговой деятельности, направленной на улучшение деловой среды и поддержку роста частного сектора в Беларуси. Проект осуществляют Международная финансовая корпорация и ведущий деловой портал *bel.biz* [21]. Ожидается, что это позволит расширить деятельность по упрощению административных процедур, улучшению финансовых транзакций, созданию залогового регистра и увеличению доступа к финансам, ускорить реформы процедуры банкротства в части преобразования активов и реорганизации предприятий-банкротов.

Торговля и инвестиции

На протяжении всего периода двусторонних отношений Швеция не входила в число крупных торгово-экономических партнеров Беларуси. Товарооборот не превышал 50 млн дол. США. Лишь в первой половине 2000-х гг. объем торговли увеличился [3, с. 182, 337].

Начиная с 1999 г., темпы прироста экспорта составляли около 40–50 % в год, в итоге в 2006 г. по сравнению с 1999 г. экспорт увеличился более чем в 38 раз. При этом период с 2004 по 2006 г. характеризовался положительным торговым сальдо для Беларуси. В 2007 г. последовал спад. В 2011 г. экспорт сократился в 4 раза от уровня 2006 г. Сальдо вновь стало отрицательным для Беларуси [4, с. 36].

Как видно из табл. 1, снижение объема экспорта в Швецию произошло в результате сокращения поставок нефтепродуктов.

Таблица 1

Динамика экспорта, млн дол. США

	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Экспорт	365,7	77,1	96,95	72,7	77,6	91,5
Объем экспорта нефтепродуктов	322,5	6,7	0,0	3,4	0,0	0,001

Источник: [4, с. 36].

Белорусский экспорт в 2012 г. составил 74,8 млн дол. США [39], в 2011 г. — 91,5 млн дол. США, не достигнув рекордного уровня 2006 г. в 365,7 млн дол. США. Основными статьями белорусского экспорта в Швецию в 2009–2011 гг. являлись: калийные удобрения; торф; шины; необработанные лесоматериалы; проволока из легированной стали; льняные ткани [3, с. 182].

Импорт из Швеции (в основном высокотехнологический) в 2012 г. составил 209,5 млн дол. США (в 2011 г. этот показатель равнялся 217,5 млн дол. США). Основу его составили: электрогенераторные установки; тракторы и седельные тягачи; легковые автомобили; аппаратура связи и части к ней; плоский прокат; паровые котлы; жидкостные насосы; полимеры этилена; воски искусственные и готовые; нефтепродукты; кислоты, масла и спирты

промышленные; арматура для трубопроводов и пр. [3, с. 337].

Можно проследить, как изменение политических отношений отразилось на объемах прямых иностранных инвестиций в Беларусь в период 2009–2012 гг. Данный период является наиболее интересным, так как включает в себя и период потепления политических отношений (с 2008 г. до декабря 2010 г.), и период ухудшения (декабрь 2010–2012 гг.).

Как видно из табл. 2, в 2010 г. объем прямых иностранных инвестиций уменьшился по сравнению с предыдущим годом. Однако следует принимать во внимание тот факт, что на политический кризис пришелся лишь один месяц года. Вместе с тем в 2011 г., несмотря на ухудшение политических отношений, введение санкций в отношении белорусских предприятий и т. д., этот показатель значительно

**Чистое поступление (изъятие) ПИИ в 2009—2012 гг.
из Швеции в Беларусь, млн дол. США**

	2009	2010	2011	1-е полугодие 2012
ПИИ	336,6	171,5	4946,3	9383,4

Источник: [10].

возрос, а первом полугодии 2012 г. увеличился еще практически в 2 раза. Таким образом, можно сделать вывод, что политические отношения и активность в инвестиционной сфере не были тесно взаимосвязаны, так как ухудшение политических отношений сопровождалось увеличением присутствия шведского капитала в Беларуси. Тем не менее, нетрудно предположить, что улучшение политических отношений могло положительно отразиться на показателях инвестиционного сотрудничества между двумя государствами.

В 2012 г. на территории Беларуси действовало более 20 шведских компаний [35]. Крупный бизнес ведет компания *Oriflame*, продающая шведскую косметику. Своих дистрибьюторов имеют в Беларуси представители шведского автопрома — *Scania*, *Volvo* и *Volvo Cars*, которая с 2010 г. входит в состав китайской компании *Geely*. Несколько шведских компаний представлены на белорусском рынке через российские и европейские подразделения и их белорусских дистрибьюторов, например *Electrolux* (электробытовая техника), *ESAB* (сварочные инструменты), *Elfa* (гардеробная мебель), *Lindex* (одежда), *Stora Enso* (бумага), *Tetra Pak* (упаковка) и др. [31].

Следует отметить, что и белорусские компании присутствуют на шведском рынке. Так, белорусское предприятие «Атлант» имеет официального дистрибьютора — шведскую фирму «*Scandinavien Kyl & Frys AB*» [19].

Однако преимущественно сырьевая структура белорусского экспорта в Швецию не позволяет говорить об узнаваемости белорусских брендов в Швеции. Положительно на ситуацию влияет участие белорусских предприятий в специализированных выставках за рубежом. Например, в 2004 г. белорусская делегация принимала участие в специализированной текстильной выставке «*Marketplace Textilica — 2004*» в Боросе (*Borås*). В состав делегации вошли руководители предприятий «Милавица», «Элема», «Калинка», Дзержинской швейной фабрики «Элиз», Белорусского центра моды, Новогрудской швейной фабрики, Брестского чулочного комбината. Программа мероприятия включала в себя проведение серии семинаров о развитии текстильной отрасли, конъюнктуре текстильного рынка Европейского союза в целом и Швеции в частности, посещение Шведской школы текстиля, торговых предприятий. На выставке, которую посетило более 150 компаний, продукция белорусских производителей выгляде-

ла конкурентоспособной на фоне товаров компаний других стран и пользовалась значительным вниманием. Во время мероприятия состоялся ряд переговоров представителей белорусской делегации с потенциальными покупателями текстиля по налаживанию сотрудничества и организации экспорта белорусской продукции в Швецию [23; 38].

В 2008 г. в Стокгольме совместно с белорусским посольством проводился день «Швеция—Беларусь — партнеры в бизнесе». При этом неожиданно высокий интерес проявили шведские бизнесмены. Семинар-презентацию посетили около 70 представителей шведских фирм. Посол Швеции в Беларуси С. Эрикссон объяснил это тем, что наши страны принадлежат к одному региону Северной Европы и, следовательно, сотрудничество может быть выгодно обеим сторонам [33].

Несмотря на ухудшение двусторонних политических отношений летом 2012 г., аналогичное мероприятие прошло 2 ноября 2012 г. Белорусская делегация от ОО «Минский столичный союз предпринимателей и работодателей» и Союза юридических лиц «Республиканская конфедерация предпринимательства» осуществила деловую поездку в Швецию. Визит предусматривал посещение Международной выставки «*Elmia Subcontractor*» (промышленная субконтракция, Йончёпинг) и встречу с ведущими шведскими бизнес-ассоциациями в Стокгольме. Данная программа сотрудничества осуществлялась совместно со скандинавскими партнерами, а также при участии компании «*LATINSERVISS*» (Информационное представительство Юрмальской думы в Республике Беларусь), ЦПП «Центр XXI век». Ее концепция разрабатывалась при содействии Посольства Республики Беларусь в Королевстве Швеция [6]. Однако к моменту начала мероприятия диппредставительства обоих государств были закрыты. В связи с этим председатель ОО «Минский столичный союз предпринимателей и работодателей» В. Карягин отметил, что многие организационные и технические вопросы легче решать при помощи работников посольства и их отсутствие несколько усложнило подготовку мероприятия. Однако, по его мнению, проблемы в дипломатических отношениях не должны влиять на развитие экономических контактов между частными структурами Беларуси и Швеции [17].

Следует отметить, что, благодаря участию в данной программе, в Беларуси развивается система субконтракции, в содруже-

стве с Торгово-промышленной палатой Южной Швеции и Федерацией частных предприятий Швеции формируется автоматизированная информационно-аналитическая система. Благодаря эффективному обмену, анализу и распределению информации, обеспечивается рост экономических показателей на предприятиях, которые входят в деловую сеть, улучшаются их финансовые результаты [12].

Перспективные сферы экономического сотрудничества

Торгово-экономическое взаимодействие между Беларусью и Швецией осуществлялось в различных направлениях, однако, по нашему мнению, сложились три оптимальные сферы экономического сотрудничества.

Во-первых, сотрудничество в *энергетическом секторе*. Наиболее перспективным представляется изучение шведского опыта в развитии энергетики на основе возобновляемых источников, ветро- и гидроэнергетики, внедрения энергосберегающих технологий в реальный сектор экономики и жилищно-коммунальное хозяйство, производстве биотоплива. Как известно, Беларусь не обладает достаточными запасами собственного углеводородного сырья, поэтому вовлечение всех резервов местных видов энергоресурсов в топливно-энергетический баланс является фактором укрепления энергетической безопасности страны и повышения конкурентоспособности экономики [1].

Одной из инициатив в этой сфере стало предложение шведской стороны построить в Минске теплостанцию на сточных водах. Если проект удастся реализовать, то в столице появится насосная станция по выработке тепловой энергии с использованием энергии сточных вод, объем финансирования которой составит 80 млн дол. США [18]. В настоящее время проект находится в начальной стадии, белорусская сторона изучает предложение. В Швеции биоэнергетика занимает более четверти топливно-энергетического баланса страны. Почти все системы отопления реконструированы для использования в качестве источников тепла геотермальной энергии или тепловых отходов. Достижению повсеместного использования возобновляемых источников энергии способствовала продуманная стратегия стимулирования их применения, в частности льготное налогообложение в области энергетики [1]. Опыт Швеции в решении подобных задач, несомненно, полезен Беларуси с учетом близких природно-климатических условий, низкой обеспеченности углеводородными энергоресурсами, наличия больших запасов древесины.

Второй важной сферой взаимодействия являются *информационные технологии*, в частности *сфера телекоммуникаций*. В апреле

2007 г. компания *Ericsson* заключила контракт с белорусским оператором сотовой связи СП ООО «Мобильная цифровая связь» (торговая марка *Velcom*) на поставку оборудования для расширения и модернизации опорной сети *GSM* и контроллеров базовых станций. Это позволяло *Velcom* значительно увеличить емкость сотовой сети по республике. Развивается сотрудничество компании *Ericsson* и с крупнейшим оператором сотовой связи в России и странах СНГ ОАО «Мобильные ТелеСистемы» (торговая марка МТС). В ноябре 2009 г. данная компания подписала соглашение с группой банков об открытии кредитной линии на сумму более 1 млрд дол. США под гарантии экспортного кредитного агентства Швеции *EKN* на покупку телекоммуникационного оборудования у компании *Ericsson*. Срок погашения первого транша на сумму около 429 млн дол. США — июнь 2019 г. [1]. ЗАО «BeCT» (оператор мобильной связи *Life:*) является дочерней фирмой крупнейшей на рынках сотовой связи Швеции и Финляндии компании *TeliaSonera* [28].

В-третьих, развиваются связи в области *лесного хозяйства и деревообработки*. В 2006 г. вступил в силу Меморандум о взаимопонимании между Министерством лесного хозяйства Республики Беларусь и Лесным агентством Швеции по вопросу сотрудничества в области лесного хозяйства. Стороны договорились, что формами сотрудничества станут обмен опытом работы и делегациями ученых и специалистов, научной и технической информацией, документацией и результатами научно-исследовательских работ; реализация совместных программ и проектов в области лесного хозяйства [20].

В настоящее время в Беларуси представлены такие известные шведские бренды, как *Husqvarna* (техника для сада и леса), *ABB* (электротехническое оборудование), планирует работать в Беларуси компания *Lantannen* (энергетическая переработка древесины).

Шведская компания *Lantannen* специализируется в области энергетической переработки древесины (производство биотоплива) и имеет более чем столетний опыт в развитии этих технологий. Новое производство планируется создать за счет прямых иностранных инвестиций с экспортом выпускаемой продукции в страны Европейского союза [8].

Вместе с тем, открытым остается вопрос о приходе компании *IKEA* на белорусский рынок. Предложение о создании шведского производства в Беларуси поступило еще в 2001 г. Тогда с пятидневным визитом в стране по приглашению Министерства предпринимательства и инвестиций находилась группа шведских бизнесменов во главе с владельцем концерна И. Кампрадом. Планировалось, что производство будет организовано путем создания иностранного предприятия «Шведвуд Бела-

русью» на территории Полоцкого района (Витебская обл.). Сообщалось, что сумма инвестиций составит 30 млн дол. США. Предприятие должно было заниматься лесозаготовками, распиловкой леса и выпуском мебели. Однако оно так и не было создано [31].

Очередная попытка выхода на белорусский рынок была предпринята в 2007 г. Инвестировать в предприятие по производству мебели в Гродненской области планировалось 25 млн дол. США. В частности, шведский концерн предлагал передать ему в долгосрочное пользование лесной участок, а также предоставить ряд льгот. Однако и здесь компании было отказано. Как объясняли тогда представители Минлесхоза, лесные ресурсы Гродненской области были задействованы полностью, а передача лесных участков на условиях концессии вредит лесному хозяйству [11].

Переговоры о строительстве завода *IKEA* велись также в 2011 г. В мебельное производство, расположенное в Свислочском районе Гродненской области, планировалось инвестировать около 60 млн дол. США. Предполагалось создать 350 рабочих мест; начало строительства намечалось на весну 2012 г. [7]. Однако инвестиционный договор был временно приостановлен.

Следует отметить, что *IKEA* все же присутствует на белорусском рынке через организации-посредники. Так, шведская компания входит сейчас в пул, созданный Европейским банком реконструкции и развития, немецкими и шведскими инвесторами. Они кредитуют с 2010 г. строительство литовской компанией *VMG* крупного деревообрабатывающего комплекса под Могилевом. Вклад *IKEA* составляет 9,3 млн евро; еще одного шведского инвестора — *Swedfund* — 6,5 млн евро [31]. ИООО «ВМГ Индустри» является инвестиционным проектом и резидентом свободной экономической зоны «Могилев». Производственный комплекс занимает 22 га и включает в себя три производства, в том числе произ-

водство мебели торговой марки *IKEA*. С июня 2012 г. ИООО «ВМГ Индустри» осуществляет массовый подбор персонала [5]. В июле 2013 г. в рамках визита в СЭЗ «Могилев» Президент Беларуси А. Г. Лукашенко посетил ИООО «ВМГ Индустри», осмотрел производственную территорию предприятия, посетил различные цехи. Оценивая продуктивность от этого производства, в частности от работы с иностранным инвестором, А. Г. Лукашенко отметил формирование необходимой конкурентной среды внутри страны, что может служить хорошим примером эффективного хозяйствования: «Я хочу, чтобы вы как частное предприятие показали, как надо работать. А для меня важно, чтобы я видел, на какой уровень мы должны сегодня выходить», — отметил Глава государства. А. Г. Лукашенко не исключил, что в будущем с участием этой компании может быть создан крупный холдинг, где будут задействованы значительные мощности по деревообработке [16].

Еще один проект — мебельная фабрика «Мебелаин». Бизнес-планом проекта предусмотрены инвестиции в сумме 14 млн евро и создание 276 рабочих мест. Основным заказчиком продукции является концерн *IKEA* [9]. В настоящее время ведется строительство фабрики по производству корпусной шпонированной мебели из коллекции *IKEA* [24].

Таким образом, экономические показатели за двадцатилетний период свидетельствуют о скачкообразном характере развития экономических отношений, которые, впрочем, не лишены потенциала для дальнейшего развития. Их динамика во многом будет зависеть от политических реалий.

Торгово-экономическое взаимодействие между Беларусью и Швецией осуществляется в различных направлениях и имеет три оптимальные сферы экономического сотрудничества: 1) в энергетическом секторе; 2) в сфере информационных технологий, в частности в сфере телекоммуникаций; 3) в области лесного хозяйства и деревообработки.

Литература

1. Беларусь — Швеция: новые проекты для долгосрочного сотрудничества [Электронный ресурс] // Export.by: портал информационной поддержки экспорта. — Режим доступа: <http://export.by/resources/izdaniya_i_publicacii/belarus_-_shveciya_novye_proekti_dlya_dolgosroch.html>. — Дата доступа: 10.01.2012.
2. В Беларуси и в дальнейшем будут создаваться удобные условия работы резидентов СЭЗ — Президент [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 26.11.2010. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/president/V-Belarusi-i-v-dalnejshem-budut-sozdavatsja-udobnye-uslovija-raboty-rezidentov-SEZ---Prezident_i_533124.html>. — Дата доступа: 14.11.2012.
3. Внешняя торговля Республики Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь; редкол.: В. А. Кулешевич (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2012. — 402 с.
4. Внешняя торговля Республики Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь; редкол.: Г. Е. Гаврилова (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2010. — 377 с.
5. Главная [Электронный ресурс] // ВМГ Индустри. — Режим доступа: <<http://www.vmgi.by/>>. Дата доступа: 16.11.2012.
6. Деловая поездка в Швецию [Электронный ресурс] // ОО «Минский столичный союз предпринимателей и работодателей». — Режим доступа: <<http://allminsk.biz/content/view/36675/1/>>. — Дата доступа: 16.11.2012.
7. Дёмина, А. Завод ИКЕА обойдется в 60 миллионов долларов / А. Дёмина [Электронный ресурс] // TUT.BY: Белорусский портал. — 11.10.2011. — Режим доступа: <<http://news.tut.by/economics/253802.html>>. — Дата доступа: 21.09.2012.
8. Дорошенко, Т. Шведская компания Lantannen планирует инвестировать в производство пеллет на территории Беларуси / Т. Дорошенко [Электронный ресурс] // БелаПАН: Белорус. информ. компания. — 06.04.2011. — Режим доступа: <http://belapan.by/archive/2011/04/06/eu_461948/>. — Дата доступа: 14.11.2012.

9. ЕБРР выделил 5 млн евро для строительства мебельной фабрики в СЭЗ «Могилев» [Электронный ресурс] // TUT.BY: Белорусский портал. — 10.02.2012. — Режим доступа: <<http://news.tut.by/economics/273486.html>>. — Дата доступа: 14.11.2012.
10. Европейские инвестиции в Беларусь: насколько политика влияет на экономику [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое агентство «Бизнес-новости». — 15.11.2012. — Режим доступа: <<http://doingbusiness.by/chistoe-postuplenie-pii-iz-evropeiskih-stran-v-belarus-uvelichivaetsya>>. — Дата доступа: 14.07.2013.
11. Ермак, Д. ИКЕА в Беларуси с распростертыми объятиями не ждут / Д. Ермак [Электронный ресурс] // Naviny.by: белорусские новости. — 26.07.2008. — Режим доступа: <http://naviny.by/rubrics/economic/2008/07/26/ic_articles_113_158188/>. — Дата доступа: 14.11.2012.
12. История создания [Электронный ресурс] // Республиканская конфедерация предпринимательства. — Режим доступа: <<http://rce.by/%Do%BE-%Do%BA%Do%BE%Do%BD%D1%84%Do%B5%Do%B4%Do%B5%D1%80%Do%Bo%D1%86%Do%B8%Do%B8/istoriya-sozdaniya>>. — Дата доступа: 16.11.2012.
13. Кольченко, И. К столу, господа шведы / И. Кольченко [Электронный ресурс] // Советская Белоруссия. — 2009. — 21 нояб. — Режим доступа: <<http://www.sb.by/post/93848/>>. — Дата доступа: 23.11.2011.
14. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство обороны Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.mod.mil.by/konsep.html>>. — Дата доступа: 15.08.2011.
15. Лукашенко, А. Г. Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире / А. Г. Лукашенко // Веснік М-ва замеж. спраў. — 2004. — № 3. — С. 35—52.
16. Лукашенко поручил расставить все точки над «i» в вопросе функционирования СЭЗ [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 09.07.2013. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/president/Lukashenko-poruchil-rasstavitse-tochki-nad-v-voprose-funktsionirovanija-SEZ_i_640676.html>. — Дата доступа: 14.07.2013.
17. Лукашук, З. Карагин: дыпламатычны канфлікт са Швецыяй не спыніць эканамічныя кантакты / З. Лукашук [Электронный ресурс] // Еўрарадыё. — 26.08.2012. — Режим доступа: <<http://euroradio.fm/report/karagin-dyplamatychny-kanflikt-sa-shvetsyyai-ne-spynit-ekanamichnyya-kantakty-115467>>. — Дата доступа: 10.05.2012.
18. Маркович, Е. Шведская компания предлагает построить в Минске теплостанцию на сточных водах / Е. Маркович [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 10.05.2012. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Shvedskaja-kompanija-predlagaet-postroit-v-Minske-teplostantsiju-na-stochnyx-vodax_i_597053.html>. — Дата доступа: 14.11.2012.
19. Материалы брифинга и. о. начальника управления информации — пресс-секретаря МИД Р. О. Есина, проведенного для представителей СМИ 10 ноября 2005 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/e56a1a7cec1586dd.html>. — Дата доступа: 21.10.2011.
20. Меморандум о взаимопонимании между Министерством лесного хозяйства Республики Беларусь и Лесным агентством Швеции по вопросу сотрудничества в области лесного хозяйства [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Швеция. — Режим доступа: <http://sweden.mfa.gov.by/_modules/_cfiles/files/swememorandum_122.pdf>. — Дата доступа: 22.09.2012.
21. Носова, М. USAID и SIDA продолжают поддержку развития частного сектора в Беларуси / М. Носова [Электронный ресурс] // БелаПАН: Белорусская информационная компания. — 28.11.2010. — Режим доступа: <<http://belapan.by/archive/2010/11/28/430057/>>. — Дата доступа: 14.11.2012.
22. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2005. — № 188. — 2/1157.
23. Об участии белорусской делегации в текстильной выставке в Швеции [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/caecadoc432b90bc.html>. — Дата доступа: 21.10.2011.
24. О нас [Электронный ресурс] // ИООО «МЕБЕЛАЙН». — Режим доступа: <<http://www.mebelain.by/>>. — Дата доступа: 16.11.2012.
25. Официальный сайт офиса СП «Бакко Бисов» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bahco.by/about/history_zavod_sna_europe>. — Дата доступа: 13.11.2012.
26. Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Каралеўства Швецыя аб гандлёвых адносінах [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Швеция. — Режим доступа: <http://sweden.mfa.gov.by/_modules/_cfiles/files/swetraderelations_123.pdf>. — Дата доступа: 22.09.2012.
27. Прэзідэнт запрашае шведскіх бізнэсмэнаў да актыўнага супрацоўніцтва. Прэс-служба Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь // Звязда. — 2009. — 21 ліст. — С. 1.
28. СМІ Швэцыі: TeliaSonera адпачатку ведала, што будзе працаваць на КДБ [Электронный ресурс] // Радыё Свабода. — Режим доступа: <<http://www.svaboda.org/content/article/24552233.html>>. — Дата доступа: 14.11.2012.
29. Соглашение между Республикой Беларусь и Королевством Швеция о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Швеция. — Режим доступа: <http://sweden.mfa.gov.by/_modules/_cfiles/files/sweinvestments_121.pdf>. — Дата доступа: 22.09.2012.
30. Тихомиров, А. В отношениях Беларуси со Швейцарией — неустойчивое потепление / А. Тихомиров // БелаПАН: Белорусская информационная компания. — 04.09.2009. — Режим доступа: <http://belapan.by/archive/2009/09/04/eu_eu2007/>. — Дата доступа: 14.11.2012.
31. Тополько, А. Как посол Эрикссон заинтересовал шведов белорусским рынком / А. Тополько [Электронный ресурс] // TUT.BY: Белорусский портал. — 06.08.2012. — Режим доступа: <<http://news.tut.by/economics/303394.html>>. — Дата доступа: 06.08.2012.
32. Торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Швеция. — Режим доступа: <<http://sweden.mfa.gov.by/rus/relations/trade/>>. — Дата доступа: 12.09.2012.
33. Цімошчк, Л. Пад шведскім сцягам / Л. Цімошчк // Звязда. — 2008. — 6 чэрв. — С. 1.
34. Шадурский, В. Г. Отношения Республики Беларусь и Европейского союза: внутренний и внешний контекст / В. Г. Шадурский // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2003. — № 1. — С. 45—48.
35. Шведскія прадпрыемствы ў Беларусі [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Sweden. — Режим доступа: <<http://www.swedenabroad.com/be-BY/Embassies/Minsk/1/---/>>. — Дата доступа: 21.11.2012.
36. New cooperation strategy for Belarus 2007—2010 [Electronic resource] // Government Offices of Sweden. — Mode of access: <<http://www.sweden.gov.se/sb/d/574/a/39761>>. — Data of access: 11.08.2011.
37. Strategy for Swedish aid initiatives in Belarus 2011—2014 [Electronic resource] // Government Offices of Sweden. — Mode of access: <<http://www.sweden.gov.se/sb/d/9775/a/93977>>. — Data of access: 13.02.2012.
38. Svensk textilmarknad inkörsporten till Europa [Electronic resource] // Högskolan i Borås. — Mode of access: <<http://etjanst.hb.se/hb/nyhetsarkiv/nyhet.asp?DNR=1101>>. — Data of access: 13.02.2013.
39. Varuexport till bestämmelseland. Vitryssland [Electronic resource] // Sveriges Statistiska centralbyrån. — Mode of access: <<http://www.ssd.scb.se/databaser/makro/SaveShow.asp>>. — Data of access: 11.01.2013.

«Белорусско-шведские экономические отношения (1992—2012 гг.)» (Елизавета Навошик)

Целью данной статьи является изучение белорусско-шведских экономических связей на протяжении 1992—2012 гг. Белорусско-шведские экономические отношения — это тип отношений, характерный для взаимодействия экономик разного уклада. В данном случае рыночная экономика Швеции взаимодействует с переходной экономической системой Беларуси. В статье анализируется нормативно-правовая база; дается оценка внешнеторговым отношениям двух стран и инвестициям Швеции в белорусскую экономику в зависимости от политической обстановки; выделяются перспективные сферы двусторонних экономических отношений.

«Belarusian-Swedish Economic Relations (1992—2012)» (Elizaveta Navoschik)

The purpose of the article is to study Belarusian-Swedish economic relations in 1992—2012. Economic relations between Belarus and Sweden are a type of relations which characterizes the interaction between economies of different structure. In this case, Swedish market economy interacted with Belarusian transition economy. The article analyses the normative legal instruments; estimates the foreign trade cooperation and Swedish investments in Belarusian economy in correlation with the political situation; marks out promising spheres of bilateral economic relations.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2013 г.

УЧАСТИЕ ЛИТВЫ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В 1990—2012 гг.

Александр Шатков

На современном этапе развития для Республики Беларусь актуальной становится проблема поиска, формирования и укрепления международных отношений с другими государствами. Усиление напряженности в мире, а также кризиса еврозоны определяет необходимость и неизбежность интеграционных процессов на евразийском пространстве. Партнерство в рамках Евразийского экономического сообщества является на сегодняшний день одним из наиболее приоритетных во внешней политике Беларуси. Изучение регионального интеграционного опыта европейских государств может быть положительно использовано в ходе укрепления и развития политических, экономических, научных и культурных связей. Географическая близость Литвы, Латвии и Эстонии наряду с существующим потенциалом для развития партнерских связей и взаимосотрудничества в экономической сфере обусловили актуальность изучения участия государств Прибалтики в деятельности международных организаций региона Балтийского моря и их роли во внешней политике.

Целью данной статьи является рассмотрение деятельности таких международных организаций, как Совет балтийских государств, Балтийская ассамблея, Совет государств Балтийского моря.

При проведении исследования был использован ряд как отечественных, так и зарубежных источников. В данной связи стоит упомянуть работы таких российских и белорусских исследователей, как Ю. Баранова [4], А. Розанов [15], В. Улахович [21]. Среди материалов западных авторов особого внимания заслуживают работы Л. Баррингтона [24], А. Ливена [32], В. Жигараса [35]. Кроме того, автор использовал новостные публикации в СМИ, аналитические материалы, официальные документы.

Центробежные процессы в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в СССР оказали большое влияние на региональную интеграцию Литвы, Латвии и Эстонии. Усилившаяся в связи с перестройкой либерализация позволила активнее действовать народным фронтам прибал-

тийских республик. Деятельность данных организаций была направлена, в первую очередь, на обретение независимости Литвы, Латвии и Эстонии. Стремление к фактической независимости от Советского Союза стимулировало развитие первой региональной организации, которая будет рассмотрена в данной статье, — Совета балтийских государств.

Создание Совета балтийских государств стало планомерным результатом сближения Литвы, Латвии и Эстонии. 12 мая 1990 г. представители Верховных Советов Литвы, Латвии и Эстонии подписали декларацию, предусматривающую создание Совета по содействию в восстановлении государственности указанных стран и продвижению взаимного сотрудничества [29]. Декларация символически на том, что 23 августа 1989 г., незадолго до ее подписания, состоялась акция «Балтийский путь». Проведение акции было приурочено к 50-й годовщине подписания Договора о ненападении между Германией и СССР. В ходе акции люди из Литвы, Латвии и Эстонии в буквальном смысле объединились, взявшись за руки цепочкой протянувшейся по территории всех балтийских республик [12].

6 июня 1990 г. в Юрмале состоялось первое заседание Совета балтийских государств [1]. В ходе его были уточнены структура организации и регулярность проводимых встреч. В состав Совета вошли главы государств и наиболее высокопоставленные чиновники: премьер-министры и министры иностранных дел. 30 июня 1990 г. в Таллине была подписана Декларация «О государственной независимости» [35, р. 10]. В декларации говорилось о восстановлении независимости Литвы, Латвии и Эстонии. Отдельно упоминалось о необходимости решения трансграничных вопросов без прямого участия СССР.

Совет балтийских государств активно занимался привлечением внимания международного сообщества к проблеме непризнания Советским Союзом независимости Литвы, Латвии и Эстонии. 22 марта 1991 г. в ходе заседания Совета было подписано обращение к СБСЕ с просьбой созыва конференции по

Автор:

Шатков Александр Сергеевич — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Шадурийский Виктор Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Мазец Валентин Генрихович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

прибалтийскому вопросу [32, р. 314]. 13 апреля 1991 г. Совет призвал Исландию, первой признавшую независимость Литвы, Латвии и Эстонии, принять участие в прибалтийско-советских переговорах на правах посредника [33]. 8 мая 1991 г. членами Совета балтийских государств было принято обращение к США и остальным государствам мира с просьбой оказать поддержку в становлении Литвы, Латвии и Эстонии как независимых демократических государств и восстановлении с ними дипломатических отношений [34]. После поражения ГКЧП 6 сентября 1991 г. СССР официально признал независимость Литвы, Латвии и Эстонии.

Вторым направлением работы Совета стала выработка мер по скорейшему выводу советских войск с территории Литвы, Латвии и Эстонии. К 1991 г. в составе Прибалтийского военного округа находились территории Латвийской, Литовской, Эстонской ССР, а также Калининградской области. Присутствие советских войск на территории прибалтийских стран рассматривалось в качестве прямой угрозы для становления их независимости. В связи с этим 9 ноября 1990 г. Совет обратился к странам — участницам СБСЕ с призывом содействовать выполнению ДОВСЕ, который был заключен между участниками ОВД и НАТО [23]. В обращении подчеркивалась поддержка Литвой, Латвией и Эстонией инициативы по сокращению обычных вооруженных сил в Европе, а также содержался призыв к странам, подписавшим Договор, выразить свою позицию по вопросу присутствия советских войск в прибалтийских государствах. 9 января 1992 г. литовским премьер-министром Г. Вагнорюсом открыто была выражена обеспокоенность о существенной активизации советских военных на территории Литвы [10]. В мае 1992 г. российской стороной был представлен план их поэтапного вывода. Первоначально установленный срок вывода был сокращен ввиду активного использования странами Прибалтики антироссийской риторики, в частности заявлений о стремлении России к военному контролю над ними. Данная тактика имела успех, и уже 31 августа 1993 г. войска были полностью выведены с территории Литвы. Годом позже, 31 августа 1994 г., они были выведены из Латвии и Эстонии [20].

Интенсификация контактов с Западом по вопросам вывода российских войск и обеспечения собственной безопасности дает основания полагать, что прибалтийские политики делали все возможное для закрепления отношений с западным миром в военно-политической сфере. Вместе с тем, существует мнение, что Запад уклонялся от заключения обязывающих соглашений, относящих территорию Литвы, Латвии и Эстонии к собственному западному пространству безопасности. В данной связи стоит упомянуть программу «Балтийский

план действий». Инициатива предусматривала поддержку демократических реформ в прибалтийских республиках, укрепление отношений США со странами Северной Европы. «Балтийский план действий» был воспринят министрами обороны Литвы, Латвии и Эстонии как своего рода альтернатива их вступлению в НАТО. Документ также предусматривал содействие Вашингтона принятию прибалтийских государств в ЕС. По заявлению министра обороны США У. Перри, прибалтийские государства «не готовы к выполнению 5-го параграфа договора НАТО, т. е. не готовы гарантировать в случае необходимости безопасности стран — участниц альянса» [15, с. 60].

Таким образом, деятельность Совета балтийских государств внесла серьезный вклад в становлении Литвы, Латвии и Эстонии в качестве независимых демократических стран. Вывод российских войск поспособствовал реализации их внешнеполитических приоритетов, т. е. вступлению в Европейский союз и НАТО. Совет послужил фундаментом для создания таких региональных организаций, как Балтийская ассамблея и Балтийский совет министров. Несмотря на то, что с 1993 г. встречи Совета балтийских государств больше не проводятся, эта организация существует и сегодня под названием Совета президентов Балтии [31, р. 110].

Говоря об обретении независимости Литвой, Латвией и Эстонией и выводе российских войск со их территорий, стоит рассмотреть организации, участие в которых позволило укрепить внешнеполитические отношения как внутри региона, так и вне его. Так, выделим Балтийскую ассамблею. Совместная деятельность в рамках Ассамблеи позволяет Литве, Латвии и Эстонии вести более скоординированную политику по тем или иным вопросам.

Балтийская ассамблея — это институт сотрудничества парламентам Латвии, Литвы и Эстонии. Датой создания организации является 8 ноября 1991 г. — день утверждения Положения о Балтийской ассамблее [30]. На этапе создания организации предпринимались необходимые меры для того, чтобы все страны-члены в равной мере имели одинаковый вес и право голоса.

Каждая из прибалтийских республик представлена на заседаниях Ассамблеи 12—20 депутатами. Сессии Балтийской ассамблеи проводятся 1 раз в год, и решения, принимаемые на заседаниях, не носят обязательного характера ввиду того, что организация лишь консультативный и координирующий орган. Ассамблея выражает принимаемые на заседаниях постановления в виде резолюций, решений, деклараций и рекомендаций национальным парламентам прибалтийских республик, их правительствам и Балтийскому совету министров. По отношению к остальным международным организациям используются фор-

мы предложений, обращений и призывов. В работе организации принимают участие пять постоянных комитетов. В 2003 г. было совмещено президентство в Балтийской ассамблее и Балтийском совете министров [19].

Важное место в деятельности Балтийской ассамблеи занимает вопрос русского меньшинства в Прибалтике. Данная проблема неоднократно поднималась как на различных сессиях Ассамблеи, так и в общеевропейском масштабе. С обретением независимости Латвия и Эстония не реализовали по примеру Литвы «нулевой вариант» предоставления гражданства, при котором последнее автоматически получали все коренные жители республик [24, р. 112]. Остальная часть населения получила статус «негражданин». Этническое большинство этой категории населения составляют русские. Неграждане не имеют права участвовать в выборах, ограничены в приобретении недвижимости, праве ношения оружия и многом другом. На сегодняшний день в качестве решения вопроса неграждан Латвия и Эстония позиционируют процедуру натурализации. Осложняет данный процесс неоднозначность прохождения самой процедуры, сопряженной с бюрократическими препонами и строгостью отбора.

Установившиеся прохладные отношения между Россией и прибалтийскими республиками стоит рассматривать также в контексте непризнания Российской Федерацией оккупации стран Прибалтики: нежелание признать не только незаконность оккупации, но и сам факт ее [2]. В принятом в конце апреля 2004 г. обращении к Госдуме и Совету Федерации Российской Федерации Балтийская ассамблея призвала Россию признать оккупацию и возместить ущерб, нанесенный народам Литвы, Латвии и Эстонии. Отказ от выполнения этих требований послужил поводом к отказу президентов Литвы и Эстонии В. Адамкуса и А. Рюйтеля посетить с официальным визитом Москву 9 мая 2004 г. для участия в праздновании Дня Победы [13].

После смены приоритетов внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии с внутрирегиональной интеграции на вступление в ЕС и НАТО появилась необходимость реформирования и Балтийской ассамблеи. Период 2003—2007 гг. отмечен серьезными проблемами в Балтийском парламентском сотрудничестве ввиду того, что обсуждение нового курса и стратегии сотрудничества, затрагивающих регион Балтийского моря, было вызвано балтийской интеграцией в ЕС и НАТО. Неуверенность в развитии регионального сотрудничества в Европе в целом, растущее влияние глобализации, волны реформ в большинстве международных организаций и другие факторы также оказали свое влияние. В начале 2003 г. вопрос оценки сотрудничества и дальнейшего его развития после вступления Эстонии, Лат-

вии и Литвы в Европейский союз и НАТО был поставлен на повестку дня 22-й сессии Балтийской ассамблеи [11]. Прибалтийские государства были уведомлены о необходимости определить новые цели для сотрудничества друг с другом и в пределах своих региональных организаций.

Наряду с этим постепенно начали проявляться трудности в работе Балтийской ассамблеи. Организация не оказывала существенного влияния на развитие региональной интеграции, совместное сотрудничество и регулирование вопросов общего характера. Схожее мнение высказывает депутат Сейма Литвы М. Адоменас, по словам которого списки вопросов, выносимых на повестку дня, составляются комитетами организации. С учетом этого необходимо, чтобы в деятельности комитетов непосредственное участие принимали те парламентарии, которые работают над решением схожих вопросов в профильных комитетах национальных парламентов. Обсуждение же «вопросов людьми, занятыми в других сферах деятельности, приводит к тому, что Комитеты национальных парламентов зачастую даже не знают, о чем шла речь на определенной сессии Ассамблеи» [3].

Эстонская партия «Союз Отечества» также заявила о необходимости реорганизации Балтийской ассамблеи. По мнению представителей партии, рекомендации парламентской комиссии по иностранным делам о сокращении деятельности Эстонии в рамках Ассамблеи осложняют партнерские отношения эстонского государства с другими членами международного сообщества и ограничивают возможности Литвы, Латвии и Эстонии в приведении политики противодействия «продолжающимся нападкам со стороны России» [5].

Со схожим заявлением выступил Т. Алаталу, член парламентской комиссии по иностранным делам. По мнению политика, в последнее время Балтийская ассамблея существенно снизила уровень активности сотрудничества. Количество заседаний сократилось с двух—трех до одной сессии в год. Серьезные изменения произошли и на представительском уровне организации. Если ранее Эстонии в рамках Балтийской ассамблеи представлял А. Рюйтель, будущий президент страны, то впоследствии состав делегаций формировался из менее авторитетных политических и общественных деятелей.

В настоящее время одним из наиболее важных вопросов, обсуждаемых в рамках Ассамблеи, является сотрудничество с ЕС. На прошедшем 11 мая 2012 г. парламентском семинаре Балтийской ассамблеи в Паланге на тему «Балтийский голос в Европейском союзе: слышен ли он?» собравшиеся дискутировали о сотрудничестве между прибалтийскими странами в ЕС и возможном большем влиянии на повестку дня ЕС [6]. В качестве основного вопро-

са на конференции рассматривалась энергетическая безопасность балтийских стран, интеграция в электрические и газовые сети Европы. Выступавший на семинаре министр иностранных дел Литвы А. Ажубалис высказался о необходимости действовать заодно, упрочивая, тем самым, влияние прибалтийских государств на формирование политики с восточными соседями, в частности со странами по Восточному партнерству.

Однако не стоит забывать, что, несмотря на насыщенную событиями историю деятельности Балтийской ассамблеи, ее решения носят исключительно рекомендательный характер. Тем не менее, активная работа Ассамблеи играет существенную роль в выработке мер и решений по важным для балтийского региона вопросам.

Не менее важной для Литвы, Латвии и Эстонии является деятельность такой межправительственной организации, как Совет государств Балтийского моря (СГБМ). Участие в работе организации прибалтийских республик позволило им упрочить свое внешнеполитическое положение как в регионе, так и в общемировом контексте. После распада СССР и фактического выхода прибалтийских стран из общесоюзной схемы функционирования перед Литвой, Латвией и Эстонией остро встал вопрос о необходимости налаживания новых политических, экономических и культурных связей, чтобы вписаться в европейскую систему координат. СГБМ стал для прибалтийских республик своеобразным «окном в Европу».

Создание Совета состоялось на конференции министров иностранных дел государств Балтийского моря, проходившей 5–6 марта 1992 г. в Копенгагене. Среди учредителей организации были Германия, Дания, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Россия, Финляндия, Швеция и Эстония. С 1995 г. в состав организации принята Исландия с условием дальнейшего запрета на расширение стран — участниц Совета [25]. С 1999 г. ряд государств обладает статусом наблюдателя при СГБМ. Среди них Великобритания, Италия, США, Франция и Украина. Интерес в развитии взаимодействия со структурами Совета проявляет Беларусь.

Работа организации проходит в рамках сессий министров иностранных дел СГБМ 1 раз в год. Практикуется также подготовка встреч глав правительств. На подобных совещаниях согласовываются наиболее приоритетные вопросы по развитию региона Балтийского моря. Присутствие в составе организации государств, расположенных вне Балтийского моря, акцентирует важность региона, принимающего активное участие в политической и экономической деятельности как Европы, так и мира в целом.

Учредительная декларация СГБМ отмечает, что «недавние события в Европе ознаменовали новый этап в развитии отношений в ре-

гионе, сменив конфронтации и разногласия на равноправное партнерство и сотрудничество» [25]. По мнению стран-учредительниц, Совет должен был стать тем региональным форумом, который способствует упрочению сотрудничества и, соответственно, обеспечению политической и экономической стабильности в регионе.

Основными направлениями деятельности Совета были определены помощь в развитии новых демократических структур, содействие в финансовой и технологической сферах, партнерство в вопросах гуманитарного характера, здравоохранения, защиты окружающей среды, энергетики, работа по укреплению культурных связей, развитие сотрудничества между отдельными регионами. Столь широкое поле деятельности организации по различным вопросам позволило наиболее плотно охватить все необходимые сферы деятельности государств и оказать им помощь в упрочении межгосударственных связей.

Первый саммит глав правительств государств Балтийского моря прошел 3–4 мая 1996 г. в Висбю (Швеция). Стороны приняли решение повышать уровень сотрудничества в рамках СГБМ как региональной организации [9]. На втором саммите, проходившем в 1998 г. в Риге, был сформирован ряд наиболее приоритетных региональных программ, затрагивающие сферы энергетики и логистики. Особое внимание было уделено развитию в регионе зоны свободного перемещения товаров и услуг.

В рамках СГБМ проходят постоянные встречи руководителей отраслевых министерств стран — участниц Совета. При поддержке организации существуют около 60 различных структур. Среди наиболее значимых можно отметить Парламентскую конференцию Балтийского моря, Конференцию по субрегиональному сотрудничеству, Союз балтийских городов, Ассоциацию торговых палат, Консультативный совет деловых кругов стран Балтии [17]. Интенсивное развитие сотрудничества в рамках региона Балтийского моря обусловило создание многочисленных межгосударственных, межрегиональных органов и сетей в области инноваций. К наиболее известным можно отнести такие организации, как «СканБалт» (*ScanBalt*), Инновационная сеть в регионе Балтийского моря (*Baltic Sea Region Innovation Network*) и «Стардаст» (*StarDust*) [4, с. 157].

Однако на сегодняшний день отмечается тенденция снижения интереса к организации и смещения ее с переднего плана европолитики. Показателем потери интереса к СГБМ может служить отсутствие на 7-м саммите Совета в Риге в списке его участников В. Путина и А. Меркель как важных для европейского региона политиков [8]. Этот факт в достаточной степени показателен — на современном этапе взаимодействие в рамках СГБМ не является приоритетным для Германии и России.

На начальном этапе своей деятельности СГБМ стал тем форумом, который позволил европейским государствам освежить свои внешнеполитические связи и найти новые общие интересы, чему способствовали новые проекты, запланированные в работе организации. Тем не менее, со временем приоритеты стран-участниц поменялись. В частности, Польша и Прибалтийские страны взяли курс на интеграцию в НАТО и ЕС, сделав это направление внешней политики своим основным вектором. Для Германии и скандинавских стран участие в Совете и ранее было второстепенным. Российская Федерация же в контексте данной организации считает себя изолированной ввиду прохладных прибалтийско-российских и польско-российских отношений.

Проведение благоприятной политики внутри организации осложняет калининградский вопрос. Правительство Российской Федерации неоднократно критически высказывалось о нежелании Брюсселя предоставить жителям Калининградской области особый режим перемещения [22]. Несмотря на это, представители ЕС неоднократно заявляли о недопустимости исключений из правил Шенгенской зоны. Наряду с этим отвергался и вариант «коридоров» через ЕС ввиду того, что это будет означать наличие экстерриториальных российских дорог на территории Польши и Литвы [16]. Подкреплялась данная позиция примером из событий Второй мировой войны, когда схожий «коридор» из Германии в Данциг (ныне польский Гданьск) явился одной из причин немецкой агрессии. Тем не менее, продолжается работа по корректированию недочетов и по этой проблеме.

По итогам прошедшей 7 июня 2011 г. в Осло 16-й министерской сессии была подписана декларация Осло [28]. Декларация содержит совместные российско-немецкие инициативы о повышении роли в регионе государственно-частного сотрудничества, старте программы по модернизации юго-восточного региона Балтийского моря, особое внимание которой будет акцентироваться на Калининградскую область, с дальнейшими предпосылками по распространению на Санкт-Петербург, Ленинградскую и Псковскую области. На сегодняшний день для жителей Калининградской области действует упрощенная схема посещения приграничных территорий Польши [7].

Продолжается активное реформирование СГБМ. На 29-й сессии СГБМ в Риге было обсуждено совершенствование сотрудничества организации, согласно Рижской декларации о реформе СГБМ 2008 г. и Вильнюсской декларации 2010 г. Министрами был принят ряд решений по регулированию деятельности Совета [26; 27].

Однако на данном этапе своего существования деятельность СГБМ направлена преимущественно на региональные проблемы, чем на большую политику. Во главу угла ставятся вопросы экологии и гражданской безопасности. Направленность на подобные сферы деятельности фактически отодвигает организацию на второй план.

Несмотря на все разногласия стран-участниц и некоторый спад деятельности организации, Республика Беларусь проявляет активную заинтересованность в процессах, связанных с работой СГБМ, и принимает участие в некоторых проектах. Непосредственная близость Балтийского региона как в географическом, так и в историческом и культурном аспектах делает это направление важным вектором внешней политики Беларуси. С 1 июля 2009 г. Беларусь имеет статус наблюдателя при СГБМ. Статус наблюдателя позволил более активно работать над укреплением сотрудничества в таких сферах регионального взаимодействия, как здравоохранение, радиационная безопасность, миграция, природоохранная тематика и т. д.

В рамках сотрудничества в СГБМ Республика Беларусь принимает участие в некоторых проектах организации. К таким проектам можно отнести Балтийское энергетическое кольцо и Организации субрегионального сотрудничества государств Балтийского моря [21]. Стоит также отметить участие Республики Беларусь в Партнерстве «Северного измерения» ЕС в медицинской и социальной сферах. Данное сотрудничество состоялось, благодаря приглашению, которое было получено при помощи СГБМ, посдействовавшему укреплению связей между детскими учреждениями здравоохранения стран — участниц организации с аналогичными учреждениями в Республике Беларусь.

При помощи Национального центрального бюро Интерпола в 2010 г. было налажено сотрудничество с Рабочей группой, занимающейся социальными проблемами в рамках СГБМ — назначен национальный контактный представитель от Республики Беларусь по проблемам детей, оставшихся без родителей, а также тех, кто стал жертвой торговли людьми в регионе Балтийского моря. В его обязанности входит участие в совещаниях указанной выше Рабочей группы [18].

Знаковым для СГБМ стал 2012 г., когда организация отметила свой 20-летний юбилей. В 2012—2013 гг. в Совете последовательно председательствуют Германия и Россия. Это позволит укрепить внешнеполитические связи и найти новые точки соприкосновения между двумя крупнейшими государствами региона. В условиях подобного взаимодействия Россия сможет использовать ресурс организации для активизации сотрудничества в регионе и поспособствовать укреплению ор-

ганизации посредством продвижения идеи преимущества приоритетов председательства, что может быть достигнуто, в том числе и за счет воплощения долгосрочных проектов, выгодных для всех стран-членов.

21 марта 2012 г. прошло Сопревание «Регион Балтийского моря: от планирования к совместным действиям», затрагивающее вопросы укрепления партнерских связей в регионе. Встреча была приурочена к предстоящему председательству Российской Федерации в СГБМ со второй половины 2012 г. На повестке дня встречи основным предметом обсуждения стала тема развития российско-европейского взаимодействия в регионе Балтийского моря. Детально рассматривался вопрос принятия Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 г. и Стратегии ЕС для региона Балтийского моря [14].

Таким образом, прослеживается некоторая эволюция участия Литвы, Латвии и Эстонии в деятельности региональных организаций. Прибалтийские республики постепенно начали выходить на качественно новый уровень развития внешнеполитических отношений. Создание Совета балтийских государств внесло серьезный вклад в становление Литвы, Латвии и Эстонии в качестве независимых демократических стран. Вывод российских войск поспособствовал реализации их внешнеполитических приоритетов, т. е. вступлению в Европейский союз и НАТО. Совет балтийских государств послужил фундамен-

том для создания таких региональных организаций, как Балтийская ассамблея и Балтийский совет министров.

Смена приоритетов с взаимоинтеграции на интеграцию в ЕС и НАТО позволила Литве, Латвии и Эстонии существенно ускорить темпы своего политического и экономического развития. Этому во многом способствовала деятельность Литвы, Латвии и Эстонии в рамках Балтийской ассамблеи. Деятельность организации содействовала упрочению связей между прибалтийскими республиками в политической, экономической и информационной сфере, гармонизации законодательства в соответствии с требованиями ЕС, разработке упрощенной процедуры пересечения границы и др.

Однако международные союзы и организации всегда были продуктом своего времени и участие в них интересовало те или иные государства до определенного момента. Участие в работе СГБМ позволило решать региональные вопросы на более высоком уровне, повышая приоритетность европейского вектора в интеграционной политике прибалтийских государств. Таким образом, международные организации и институты, функционирующие в регионе Балтийского моря, возникли в связи с необходимостью интегрировать регион, и прибалтийские республики в том числе, в европейское сообщество при помощи укрепления транснациональных экономических, политических, социальных и культурных связей.

Литература

1. Айхер, П. Здесь было принято решение о независимости Балтийских государств / П. Айхер [Электронный ресурс] // Дом Эмилии Бенямини в Юрмале. — Режим доступа: <<http://www.theemilijabenjaminhouse.com/ru/history/>>. — Дата доступа: 16.04.2012.
2. Балтийская ассамблея призвала Россию признать себя оккупантом [Электронный ресурс] // Lenta.ru. — Режим доступа: <<http://lenta.ru/news/2005/04/29/occupation/>>. — Дата доступа: 19.04.2012.
3. Балтийская ассамблея теряет свое лицо [Электронный ресурс] // Экспресс-неделя. — Режим доступа: <<http://www.nedelia.lt/news-lt/11837-baltijiskaja-assambleja-terjaet-svoe-lico-i-rol.html>>. — Дата доступа: 20.04.2012.
4. Баранова, Ю. В. Роль трансграничного сотрудничества в повышении инновационного потенциала Балтийского региона / Ю. В. Баранова // Вестн. Балт. федерал. ун-та им. И. Канта. — 2012. — № 1. — С. 153–160.
5. Будущее Балтийской Ассамблеи — причина очередного внутрипарламентского конфликта в Эстонии [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. — Режим доступа: <<http://www.regnum.ru/news/233816.html>>. — Дата доступа: 20.04.2012.
6. Глава МИД: страны Балтии должны сообща отстаивать интересы [Электронный ресурс] // Новостной портал DELFI. — Режим доступа: <<http://ru.delfi.lt/news/politics/glava-mid-strany-baltii-dolzny-soobscha-otstaiwat-interesy.d?id=58699671>>. — Дата доступа: 17.05.2012.
7. Глубокие провалы вокруг балтийского моря [Электронный ресурс] // Intellifent.lv. — Режим доступа: <http://www.intelligent.lv/ru/glubokie-rovali-vokrug-balijskogo-morja/o_20102.html>. — Дата доступа: 25.04.2012.
8. Денисов, В. Из России в Россию — без виз / В. Денисов [Электронный ресурс] // Красная Звезда. — Режим доступа: <http://old.redstar.ru/2002/07/10_07/1_03.html>. — Дата доступа: 01.05.2012.
9. Европейские региональные организации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — Режим доступа: <<http://www.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845cof6d9b35443256c8a004e8835/af0124a784e21abf43256c8b004a1ce1!OpenDocument>>. — Дата доступа: 25.04.2012.
10. Евтушик, Е. Трое сбоку, «наших» нет / Е. Евтушик [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Власть. — 1992. — № 102. — Режим доступа: <<http://kommersant.ru/doc/2499/print>>. — Дата доступа: 18.04.2012.
11. К проведению Балтийской ассамблеи и Балтийского совета в Вильнюсе [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао он-лайн. — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/200310/30/rus20031030_82896.html>. — Дата доступа: 20.04.2012.
12. Литва отметит 20-летие Балтийского пути [Электронный ресурс] // Экспресс-неделя. — Режим доступа: <<http://www.nedelia.lt/news-lt/10517-litva-otmetit-20-letie-baltijiskogo-puti.html>>. — Дата доступа: 16.04.2012.
13. МИД: из Прибалтики ждем только президентов [Электронный ресурс] // Грани.Ру. — Режим доступа: <<http://grani.ru/Politics/Russia/m.85842.html>>. — Дата доступа: 20.04.2012.

14. Регион Балтийского моря: от планирования к совместным действиям [Электронный ресурс] // Ассоциация экономического взаимодействия субъектов Северо-Запада Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.n-west.ru/2012-03-21_2/>. — Дата доступа: 01.05.2012.
15. Розанов, А. А. Европейская безопасность: позиция Беларуси / А. А. Розанов // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1996. — № 1. — С. 56—68.
16. Смородинская, Н. Балтийская заповедь / Н. Смородинская [Электронный ресурс] // Expert.ru. — Режим доступа: <http://expert.ru/northwest/2002/25/25no-tema_52184/>. — Дата доступа: 25.04.2012.
17. Совет государств Балтийского моря [Электронный ресурс] // Международный общественный фонд «Янтарный мост». — Режим доступа: <<http://www.amberbridge.org/article?id=13>>. — Дата доступа: 25.04.2012.
18. Совет государств Балтийского моря [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/fiaedb7067968c3b.html>>. — Дата доступа: 01.05.2012.
19. Сотрудничество Балтийских государств [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Латвии. — Режим доступа: <<http://www.mfa.gov.lv/ru/eu/BalticSeaRegion/BalticStates/>>. — Дата доступа: 19.04.2012.
20. Тридцать первое августа: день вывода войск из Прибалтики [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РЕХ». — Режим доступа: <<http://www.iarex.ru/news/8102.html>>. — Дата доступа: 18.04.2012.
21. Улахович, В. Балтийское измерение международного сотрудничества Республики Беларусь: потенциал и перспективы / В. Улахович [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. — Режим доступа: <<http://www.bs.u.by/ru/main.aspx?guid=259953>>. — Дата доступа: 01.05.2012.
22. Эггерт, К. Балтийский совет: спор о Калининграде / К. Эггерт [Электронный ресурс] // BBC Russian. — Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_2036000/2036650.stm>. — Дата доступа: 25.04.2012.
23. APPEAL To The Parties To The Treaty On Conventional Armed Forces In Europe (CFE) And To The Member States Of The Conference On Security And Cooperation In Europe (CSCE) [Electronic resource] // LETTONIE — RUSSIE Traites et documents de base — in extenso. — Mode of access: <http://www.letton.ch/lvx_ap14.htm>. — Date of access: 18.04.2012.
24. Barrington, L. W. Nations, states, and citizens: an explanation of the citizenship policies in Estonia and Lithuania / L. W. Barrington // Review of Central and East European Law. — 1995. — N 2. — P. 103—148.
25. CBSS 1st Ministerial Session — Copenhagen Declaration [Electronic resource] // The Council of the Baltic Sea States. — Mode of access: <<http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2012/12/1992-CBSS-1st-Ministerial-Session-Communique.pdf>>. — Date of access: 25.04.2012.
26. Decision on the Amendment to the Regulations on the Secretariat of the Baltic Assembly, Regulations on the Secretariat of the Baltic Assembly [Electronic resource] // Baltic Assembly. — Mode of access: <http://www.baltasam.org/images/front/_pdf/6_Decision_Secretariat%20regulations_en.pdf>. — Date of access: 01.05.2012.
27. Decision on the Amendment to the Regulations on the Use of Baltic Assembly Funds, Regulations on the Use of Baltic Assembly Funds [Electronic resource] // Baltic Assembly. — Mode of access: <http://www.baltasam.org/images/front/_pdf/7_Decision_funds%20regulations_en.pdf>. — Date of access: 01.05.2012.
28. Declaration of the 16th CBSS Ministerial Session [Electronic resource] // Deutsche Botschaft Oslo. — Mode of access: <http://www.oslo.diplo.de/Vertretung/oslo/de/03/Ostseerat/Ostseerat__Oslo__Seite.html>. — Date of access: 01.05.2012.
29. Declaration on Unity and Co-operation by the Republic of Estonia, Republic of Latvia and Republic of Lithuania (12 May 1990) [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Estonia. — Mode of access: <http://web-static.vm.ee/static/failid/063/1990_05_12_deklaratsioon_Balti_yhtsusel_ja_koostooost.pdf>. — Date of access: 16.04.2012.
30. Formation of the Baltic States' regional organisations, 1988—1991 [Electronic resource] // Baltic Assembly. — Mode of access: <<http://www.baltasam.org/history/pre-history>>. — Date of access: 19.04.2012.
31. Keil, J. Baltic Cooperation in Interwar Period / J. Keil [Electronic resource] // Julia Keil web-site. — Mode of access: <http://www.julia-keil.de/files/baltic_union.pdf>. — Date of access: 19.04.2012.
32. Lieven, A. The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path of Independence. 4th ed. / A. Lieven. — New Haven: Yale University Press, 1995. — 504 p.
33. Resolution on the proposal of the Republic of Iceland to act as a mediator in organising and conducting negotiations between the Baltic States and the USSR [Electronic resource] // LETTONIE — RUSSIE Traites et documents de base — in extenso. — Mode of access: <http://www.letton.ch/lvx_ap7.htm>. — Date of access: 18.04.2012.
34. The leaders of the Baltic States, Addressing the United States and the entire world community [Electronic resource] // LETTONIE — RUSSIE Traites et documents de base — in extenso. — Mode of access: <http://www.letton.ch/lvx_ap13.htm>. — Date of access: 18.04.2012.
35. Žigaras, V. Baltijos salys: saugumas ir gynyba 1990—2002 / V. Žigaras. — Vilnius: Generolo Jono Žemaičio Lietuvos Karo akademija, 2002. — 346 p.

«Участие Литвы, Латвии и Эстонии в деятельности международных организаций региона Балтийского моря в 1990—2012 гг.» (Александр Шатков)

Статья посвящена участию Литвы, Латвии и Эстонии в деятельности международных организаций региона Балтийского моря в 1990—2012 гг. Проанализированы характерные особенности формирования и развития на территории Литвы, Латвии и Эстонии таких региональных организаций, как Совет балтийских государств, Балтийская ассамблея, Совет государств Балтийского моря. Особое внимание в статье уделено результатам деятельности организаций и их влиянию на внешнюю политику прибалтийских государств. Сотрудничество Литвы, Латвии и Эстонии в рамках региональных организаций способствовало их признанию в качестве независимых государств, выводу советских войск с их территории, реализации внешнеполитических приоритетов по вступлению в Европейский союз и НАТО, развитию и укреплению экономических, политических и культурных связей.

«Participation of Lithuania, Latvia and Estonia in Baltic States International Organization Activities in 1990–2012» (Alexander Shatkov)

The article under consideration describes participation of Lithuania, Latvia and Estonia in Baltic States international organization activities in 1990–2012. The main features of forming and development of such organizations as the Baltic Council, the Baltic Assembly, the Council of the Baltic Sea States on the territories of Lithuania, Latvia and Estonia are analyzed. The article accentuates the results of the organizations activities and their impact on the foreign policy of the Baltic states. Collaboration of Lithuania, Latvia and Estonia within the framework of regional organizations has led to the following results: recognition of Lithuania, Latvia and Estonia as independent states, withdrawal of Soviet troops from the Baltic states territories, implementation of the foreign policy priorities concerning accession to the European Union and NATO, development and strengthening of economic, political and cultural relationships among these states.

Статья поступила в редакцию в июне 2013 г.

БЕЙРУТСКАЯ ИНИЦИАТИВА ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ 2002 г.

Анна Москаленко

Бейрутская мирная инициатива, принятая на саммите Лиги арабских государств (ЛАГ) в 2002 г., занимает важное место в попытках разрешения ближневосточного конфликта, отражая единую позицию арабского мира по отношению к вопросу о нормализации отношений с Государством Израиль. Отношение арабских стран к Израилю претерпело существенные изменения: от полного отрицания государства, что было выражено в Хартумской резолюции 1967 г., до готовности нормализовать отношения при условии выполнения Израилем определенных требований, что нашло отражение в Фесской декларации 1982 г. и Бейрутской мирной инициативе ЛАГ 2002 г.

Целью данной статьи является анализ позиций арабских государств в отношении урегулирования конфликта с Израилем, выраженных в Бейрутской декларации ЛАГ 2002 г. При написании статьи были изучены документы двух саммитов ЛАГ: Бейрутская декларация 2002 г. [10] и Фесская декларация 1982 г. [13], Коммюнике заседания ЛАГ от 28 марта 2002 г. [12]; а также официальные заявления глав государств, арабских и израильских политических деятелей, публиковавшиеся в газетах «Аш-Шарк ал-Аусат» [2; 4; 8], «Ал-Ахрам Ал-Яумийа» [6] и «Га-арец» [11] в период с 27 марта по 1 апреля 2002 г. История принятия Бейрутской инициативы ЛАГ кратко изложена в мемуарах короля Иордании Абдаллы II [14].

Научные работы, посвященные проблематике Бейрутского саммита ЛАГ в 2002 г., можно разделить на две категории. Во-первых, это исследования, где арабская мирная инициатива 2002 г. рассматривается в контексте региональной политики Королевства Саудовской Аравии (Е. С. Мелкумян) [5]; во-вторых, это работы преимущественно израильских авторов, где мирная инициатива ЛАГ 2002 г. приводится как часть региональной политики арабских государств в период обострения арабо-израильского конфликта в начале 2000-х гг. (А. Эпштейн, Б. Мадди-Вейцман, Дж. Тейтельбаум) [9; 15; 17].

Проект документа, содержащего общеарабскую позицию в отношении урегулирования арабо-израильского конфликта, был предло-

жен в марте 2002 г. наследным принцем Саудовской Аравии Абдаллой бен Абдель Азизом. Появление данного документа именно в начале 2002 г. по инициативе руководства Саудовской Аравии можно объяснить воздействием как внутрорегиональных, так и международных факторов. Во-первых, в 2001 г. безрезультатно закончились палестино-израильские переговоры о постоянном статусе Западного берега реки Иордан и сектора Газа, а начавшееся 28 сентября 2000 г. палестинское восстание — «интифада Аль-Акса» — сделало невозможным их возобновление. Во-вторых, на кризис в переговорном процессе влияли напряженные отношения между лидерами Палестины и Израиля. В 2001 г. премьер-министром Израиля стал Ариэль Шарон, занимавший жесткую позицию в отношении урегулирования конфликта с арабскими странами и имевший плохую репутацию в арабском мире. Глава Палестинской национальной автономии (ПНА) Ясир Арафат обвинялся израильским руководством в неспособности контролировать палестинские территории, а с декабря 2001 г. находился под «домашним арестом» [14, р. 202]. В-третьих, после террористических актов 11 сентября 2001 г. в США и начала международной антитеррористической кампании стала возрастать дипломатическая активность отдельных региональных стран, направленная на решение региональных проблем, в частности урегулирование арабо-израильского конфликта. Проект резолюции ЛАГ по нормализации отношений с Израилем, предложенный руководством Саудовской Аравии в марте 2002 г., стал попыткой приобрести имидж страны — «инициатора мира в регионе» [17]. В-четвертых, активизация региональных государств в области арабо-израильского урегулирования была обусловлена некоторым снижением роли США в этом процессе, что наблюдалось в 2001—2002 гг. На протяжении 1990-х гг. США выступали в роли главного посредника и организатора переговоров между Израилем и арабскими странами. Однако после 2001 г. интересы американской региональной политики сконцентрировались на проблемах Афганистана и Ирака.

Автор:

Москаленко Анна Александровна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Тихомиров Александр Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Копелев Михаил Клавдиевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси

Наследный принц Саудовской Аравии Абдалла бен Абдель Азиз представил проект резолюции относительно урегулирования арабо-израильского конфликта на саммите ЛАГ, который прошел в Бейруте 27—28 марта 2002 г. Первоначально план Абдаллы содержал три условия, предъявляемых арабскими странами Государству Израиль: 1) вывод войск с оккупированных территорий до линии 4 июня 1967 г.; 2) признание палестинского государства на оккупированных территориях Западного берега и сектора Газа; 3) разрешение проблемы беженцев в соответствии с международными резолюциями [1].

Предварительное обсуждение проекта резолюции ЛАГ, составленного руководством Саудовской Аравии, выявило разногласия арабских стран по некоторым проблемам, касающимся арабо-израильского урегулирования. Арабские страны можно разделить на две группы: страны первой группы заявили о полной поддержке мирного плана Абдаллы (страны Персидского залива, Египет и Иордания); второй — заняли наиболее жесткую позицию (Сирия, Ливан). Подобное отношение к мирному плану можно объяснить разной степенью вовлеченности арабских стран в конфронтацию с Государством Израиль. Так, Сирия и Ливан, чьи территории до сих пор находятся под израильской оккупацией, в вопросах нормализации отношений с Израилем занимают, как правило, более жесткую позицию по сравнению с другими арабскими странами. Ожидалось, что позиции Иордании и Египта — арабских стран, заключивших мирные договоры с Государством Израиль и выполнявших до 2001 г. роль посредников в ближневосточном урегулировании, — будут наиболее лояльными. Ирак, несмотря на отсутствие общей границы с Израилем, участвовал в военных акциях против последнего и в 1990 г. наносил удары по его территории. Однако в 2002 г., с нарастанием конфликта с США, антиизраильская активность Ирака несколько снизилась. Остальные арабские страны поддерживали палестинский народ в реализации права на самоопределение и создание государства, а также декларативно поддерживали «интифад». Однако они были наименее вовлечены в конфликт по сравнению со странами, имеющими общую границу с Израилем, и, соответственно, были готовы нормализовать отношения с Государством Израиль при выполнении им определенных условий.

Для согласования проекта резолюции были организованы специальные встречи президентов Сирии, Ливана и наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы. 3 марта 2002 г. президенты Сирии Башар ал-Асад и Ливана Эмиль Лахуд встретились в Бейруте с целью согласования позиций по предложенному Абдаллой тексту резолюции. 5 марта 2002 г. состоялась встреча президента Сирии Башара ал-Асада и наследного принца Саудовской Аравии Абдал-

лы в Джидде. Президент Сирии выразил согласованное с ливанским президентом мнение относительно некоторых положений проекта резолюции. Во-первых, оба руководителя настаивали на том, чтобы в основу решения проблемы палестинских беженцев была положена только резолюция № 194 Генеральной Ассамблеи ООН, в соответствии с которой «беженцам, желающим вернуться к своим очагам и мирной жизни со своими соседями, такая возможность должна быть предоставлена в кратчайший срок, с уплатой компенсации за имущество тех, кто предпочитает не возвращаться» [7]. Президент Сирии также настаивал на том, чтобы в тексте резолюции было зафиксировано «право [палестинских беженцев] на возвращение». Во-вторых, сирийский президент выразил требование относительно того, чтобы в тексте инициативы фраза «полная нормализация [отношений]» была заменена фразой «нормальные мирные отношения». В-третьих, по настоянию сирийской стороны в тексте резолюции появилось упоминание Голанских высот среди оккупированных Израилем территорий, а также было зафиксировано требование вывода израильских войск «до линии 4 июня 1967 г.» [17]. Предложенная Сирией формулировка относительно Голанских высот и «линии до 4 июня 1967 г.» объясняется тем, что в тексте резолюции № 242 Совета Безопасности ООН говорится о «выводе войск с оккупированных территорий», без уточнения, какие именно территории должны быть освобождены, что на переговорах с Израилем вызвало двойное толкование.

Как видно, для Сирии наиболее важным аспектом урегулирования конфликта с Израилем является именно территориальная проблема. Для Ливана же наиболее уязвимым вопросом стало возвращение палестинских беженцев. На саммите в Бейруте министр иностранных дел Ливана Махмуд Хамуд заявил, что Ливан ожидает «возвращения палестинских беженцев в свои дома и к своей собственности, а не натурализации их в странах, которые приняли их» [8]. В результате в мирной инициативе появился отдельный пункт, содержащий отказ палестинцам в натурализации в странах пребывания, в силу того, что это «противоречит... особым обстоятельствам принимающих арабских стран» [10, р. 311].

В окончательном варианте резолюции ЛАГ, принятой на саммите в Бейруте, были выражены следующие требования арабских стран к израильскому правительству: 1) «полный вывод войск с оккупированных в 1967 г. территорий, включая сирийские Голанские высоты до линии 4 июня 1967 г., а также оставшиеся оккупированные территории Ливана на юге страны»; 2) «достижение справедливого решения проблемы палестинских беженцев в соответствии с резолюцией ООН № 194» (с упоминанной выше оговоркой об отказе палестинцам

в натурализации в арабских странах); 3) «признание создания независимого суверенного палестинского государства на палестинской территории Западного берега реки Иордан и сектора Газа, оккупированной с 4 июня 1967 г., со столицей в Восточном Иерусалиме» [10, р. 311]. В такой формулировке арабская мирная инициатива, основанная на плане наследного принца Абдаллы, была утверждена Бейрутским саммитом ЛАГ как единая согласованная позиция арабских стран по проблеме нормализации отношений с Израилем и урегулирования арабо-израильского конфликта.

Бейрутская инициатива ЛАГ получила одобрение всех арабских стран. Однако необходимо указать, что на заседании отсутствовали 12 арабских лидеров: король Иордании Абдалла II, президент Египта Хосни Мубарак, глава Палестинской национальной администрации Ясир Арафат, президент Объединенных Арабских Эмиратов шейх Зейд бен Султан ал-Нахьян, султан Султаната Оман Кабус бен Саид, глава Ливийской Джамахирии Муаммар Каддафи, президент Ирака Саддам Хусейн, эмир Кувейта шейх Джабер ал-Сабах, большинство из которых покинули зал заседания сразу после открытия саммита [4]. Заявления этих арабских стран о поддержке данной резолюции последовали уже после ее принятия.

Глава ПНА Ясир Арафат не смог приехать на саммит из-за ограничения свободы передвижения, наложенного израильскими властями. Предполагалось, что его речь будет транслироваться в прямом эфире на заседании ЛАГ. Однако трансляция не состоялась, что вызвало недовольство палестинской делегации, которая в знак протеста покинула зал заседания. Как отмечает обозреватель израильской газеты «Гарец» Цви Бар'эль, только под большим давлением арабских лидеров палестинскому представителю Фаруку Каддуми было разрешено выступить на втором заседании [11].

Несмотря на ключевую роль Египта и Иордании в урегулировании арабо-израильского конфликта, президент Египта Хосни Мубарак и король Иордании Абдалла II отсутствовали на саммите в Бейруте. Официально было объявлено, что Хосни Мубарак не прибыл на саммит в знак солидарности с Ясиром Арафатом, а король Абдалла II отсутствовал по болезни. В мемуарах короля Абдаллы II приводится иное объяснение: иорданская разведывательная служба узнала о готовившемся покушении на короля Иордании и президента Египта, после чего оба лидера договорились не присутствовать на саммите [14, р. 204]. Однако руководство этих стран поспешило заявить о поддержке саудовской инициативы и резолюции саммита ЛАГ в Бейруте.

Политические силы Палестины по-разному оценили Бейрутскую мирную инициативу арабских стран. Официальные представители Палестины заявили о поддержке Бейрут-

ской декларации ЛАГ. Так, Ясир Арафат в выступлении отметил: «Мне хотелось бы от имени палестинского народа и палестинского руководства подтвердить, что мы приветствуем смелую инициативу, предложенную наследным принцем Саудовской Аравии» [16, р. 308]. Его политические оппоненты подвергли критике резолюцию ЛАГ. Наибольшее недовольство вызвало отсутствие в тексте резолюции следующих положений: 1) поддержки «интифады» и палестинского сопротивления оккупации; 2) четко выраженного положения о праве палестинских беженцев на возвращение и об ответственности Израиля за возникновение этой проблемы; 3) указания на то, какие действия предпримут арабские страны в случае отказа Израиля выполнить арабские условия. Хасан Юсуф, один из лидеров движения ХАМАС на Западном берегу, задал вопрос: «Если Израиль откажется принять инициативу, а это то, что случится на самом деле, то каким будет арабский ответ?» [2]. Стоит отметить, что президент Сирии Башар аль-Асад также критиковал инициативу за то, что в ней не говорилось об ответных действиях арабских стран в случае непринятия мирной инициативы Израилем [8].

Палестинское движение «Исламский джихад» также осудило решения Бейрутского саммита ЛАГ и обвинило руководителей арабских стран в «бездействии в отношении угроз премьер-министра Израиля Ариэля Шарона о нанесении удара по Рамалле». По мнению руководства движения «Исламский джихад», Бейрутская декларация ЛАГ лишь повторяла позиции арабских стран и ООН. Оно указало также на «слабость» пункта о праве беженцев на возвращение, который может трактоваться по-разному [2].

Израильские политические силы в целом приветствовали идею нормализации отношений с арабскими странами. Вместе с тем, многие положения резолюции ЛАГ вызвали критику, особенно в отношении пунктов о выводе войск и проблеме палестинских беженцев. Премьер-министр Израиля А. Шарон заявил, что возврат к линии 4 июня 1967 г. «будет обозначать смерть Израиля» [3]. Один из представителей израильского политического истеблишмента заявил: «Несмотря на поддержку саудовской инициативы, мы не согласны с каждым пунктом самой инициативы» [3]. К тому же в период принятия инициативы ситуация в Израиле была напряженной: 27 марта 2002 г. произошел теракт в Нетании, ответственность за который взяло на себя движение ХАМАС. Израильские власти обвинили Ясира Арафата в неспособности остановить насилие. Рамалла была окружена израильской армией, а всем иностранцам было рекомендовано покинуть город. 30 марта 2002 г. Израиль начал антитеррористическую операцию «Защитная стена». В такой обстановке было

сложно надеяться на то, что Израиль примет условия, содержащиеся в резолюции Бейрутского саммита ЛАГ.

Бейрутская декларация, принятая на саммите ЛАГ в 2002 г., — это вторая арабская инициатива по урегулированию конфликта с Израилем. Первая мирная инициатива арабских стран была принята на саммите ЛАГ в 1982 г. в Фесе. Можно отметить некоторое сходство содержания и условий принятия этих документов. Во-первых, обе декларации принимались ЛАГ в период обострения конфликта: военной операции Израиля «Мир Галилее» (июнь 1982 г.) и второй «интифады», начавшейся в сентябре 2000 г. Во-вторых, проекты обеих резолюций были предложены руководством Саудовской Аравии. В-третьих, с 1982 г. существенно не изменились требования, предъявляемые арабскими странами Государству Израиль. Согласно текстам Фесской и Бейрутской деклараций ЛАГ, они заключаются в следующем: 1) уход Израиля со всех территорий, оккупированных в 1967 г.; 2) признание прав палестинских беженцев на возвращение и материальные компенсации в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 194; 3) признание независимого и суверенного палестинского государства на оккупированных с 1967 г. палестинских территориях Западного берега реки Иордан и сектора Газа со столицей в Восточном Иерусалиме [см.: 10; 13].

Однако Фесская и Бейрутская инициативы ЛАГ преследовали несколько разные цели. Так, в 1982 г., во время принятия Фесской резолюции, основной задачей, которая стояла перед арабским миром, было признание Организации освобождения Палестины в качестве единственного законного представителя пале-

стинского народа и, соответственно, самостоятельного участника урегулирования палестинской проблемы. В 2002 г. — в период острого кризиса палестино-израильского переговорного процесса и попыток международных посредников его возобновить — арабские страны столкнулись с необходимостью сформировать общую позицию в отношении урегулирования конфликта с Израилем с целью стать более активными участниками этого процесса.

Таким образом, Бейрутская декларация ЛАГ появилась в период обострения ближневосточного конфликта, а также в условиях сложной обстановки в регионе в целом. Бейрутская декларация ЛАГ 2002 г., с одной стороны, продемонстрировала готовность арабских стран активизировать деятельность в ближневосточном урегулировании и нормализовать отношения с Государством Израиль, а с другой — выявила разногласия между арабскими странами по основным проблемам арабо-израильского урегулирования. Активную дискуссию и критику вызвали положения Бейрутской декларации ЛАГ относительно поддержки палестинской «интифады», решения проблемы палестинских беженцев, ответной реакции арабских стран на возможный отказ Израиля принять требования, изложенные в инициативе. Требования, предъявляемые арабскими странами к Государству Израиль, существенно не изменились с 1982 г. Они сводятся к уходу Израиля со всех территорий, оккупированных в 1967 г., решению проблемы палестинских беженцев в соответствии с положениями резолюции № 194 Генеральной Ассамблеи ООН и признанию независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме.

Литература

1. Ал-мубадарат ас-саудийя ли халл кадайя фалистынийя = Мирные инициативы Саудовской Аравии по урегулированию палестинской проблемы (на араб. яз.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия. — Режим доступа: <<http://www.mofa.gov.sa/aboutKingDom/KingdomForeignPolicy/Pages/PalestineCause25461.aspx>>. — Дата доступа: 20.04.2013.
2. Ас-Салих, А. Ас-султан ал-фалистыний ташиф табанни ал-кимма лил-мубадара ас-саудийя бихутва тарихийя = Палестинская власть характеризует принятие инициативы как исторический шаг / А. ас-Салих (на араб. яз.) [Электронный ресурс] // Asharq Al-Awsat. — 29.03.2002. — Режим доступа: <<http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=95709&issueno=8522#.UT5bg9YqxIk>>. — Дата доступа: 28.03.2013.
3. Визарат ал-хариджий ал-исраильий: нухаххиб би-л-мубадара ал-арабийя лякиннана фи зылл аамалийя нитанийя ля настатия ал-хадиса аан мухадасат салиям = Министерство иностранных дел Израиля: мы приветствуем арабскую мирную инициативу, однако из-за случая в Нетании мы не можем говорить о мирных переговорах (на араб. яз.) [Электронный ресурс] // Asharq Al-Awsat. — 29.03.2002. — Режим доступа: <<http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=95771&issueno=8522#.UT5bUtYqxIk>>. — Дата доступа: 28.03.2013.
4. Кимма байрут тантахя би-иджмаа тарихий аля мубадара ас-салиям ва аинак саудий аиракий = Саммит в Бейруте завершился историческим принятием мирной инициативы и объятием представителей Саудовской Аравии и Ирака (на араб. яз.) [Электронный ресурс] // Asharq Al-Awsat. — 29.03.2002. — Режим доступа: <<http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=8522&article=95678#.UT5Zv9YqxIk>>. — Дата доступа: 28.03.2013.
5. Мелкумян, Е. С. Мирная инициатива Саудовской Аравии в контексте ее внешней политики / Е.С. Мелкумян // Ближний Восток и современность. — Вып. 15. — М.: ИБВ, 2002. — С. 148—155.
6. Нафия, И. Кимма байрут: лян наснаа ас-салиям вахдана = Саммит в Бейруте: не только мы делаем мир / И. Нафия (на араб. яз.) [Электронный ресурс] // Al-Ahram. — 30.03.2002. — Режим доступа: <<http://www.ahram.org.eg/Archive/2002/3/30/WRIT1.HTM>>. — Дата доступа: 01.04.2013.
7. Палестина — доклад посредника Организации Объединенных Наций в Палестине о достигнутых результатах: док. ООН A/RES/194(III) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/194\(III\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/194(III))>. — Дата доступа: 08.04.2013.
8. Сыйяга мубадара ас-салиям ахазат фи-ль-натибар муляхазат лубнан ва сурийя = В формулировке мирной инициативы были отражены замечания Ливана и Сирии (на араб. яз.) [Электронный ресурс] // Asharq Al-Awsat. —

- 29.03.2002. — Режим доступа: <<http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=95711&issueno=8522#.UT5bhtYqxlk>>. — Дата доступа: 28.03.2013.
9. Эпштейн, А. Д. Израильяне и палестинцы: от конфронтации к переговорам и обратно / А. Д. Эпштейн. — М.: ИБВ, 2009. — 191 с.
10. Arab League Summit Resolution («The Beirut Declaration»), 14th Arab Summit, Beirut, 28 March 2002 // Documents on Palestine. — Vol. VI. — Jerusalem: PASSIA, 2007. — P. 310—311.
11. Bar'el, Z. A new Arab vision of the «day after» / Z. Bar'el [Electronic resource] // Haaretz. — 31.03.2002. — Mode of access: <<http://www.haaretz.com/print-edition/opinion/a-new-arab-vision-of-the-day-after-1.49063>>. — Date of access: 15.03.2013.
12. Final Communique of the 14th Arab Summit, Beirut, 28 March 2002 // Documents on Palestine. — Vol. VI. — Jerusalem: PASSIA, 2007. — P. 309—310.
13. Final Declaration of the Twelfth Arab Summit Conference (Including the Fez (Fahd) Peace Initiative) [Electronic resource] // MidEastWeb GateWay. — Mode of access: <http://www.mideastweb.org/fahd_fez_plan.htm>. — Date of access: 05.04.2013.
14. King Abdullah II. Our Last Best Chance: a Story of War and Peace / King Abdullah II. — United States of America: Penguin Books, 2012. — 347 p.
15. Maddy-Weitzman, B. Arab vs. the Adbullah Plan / B. Maddy-Weitzman [Electronic resource] // Middle East Quarterly. — 2010. — N 3, Vol. 17. — Mode of access: <<http://www.meforum.org/2729/arabs-vs-abdullah-plan>>. — Date of access: 10.04.2013.
16. President Yasser Arafat's Speech to the 14th Arab Summit, Beirut, 27—28 March 2002 // Documents on Palestine. — Vol. VI. — Jerusalem: PASSIA, 2007. — P. 305—309.
17. Teitelbaum, J. The Arab Peace Initiative: A Primer and Future Prospects / J. Teitelbaum [Electronic recourse] // Jerusalem Center for Public Affair. — Mode of access: <<http://jcpa.org/text/Arab-Peace-Initiative.pdf>>. — Date of access: 10.04.2013.

«Бейрутская инициатива Лиги арабских государств 2002 г.» (Анна Москаленко)

Целью данной статьи является анализ позиций арабских государств в отношении урегулирования конфликта с Израилем, выраженных в Бейрутской декларации ЛАГ 2002 г. Автором были рассмотрены предпосылки появления в 2002 г. инициативы арабских стран по урегулированию конфликта с Израилем; выявлены различия в позициях арабских стран по проекту резолюции, а также определены проблемы, вызвавшие наибольшую критику и дискуссию.

«The 2002 Beirut Initiative of the Arab League» (Anna Moskalenko)

The article aims to analyze the positions of Arab States in the attempts to end the Arab-Israeli conflict, that are expressed in the 2002 Beirut Declaration of the Arab League. The author analyzed the background of the 2002 Arab Peace Initiative that tried to resolve the conflict with Israel. The author also indicated the differences in the positions of the Arab countries on the draft of the resolution and the problems that caused criticism and debate.

Статья поступила в редакцию в июне 2013 г.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВОПРОСУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИЦ, ПОКИДАЮЩИХ СИРИЙСКУЮ АРАБСКУЮ РЕСПУБЛИКУ

1. Данный документ отменяет и заменяет собой «Рекомендации по вопросу международной защиты относительно лиц, покидающих Сирийскую Арабскую Республику»¹, изданные УВКБ ООН в июне 2012 г., и «Позицию УВКБ ООН относительно возвращений в Сирийскую Арабскую Республику»², изданную УВКБ ООН в марте 2012 г.

2. В июле 2012 г. Международный комитет Красного Креста принял решение считать конфликт в Сирии вооруженным конфликтом международного характера, что предусматривает действие международного гуманитарного права во всех регионах, где ведутся военные действия³. По данным на 11 декабря 2012 г., более 509 тыс. граждан Сирии зарегистрировались или ожидают регистрации в соседних странах: Иордании, Ливане, Турции и Ираке, а также странах Северной Африки⁴. Кроме того, более 25 500 заявлений о предоставлении убежища было подано гражданами Сирии в странах Западной Европы с апреля 2011 г.⁵ В настоящее время около 1,2 млн лиц являются перемещенными в пределах самой Сирии⁶, многие из них живут в неудовлетворительных условиях⁷. Гуманитарная ситуация продолжает усугубляться: по предварительным данным, около 4 млн граждан Сирии стали жертвами конфликта и в данное время нуждаются в гуманитарной помощи⁸. Вследствие разрушения медицинских учреждений и бегства медицинского персонала огромное число граждан лишилось медицинской помощи⁹. Доступ к образованию ограничен по причине использования школ в качестве убежищ для внутренне перемещенных лиц, а также повреждения школьных зданий в результате конфликта¹⁰. С приходом зимы холод, нехватка необходимой одежды, мест укрытия и отопления представляют угрозу для многих семей¹¹. Реагируя на сложившуюся ситуацию, агентства ООН совместно с национальными и международными партнерами расширили масштаб своей деятельности в соответствии с Планом ответных мер по предоставлению гуманитарной помощи в Сирии¹².

3. ООН и средства массовой информации продолжают сообщать о непрекращающихся актах насилия и убийствах в Сирии¹³. С момента начала беспорядков в марте 2011 г. поступали сообщения о серьезных, широко распространенных и систематических нарушениях прав человека, включая казни без суда и следствия, пытки, произвольные аресты и использование тяжелого оружия против мирного населения¹⁴. Как сообщается, 16 декабря 2012 г. 8 человек было убито и многие ранены в лагере Ярмук, самом большом лагере для палестинских беженцев в Дамаске, в результате первого, согласно поступившей информации, авиаудара по этому лагерю. Сообщается, что после нападения многие жители покинули лагерь, в котором царит хаос вследствие противостояния различных группировок¹⁵. По предварительным данным, по состоянию на ноябрь 2012 г. количество погибших составляет от 20 до 40 тыс. человек¹⁶. Жертвами насилия становятся наиболее незащищенные категории населения, например дети. Последние отчеты продолжают свидетельствовать о большом влиянии военного противостояния на детей¹⁷ и их очевидном вовлечении в конфликт¹⁸. По некоторым сведениям, дети также становились жертвами вербовки для участия в вооруженном конфликте¹⁹. Продолжают поступать сведения о случаях сексуального насилия, в основном по отношению к женщинам и девочкам, но иногда также по отношению к мужчинам и мальчикам, особенно во время домашних обысков и на пропускных пунктах, а также в заключении²⁰.

4. УВКБ ООН высоко ценит тот факт, что большинство соседних стран оставили границы открытыми и продолжили принимать граждан Сирии и других лиц, покидающих страну в поисках безопасности и защиты, и призывает эти страны в дальнейшем поступать таким же образом. Граждане Сирии и лица, постоянно проживавшие в этой стране, будут и далее нуждаться в международной защите до тех пор, пока ситуация в стране не улучшится, что позволит им добровольно вернуться в страну в условиях безопасности. Граждане Сирии или лица, постоянно проживающие в Сирии, нуждающиеся в международной защите, которые обратились в УВКБ ООН или к правительствам принимающих стран, были зарегистрированы или находятся в процессе регистрации, в соответствующих случаях в качестве лиц, нуждающихся в международной защите, и получают помощь. УВКБ ООН призывает государства предоставлять прибывающим заявителям международную защиту и соответствующие права, форма которых может варьироваться в зависимости от того, каким образом будет развиваться ситуация в Сирии, а также от возможностей принимающих государств рассматривать заявления и размещать беженцев на своей территории.

5. Чрезвычайно важно, чтобы защита, предоставляемая лицам, покидающим Сирию, базировалась на уважительном обращении, которое предусматривает соблюдение основополагающих принципов гуманности и достоинства этих лиц, а также обеспечивала минимальные гуманитарные стандарты, включая:

- а) доступ на территорию и безопасность;
- б) защиту от высылки (*refoulement*);
- в) доступ к жизненно необходимым ресурсам, включая:
 - i) удовлетворительные жилищные и санитарные условия (в специально отведенных помещениях или обеспечиваемые принимающей общиной);
 - ii) питание;
 - iii) медицинское обслуживание;
 - iv) начальное образование;
- г) документы, удостоверяющие личность;
- д) соблюдение принципа единства семьи и, при необходимости, специальную защиту детей, особенно детей без сопровождения/разлученных с родителями, включая помощь в поисках родных;
- е) соблюдение принципов недискриминации и свободы передвижения²¹.

6. Кроме того, следует принять меры относительно психологических нужд и потребностей в защите и других потребностей отдельных групп, например жертв пыток, лиц, перенесших психологическую травму или пострадавших от сексуального насилия. Это возможно сделать посредством организации психологических консультаций, выполнения мер по предоставлению защиты и медицинской помощи, включая обеспечение условий проживания, психологического и физического благополучия²².

7. Принимая во внимание ситуацию насилия и конфликта, в которой находится Сирия, можно предположить, что среди лиц, покидающих страну и обращающихся за международной защитой в соседних странах, есть и те, кто принимал участие в военных действиях, а именно — военные²³ или вооруженные элементы²⁴. УВКБ ООН призывает соответствующие государства приложить все усилия для того, чтобы выявить среди прибывающих из Сирии военных и вооруженных элементов, принимавших участие в конфликте на любой стороне, и располагать их отдельно, в соответствии с гуманитарным и гражданским характером убежища. С лицами, идентифицированными как военные или вооруженные элементы, включая детей, связанных с вооруженными силами или группами, следует обращаться в соответствии с существующими нормами применимого международного права²⁵.

8. Хотя большинство граждан Сирии и других лиц, покидающих страну, остаются в пределах региона, все большее число людей обращаются за международной защитой в более отдаленных странах. Когда такие лица попадают в страны с сформировавшейся системой убежища, им должны быть обеспечены доступ на территорию, процедура получения статуса беженца и соответствующие права, а их заявления должны быть рассмотрены честно и эффективно. Задержание лиц, ищущих убежища, должно иметь место только в исключительных случаях как последнее возможное средство. УВКБ ООН полагает, что большинство граждан Сирии, обращающихся за международной защитой, будут соответствовать критериям понятия «беженец», приведенного в Конвенции 1951 г. о статусе беженцев, поскольку в большинстве случаев их обоснованные опасения преследований будут связаны с одной из конвенционных причин²⁶. В тех случаях, когда будет установлено, что лица не отвечают конвенционным критериям, следует применять²⁷ критерии для предоставления дополнительных форм защиты, включая те, которые разработаны в обязательных или факультативных региональных принципах или режимах предоставления защиты, а также ситуационно обусловленные критерии предоставления статуса беженца²⁸.

9. Поскольку ситуация в Сирии является нестабильной и еще некоторое время может оставаться неопределенной, УВКБ ООН признательно за то, что правительства приняли меры для того, чтобы приостановить принудительное возвращение граждан или постоянных жителей этой страны, включая тех, кому было отказано в предоставлении статуса беженца. Подобные меры должны приниматься до тех пор, пока ситуация с безопасностью и правами человека не улучшится в достаточной мере для того, чтобы обеспечить безопасное, достойное и надежное возвращение. УВКБ ООН настоятельно рекомендует всем странам на данный момент сохранять мораторий на возвращение в Сирию, ожидая оценки, которая покажет, что изменившаяся ситуация позволяет возвращение в условиях безопасности.

10. УВКБ ООН призывает страны, не находящиеся в непосредственной близости к Сирии, принять конкретные серьезные меры для выражения солидарности, особенно с целью разделения ответственности по предоставлению защиты, которую на данный момент несут граничащие с Сирией государства.

11. Кроме того, УВКБ ООН призывает страны, которые признали граждан Сирии беженцами в результате проведения индивидуального собеседования, дать им возможность реализовать свое право на сохранение целостности семьи. Важным выражением солидарности может счи-

таться не только уважение основоположного права на сохранение целостности семьи, но и обеспечение его реализации посредством воссоединения семьи. Более того, способствование воссоединению семьи может предотвратить опасное перемещение, зачастую при участии торговцев людьми, членов семьи лиц, признанных нуждающимися в международной защите, из стран, граничащих с Сирией, с целью воссоединения с членами семьи в тех странах, где им было предоставлено убежище.

12. Настоящее руководство предназначено для государств, переживающих приток граждан из Сирии, и будет обновляться по мере развития событий в стране.

УВКБ ООН,
декабрь 2012 г.

¹ Верховный комиссар ООН по делам беженцев: Соображения по вопросу международной защиты лиц, покидающих Сирийскую Арабскую Республику, июнь 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=4fedafad2>>.

² Верховный комиссар ООН по делам беженцев: Позиция УВКБ ООН относительно возвращений в Сирийскую Арабскую Республику, 2 марта 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=4f7595d52>>.

³ Международный комитет Красного Креста (МККК): Сирия: МККК и Сирийский Арабский Красный Полумесяц продолжают предоставлять помощь в условиях ужесточающихся военных действий, 17 июля 2012 г.: <<http://www.icrc.org/eng/resources/documents/update/2012/syria-update-2012-07-17.htm>>. См. также: Аль-Джазира: Красный Крест квалифицирует сирийский конфликт как гражданскую войну, 16 июля 2012 г.: <<http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2012/07/2012716231913738.html>> (на англ. яз.). Заявление МККК о том, что конфликт имеет не международный характер, отменяет предыдущее заявление МККК о том, что ситуация достигла порога вооруженного конфликта не международного характера в отдельных районах, в частности Идлиба, Хомса и Хамы. Касательно предыдущего заявления МККК см.: Рейтер: Некоторые проявления насилия в Сирии достигают масштабов гражданской войны / Красный Крест, 8 мая 2012 г.: <<http://www.reuters.com/article/2012/05/08/us-syria-redcross-idUSBRE8470D920120508>> (на англ. яз.).

⁴ Верховный комиссар ООН по делам беженцев: Число сирийских беженцев, зарегистрированных в регионе, достигло 500 тыс., 11 дек. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50c717a92.html>> (на англ. яз.). Регулярно обновляемые данные о количестве зарегистрированных граждан Сирии см.: Сирийский региональный портал для размещения информации о положении беженцев: <<http://data.unhcr.org/syrianrefugees>>.

⁵ Приведенные данные включают заявления «на месте» (*sur place*) и повторные заявления в соответствии с данными по обращениям с заявлениями в базе данных ЕВРОСТАТ, 10 дек. 2012 г.: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database> (на англ. яз.). Относительно положения граждан Сирии в Европе см. также: Центр новостей ООН: ООН призывает Европейский союз придерживаться принципов предоставления убежища на фоне непрекращающегося потока граждан, покидающих Сирию, 16 окт. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/508542d72.html>> (на англ. яз.).

⁶ См.: Управление ООН по координации гуманитарной деятельности: ООН: в Сирии расплачиваются простые люди, 3 дек. 2012 г.: <<http://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/united-nations-ordinary-people-paying-price-syria-enar>> (на англ. яз.); Управление ООН по координации гуманитарной деятельности, Сирийский гуманитарный пресс-бюллетень. Вып. 13. 12–26 нояб. 2012 г., 29 нояб. 2012 г.: <<http://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/syria-humanitarian-bulletin-issue-13-12-%E2%80%9326-november-2012-enar>> (на англ. яз.).

⁷ Например, в Хомсе в ноябре 2012 г. многие проживали в неотапливаемых общественных приютах. См.: Верховный комиссар ООН по делам беженцев: Группа экспертов по оценке УВКБ ООН обнаруживает ужасные условия жизни в Хомсе, 30 нояб. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50bc62952.html>> (на англ. яз.).

⁸ Управление ООН по координации гуманитарной деятельности: ООН: в Сирии расплачиваются простые люди, 3 дек. 2012 г.: <<http://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/united-nations-ordinary-people-paying-price-syria-enar>> (на англ. яз.).

⁹ Объединенная региональная информационная сеть (ОРИС): Сирия: Крах системы здравоохранения, 11 дек. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50c72c32.html>> (на англ. яз.). Кроме того, как сообщается, медицинские работники стали жертвами нападений (см., напр.: MédecinsduMonde: Доктора призывают к срочным мерам для предотвращения зимней катастрофы, 10 дек. 2012 г.): <<http://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/doctors-call-urgent-action-avert-winter-catastrophe>> (на англ. яз.). См. также сноску 6.

¹⁰ См., напр.: Центр новостей ООН: ЮНИСЕФ осуждает минометный обстрел сирийской школы, 5 дек. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50c1bc712.html>>. См. также ссылку 6.

¹¹ См. также ссылку 6.

¹² Управление ООН по координации гуманитарной деятельности: Проект плана ответных мер по предоставлению гуманитарной помощи в Сирии, 25 окт. 2012 г.: <<http://www.unocha.org/cap/appeals/draft-syria-humanitarian-assistance-response-plan-2012>> (на англ. яз.).

¹³ См., напр.: Радио «Свободная Европа»/«Свобода»: Глава ООН «шокирован» насилием в Сирии, 30 нояб. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50c209891f.html>> (на англ. яз.); The New York Times: Неудавшееся перемирие и непрекращающееся насилие в Сирии, 29 окт. 2012 г.: <<http://www.nytimes.com/2012/10/30/world/middleeast/attacks-continue-during-failed-holiday-truce-insyria.html>> (на англ. яз.); Associated Press: Глава ООН: Обе стороны в Сирии являются правонарушителями, 4 сент. 2012 г.: <<http://bigstory.ap.org/article/germany-urges-syria-opposition-ready-transition>> (на англ. яз.).

¹⁴ См., напр.: Совет по правам человека ООН: Ситуация с правами человека в Сирийской Арабской Республике: резолюция / принята Советом по правам человека, 17 окт. 2012 г., док. ООН А/НRC/RES/21/26: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50ad6e0d2.html>> (на англ. яз.) и Совет по правам человека ООН: Отчет Независимой международной следственной комиссии по Сирийской Арабской Республике, 16 авг. 2012 г., док. ООН А/НRC/21/50: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/503485d02.html>> (на англ. яз.); Верховный комиссар ООН по правам человека: Со-

гласно резолюциям Совета по правам человека ООН-17/1, 19/22 и 21/26, была создана Независимая международная следственная комиссия по Сирийской Арабской Республике, 20 дек. 2012 г.: <<http://www.ohchr.org/Documents/Countries/SY/ColSyriaDecember2012.pdf>> (на англ. яз.). См. также: Associated Press: Глава ООН призывает Сирию перестать использовать тяжелое оружие, 2 окт. 2012 г.: <<http://bigstory.ap.org/article/un-chief-urged-syria-stop-using-heavy-weapons>>.

¹⁵ См., напр.: Аль-Джазира: Сирийские войска окружают палестинский лагерь, 17 дек. 2012 г.: <<http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2012/12/2012121717419248502.html>> (на англ. яз.); The Guardian: Сирийский реактивный самолет сбрасывает ракету на лагерь палестинских беженцев в Дамаске, 16 дек. 2012 г.: <<http://www.guardian.co.uk/world/2012/dec/16/syrian-rocket-palestinian-refugee-camp>> (на англ. яз.).

¹⁶ См.: Радио «Свободная Европа»/«Свобода»: Глава ООН «шокирован» насилием в Сирии, 30 нояб. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50c209891f.html>> (на англ. яз.) и Центр новостей ООН: Совет Безопасности должен собраться для разрешения кризиса в Сирии — посол ООН и Лиги арабских государств, 29 нояб. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50b8ae572.html>> (на англ. яз.). См. также: Агентство «Франс Пресс»: Штурм и воздушные атаки обрушиваются на Сирию, увеличивая количество жертв: <<http://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/attacks-air-strikes-hitsyria-death-toll-mounts>> (на англ. яз.).

¹⁷ См., напр.: Хьюман Райтс Вотч: Сирия: Дети стали жертвами кассетных бомб, 27 нояб. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50b8a3592.html>> (на англ. яз.). См. также: Офис Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросам детей в ситуации вооруженных конфликтов: Специальный представитель Генерального секретаря ООН по вопросам детей в ситуации вооруженных конфликтов г-жа Церроуги осуждает убийства сирийских детей в ходе правительственных воздушных атак, 19 окт. 2012 г.: <<http://childrenandarmedconflict.un.org/pressreleases/srsg-zerrougui-condemns-the-killing-of-syrian-children-in-government-airstrikes>>.

¹⁸ По данным Офиса Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросам детей в ситуации вооруженных конфликтов: «ситуация для детей в Сирии ужасна. Сотрудники моего офиса и другие представители ООН задокументировали нападение на школы, отказ детям в доступе к медицинской помощи, страдания и смерть мальчиков и девочек в ходе бомбардировок районов, в которых они проживают, а также пытки, включая сексуальное насилие, продолжающиеся иногда в течение недель. С момента опубликования данного отчета представители моего офиса также получили подтверждения о нарушениях со стороны неправительственных вооруженных групп в Сирии. Мы получили информацию относительно неизбирательных бомбардировок, в результате которых погибли дети в Дамаске и других регионах; мы также продолжаем документировать случаи, спровоцированные вооруженными силами, такими как Свободная сирийская армия, в рядах которых могут находиться дети...» См.: Офис Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросам детей в ситуации вооруженных конфликтов: Открытое обсуждение заявления Совета Безопасности, 19 сент. 2012 г.: <<http://childrenandarmedconflict.un.org/statements/19-sept-2012-open-debate-security-council-statement>> (на англ. яз.).

¹⁹ Например, по сообщениям организации Хьюман Райтс Вотч, мальчиков в возрасте 14 лет забирали на службу в качестве солдат, охранников и наблюдателей в ряды оппозиционных групп: Хьюман Райтс Вотч: Сирия: Оппозиция использует детей в конфликте, 29 нояб. 2012 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50b8a47c2.html>> (на англ. яз.).

²⁰ Как сообщает глава Следственной комиссии ООН Пауло Пинхейро: «у нас есть веские доказательства касательно самовольных расправ, насильственных исчезновений, произвольных заключений, пыток и сексуального насилия с обеих сторон...»; Аль-Джазира: Поступают сообщения о широко распространенных нарушениях прав в Сирии, 17 сент. 2012 г.: <<http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2012/09/201291784743116694.html>> (на англ. яз.). См. также: Совет по правам человека ООН: Ситуация с правами человека в Сирийской Арабской Республике: резолюция/принята Советом по правам человека ООН, 17 окт. 2012 г., док. ООН A/HRC/RES/21/26: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/50adeeod2.html>> (на англ. яз.).

²¹ См., напр.: Заключение Исполнительного комитета программы Верховного комиссара ООН по делам беженцев № 22 (XXXI) — 1981 год: Защита лиц, ищущих убежища, в ситуациях их массового притока / Верховный комиссар ООН по делам беженцев // Тематический сборник решений Исполнительного комитета. Вып. 6. 2011. Июнь: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/4f50cfbb2.html>> (на англ. яз.).

²² См., напр.: заключение Исполнительного комитета программы Верховного комиссара ООН по делам беженцев № 93 (LIII) — 2002 год: Прием лиц, ищущих убежища, в контексте индивидуальных систем предоставления убежища: <<http://www.unhcr.org/3dafdd344.html>> (на англ. яз.).

²³ УВКБ ООН использует термин «военный» в более широком значении, чем оно фигурирует в международном гуманитарном праве, и употребляет его в отношении «любого члена, мужчины или женщины, регулярных войск или нерегулярных вооруженных групп, а также тех, кто принимал активное участие в военных и боевых действиях или выполнял задания по вербовке и подготовке военного персонала; тех, кто командовал или занимал должность распорядителя в какой-либо вооруженной организации, регулярной или нерегулярной, и оказался в принимающем государстве». См.: Верховный комиссар ООН по делам беженцев: Практические рекомендации по поддержанию гражданского и гуманитарного характера убежища. 2006. Сентябрь. С. 17: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/452b9bca2.html>> (на англ. яз.).

²⁴ Термин «вооруженные элементы» относится ко всем, как гражданским, так и военным лицам, имеющим при себе оружие. Он также включает гражданских лиц, которые носят оружие в целях самозащиты и по причинам, связанным с военной деятельностью. В то время как все вооруженные элементы должны быть разоружены при пересечении границы с принимающим государством, только военные должны быть отделены и задержаны. См.: Верховный комиссар ООН по делам беженцев: Практические рекомендации по поддержанию гражданского и гуманитарного характера убежища. 2006. Сентябрь. С. 17: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/452b9bca2.html>> (на англ. яз.).

²⁵ Включая международное право в области прав человека и международное гуманитарное право. В принципе дети, связанные с вооруженными силами или группами, не должны быть задержаны, однако исключения могут составлять дети в возрасте от 15 лет по причинам, связанным с конфликтом. В таких случаях детям должны быть обеспечены особые условия, предусмотренные международным гуманитарным правом и правом в области прав человека. См.: Верховный комиссар ООН по делам беженцев: Практические рекомендации по поддержанию гражданского и гуманитарного характера убежища. 2006. Сентябрь. <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/452b9bca2.html>> (на англ. яз.).

²⁶ Методы ведения боевых действий в Сирии включают обстрел или другие формы атаки на целые районы, якобы по причинам действительной или предполагаемой поддержки другой стороны конфликта. Такие действия наряду с системными и достоверными сообщениями о нарушениях прав человека обеими сторонами конфликта указывают на то, что значительное число сирийских граждан покинули Сирию из-за вполне обоснованных опасений, базирующихся

на их подлинных или приписанных им политических убеждениях. Кроме того, сообщается, что группы меньшинств, такие как православные армяне и другие христиане, друзы, палестинцы и алавиты, все в большей степени вовлекаются в конфликт, который приобретает все более межконфессиональный характер. Члены общин национальных меньшинств могут иметь обоснованные опасения преследований в связи с их расовой или национальной принадлежностью. Однако другие конвенционные причины также могут быть актуальны в зависимости от обстоятельств каждого отдельного случая. Относительно нападений на целые районы см., напр.: Управление Верховного комиссара ООН по правам человека: Верховный комиссар ООН по правам человека Нави Пиллэй: Заявление, обращенное к участникам дополнительного мероприятия на 21-й сессии Совета по правам человека ООН на тему «Быть свидетелем: права человека и ответственность в Сирии», 19 сент. 2012 г.: <<http://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12491&LangID=E>> (на англ. яз.). В отношении возрастающего сектантства и положения групп меньшинств в конфликте см.: Верховный комиссар ООН по правам человека, Международная независимая следственная комиссия по Сирийской Арабской Республике, учрежденная согласно резолюциям Совета по правам человека ООН S-17/1, 19/22 и 21/26, периодическое обновление, 20 дек. 2012 г.: <<http://www.ohchr.org/Documents/Countries/SY/ColSyriaDecember2012.pdf>> (на англ. яз.). Имеются также сведения о неизбирательных нападениях, включая обстрел, со стороны оппозиционных сил; см., напр.: Агентство «Франс Пресс»: Сирийские повстанцы обстреливают ключевую для войск Асада территорию, 8 нояб. 2012 г., опубликовано в ряде источников новостей, включая World News Australia: <<http://www.sbs.com.au/news/article/1708757/Syria-rebels-shell-key-pro-Assad-area>> (на англ. яз.).

²⁷ См.: Организация африканского единства: Конвенция по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке (Конвенция ОАЕ), 10 сент. 1969 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae6b36018.html>> (на англ. яз.); Европейский союз: директива Совета ЕС 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. «О минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в иной форме международной защиты, и содержания предоставляемой защиты»: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/4157e75e4.html>> (на англ. яз.); Картагенская декларация о беженцах, Коллоквиум по вопросам предоставления международной защиты беженцам в Центральной Америке: Мексика и Панама, 22 нояб. 1984 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae6b36ec.html>> (на англ. яз.); Азиатско-африканская юридическая консультативная организация: Бангкокские принципы относительно статуса беженцев и обращения с ними («Бангкокские принципы»), 31 дек. 1966 г.: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3de5fd52.html>> (на англ. яз.).

²⁸ Этот термин используется для того, чтобы различать критерии международной защиты, основанные на определенных личных обстоятельствах того или иного лица (как, например, обстоятельства, связанные с условиями Конвенции 1951 г. о статусе беженцев), и критерии защиты, порожденные общей ситуацией, в которой находятся все люди на определенной территории.

Перевод подготовлен Представительством УВКБ ООН в Украине

МЕМОРАНДУМ К МЕТОДИЧЕСКИМ РЕКОМЕНДАЦИЯМ УВКБ ООН ПО ОЦЕНКЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЦ, ИЩУЩИХ УБЕЖИЩА, ИЗ АФГАНИСТАНА

6 августа 2013 г.

1. Методические рекомендации, выпущенные УВКБ ООН, представляют собой руководящие принципы по оценке потребностей в международной защите лиц, ищущих убежища, из Афганистана. Они заменяют собой Методические рекомендации УВКБ ООН по оценке потребностей в международной защите лиц, ищущих убежища, из Афганистана, изданные в 2010 г. (на англ. яз. данные Методические рекомендации можно найти: <http://www.refworld.org/docid/51ffdca34.html>). — Прим. ред.).

2. Их издание предпринято на фоне ухудшающейся ситуации в сфере безопасности в отдельных частях Афганистана, которая остается непредсказуемой и при которой гражданское население испытывает на себе всю тяжесть конфликта. После незначительного уменьшения числа жертв среди гражданского населения (смертей и травм) в первой половине 2012 г. ситуация изменилась на противоположную во второй половине 2012 г. В первой половине 2013 г. число жертв среди гражданского населения приблизилось к рекордной отметке, зарегистрированной в 2011 г. Антиправительственные группировки (АПГ) сместили акцент нападений с Международных сил содействия безопасности (МССБ) на афганские цели, что привело к значительному увеличению числа убийств местных гражданских лидеров и общей кампании запугивания, направленной на установление контроля над общинами в сельской местности.

3. Согласно имеющейся информации, во многих регионах страны афганцы, проживающие в сельской местности, воспринимают АПГ как силу, которая де-факто осуществляет контроль над территорией. Если ранее конфликт (вооруженный. — Прим. ред.) проявлялся в основном на юге и востоке (Афганистана. — Прим. ред.), то в настоящее время он затрагивает большинство регионов страны. Жестокие нападения мятежников происходят не только в городах, но и в сельской местности. Последнее достаточно слабо освещается в средствах массовой информации. Ситуация в будущем непредсказуема ввиду: i) неопределенности мирных переговоров с движением «Талибан»; ii) вывода МССБ к концу 2014 г. и передачи ответственности в сфере безопасности афганским силам безопасности; iii) президентских выборов и выборов в местные органы власти, назначенных на 5 апреля 2014 г.; iv) наличия проблем в вопросах установления верховенства закона и уважения прав человека.

4. В следующих пунктах кратко излагаются основные рекомендации УВКБ ООН:

а) все ходатайства, поданные лицами, ищущими убежища, из Афганистана, должны рассматриваться по существу в рамках справедливых и эффективных процедур определения статуса беженца и с использованием самой последней и актуальной информации о стране происхождения. Это относится к ходатайствам, которые оцениваются на основании как критериев статуса беженца, содержащихся в Конвенции 1951 г. о статусе беженцев, мандате УВКБ ООН, региональных правовых инструментах в сфере права беженцев, так и более широких критериев международной защиты, включая дополнительные формы защиты;

б) УВКБ ООН считает, что лица, ищущие убежища, из Афганистана, входящие в перечисленные ниже группы, в зависимости от индивидуальных обстоятельств конкретного дела могут нуждаться в международной защите. В перечень групп риска, который, впрочем, не является исчерпывающим и не представляет собой какой-либо иерархичной структуры, входят:

i) лица, ассоциируемые с правительством (Афганистана. — Прим. ред.) и международным сообществом, МССБ, а также лица, воспринимаемые как те, которые оказывают им поддержку;

ii) журналисты и другие профессиональные работники средств массовой информации;

iii) мужчины и мальчики призывного возраста;

iv) гражданские лица, подозреваемые в оказании поддержки вооруженным антиправительственным формированиям;

v) члены религиозных меньшинств и лица, считающиеся нарушителями законов шариата;

vi) лица, воспринимаемые как нарушители принципов ислама, норм и ценностей в их интерпретации движением «Талибан»;

vii) женщины;

viii) дети;

ix) жертвы торговли людьми или принудительного труда и лица, которые могут стать жертвами торговли людьми или принудительного труда;

- x) лесбиянки, гомосексуалисты, бисексуалы, трансгендерные люди и интерсексуалы;
- xi) представители этнических групп (меньшинств);
- xii) лица, вовлеченные в кровную вражду/кровную месть; и
- xiii) лица (и члены их семей), занимающиеся предпринимательской деятельностью, и иные состоятельные люди;

c) Методические рекомендации заостряют внимание на влиянии вооруженного конфликта в Афганистане на гражданское население. Лица, спасающиеся бегством от насилия или угрозы применения насилия в период данного конфликта, могут соответствовать критериям предоставления статуса беженца, содержащимся в статье 1(A)(2) Конвенции 1951 г. о статусе беженцев, при условии наличия разумной вероятности того, что им может быть причинен серьезный вред, влекущий за собой преследование в силу причин, изложенных в статье 1(A)(2) Конвенции. Нарушения прав человека и иные последствия применения насилия в ходе конфликта могут приводить к преследованию в силу конкретного воздействия или по совокупности причин в соответствии с положениями статьи 1(A)(2) Конвенции¹. В Методических рекомендациях изложены соответствующие факторы, рассматривающиеся в контексте конфликта в Афганистане;

d) Методические рекомендации представляют собой детализированное руководство по оценке потребности в международной защите в соответствии с расширенными критериями мандата УВКБ ООН² и региональными (правовыми. — *Прим. ред.*) инструментами. Ввиду неустойчивого, постоянно изменяющегося характера конфликта в Афганистане ходатайство каждого лица о предоставлении международной защиты с учетом расширенного мандата УВКБ ООН, определений, содержащихся в региональных (правовых. — *Прим. ред.*) инструментах или в контексте института дополнительной защиты должно быть тщательно оценено, исходя из представленных заявителем доказательств и иных актуальных и достоверных сведений о ситуации в Афганистане, с уделением должного внимания оценке потребности в международной защите в будущем;

e) при оценке возможности применения в отношении лиц, ищущих убежища, из Афганистана внутреннего перемещения как альтернативы международной защите, должны быть приняты во внимание следующие соображения:

- i) изменчивость и неустойчивость вооруженного конфликта в Афганистане с точки зрения сложности определения потенциальных мест для (внутреннего. — *Прим. ред.*) перемещения, безопасных на протяжении длительного периода времени; и
- ii) конкретные перспективы возможности безопасного переезда в район предполагаемого перемещения с учетом рисков, связанных с широким использованием самодельных взрывчатых устройств и фугасов на всей территории страны, нападениями и боестолкновениями, происходящими на дорогах, а также ограничением свободы передвижения гражданского населения, налагаемым АПГ.

УВКБ ООН считает, что внутреннее перемещение как альтернатива международной защите невозможно в районах, серьезно пострадавших от конфликта. УВКБ ООН также считает, что данная альтернатива невозможна в районах страны, которые действительно контролируются АПГ, за исключением лиц, которые ранее установили контакты с руководством/лидерами АПГ на предполагаемой территории перемещения. Приемлемость применения внутреннего перемещения как альтернативы международной защите должна рассматриваться на индивидуальной основе, с учетом ситуации в области безопасности, прав человека и гуманитарной обстановки на предполагаемой территории перемещения в момент вынесения решения. УВКБ ООН считает, что внутреннее перемещение как альтернатива международной защите может быть приемлемым только в том случае, когда лицо может рассчитывать на значительную поддержку своей (расширенной) семьи, общины или племени на территории предполагаемого перемещения. Единственным исключением (из предыдущего. — *Прим. ред.*) являются неженатые трудоспособные мужчины и женатые (супружеские. — *Прим. ред.*) пары трудоспособного возраста, которых явно нельзя отнести к каким-либо уязвимым группам. При определенных обстоятельствах они смогут прожить без поддержки семьи и общины в городах и населенных пунктах городского типа³, в которых есть необходимая инфраструктура и возможности для обеспечения себя средствами к существованию и удовлетворению базовых потребностей и которые эффективно контролируются властями;

f) ввиду серьезных нарушений прав человека и норм международного гуманитарного права в течение длительного периода вооруженных конфликтов в Афганистане в отношении (ряда/определенных. — *Прим. ред.*) лиц, ищущих убежища, из Афганистана могут быть применены положения об исключении, согласно статье 1(F) Конвенции 1951 г. о статусе беженцев. Тщательное рассмотрение должно осуществляться в отношении следующих категорий лиц:

- i) бывших военнослужащих и сотрудников разведывательных служб либо сил государственной безопасности, в том числе агентов ХАД/ВАД и должностных лиц коммунистических режимов;
- ii) лиц, ранее состоявших в рядах вооруженных формирований и ополчения как во время, так и после коммунистических режимов;
- iii) (бывших) сторонников движения «Талибан», группировок Хаккани (*Haqqani Network*), партии Хезб-е-Ислами (*Hezb-e-Islami*) Хекматиара⁴ и других АПГ;
- iv) (бывших) сотрудников Национальных сил безопасности Афганистана, включая Национальный директорат безопасности, Национальную полицию Афганистана и Местную полицию Афганистана; и
- v) (бывших) членов группировок и сообществ, вовлеченных в организованную преступность.

5. Методические рекомендации призваны, в том числе, оказать помощь лицам, непосредственно осуществляющим оценку ходатайств о предоставлении международной защиты, поданных лицами, ищущими убежища, из Афганистана, включая сотрудников УВКБ ООН и всех ответственных за выработку государственной политики в отношении указанной группы лиц. Документ предназначен для внешнего публичного распространения, и поэтому информация, содержащаяся в нем, должна быть доведена до всех заинтересованных партнеров из числа государственных органов и неправительственных организаций.

¹ См. пункт 53 Руководства УВКБ ООН по процедурам и критериям определения статуса беженцев, согласно Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Протоколу 1967 г., касающемуся статуса беженцев: «53. Кроме того, проситель может подвергаться различным видам воздействия, которые сами по себе не подпадают под определение понятия "преследования" (в частности, дискриминация в различных формах), в некоторых случаях в сочетании с другими неблагоприятными факторами (например, общая обстановка небезопасности в стране происхождения). В таких случаях различные элементы, вместе взятые, воздействуют на психологическое состояние просителя таким образом, что они могут быть определены как претензии на вполне обоснованные опасения преследований на «совокупной основе». Надо ли говорить, что здесь невозможно выработать общее правило относительно того, какие совокупные причины могут вызвать обоснованные требования о предоставлении статуса беженца. Это, несомненно, будет зависеть от всех обстоятельств, включая конкретные географические, исторические и этнологические условия».

² Имеются в виду те случаи, когда лицо, ищущее убежища, не отвечает критериям предоставления статуса беженца, согласно Конвенции 1951 г. о статусе беженцев, но находится за пределами страны своей гражданской принадлежности или прежнего места жительства и не может туда вернуться ввиду серьезных и вполне обоснованных угроз жизни, физической неприкосновенности или свободе вследствие общего насилия или событий, серьезно нарушающих общественный порядок.

³ В данном случае «населенный пункт городского типа» — это перевод выражения «*semi-urban areas*» из оригинала документа. В документе отсутствуют какие-либо пояснения, которые бы позволили сделать наиболее близкий по смыслу перевод.

⁴ Имеется в виду Гульбуддин Хекматияр, лидер партии «Хезб-е-Ислами».

Перевод подготовлен Представительством УВКБ ООН в Республике Беларусь и МОО «Развитие»

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И КАЗАХСТАНА В РАМКАХ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ ИХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

Галина Гаврилко, Кристина Сивоха

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) являются неотъемлемой частью открытой и эффективно функционирующей экономической системы и главным катализатором экономического развития любого государства. На современном этапе ПИИ как форма международной деловой активности приобретают стратегически важное значение для обеспечения устойчивого роста отдельных экономических субъектов, стран, регионов и мировой экономики в целом. Цель данной статьи — проанализировать инвестиционную привлекательность Беларуси, России и Казахстана в рамках Единого экономического пространства (ЕЭП) и их инвестиционную стратегию, а также определить пути повышения инвестиционной привлекательности стран — членов ЕЭП и перспективы развития инвестиционной политики в этих странах.

Изучением данного вопроса занимались С. Н. Белоусов [1], С. Ю. Глазьев [2], И. С. Турлай [14]. По их мнению, финансовые ресурсы являются наиболее глобализованным элементом мировой экономики. Глобальные дисбалансы в мировой финансовой системе оказывают негативное влияние на посткризисное состояние и развитие международных финансов, а также мировой и национальных экономик. Основным направлением сглаживания этих дисбалансов становится рост влияния развивающихся стран и рынков, в том числе стран с переходной экономикой, в частности СНГ. На современном этапе развития глобальной экономики странам Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, создающим ЕЭП, предстоит воспользоваться благоприятными тенденциями активизации международной инвестиционной деятельности в Евразии; создать предпосылки для расширения инвестиционного сотрудничества с новыми центрами формирования глобальных потоков ПИИ для их привлечения в модернизацию ЕЭП; определить стратегию нового этапа инвестиционной политики в формате ЕЭП.

В качестве важного фактора увеличения притока ПИИ в национальную экономику рассматривается участие страны в процессах региональной экономической интеграции. Так, с 1 января 2012 г. Россия, Беларусь и Казахстан перешли от Таможенного союза к следующему этапу интеграционного строительства — ЕЭП, основными принципами функционирования которого являются обеспечение свободы перемещения не только товаров, услуг, рабочей силы, но и капитала (инвестиций) через границы государств-участников. Целью создания ЕЭП является повышение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности участников нового регионального объединения на международной арене [3; 5].

Следует отметить, что инвестиционный эффект от формирования ЕЭП для стран — членов этого интеграционного образования не будет одинаковым: поступающие инвестиции будут распределяться в регионе неравномерно, с учетом сравнительных конкурентных преимуществ целевых стран инвестирования. Так, ввиду того, что в различных международных рейтингах, отражающих инвестиционную привлекательность экономик мира, Казахстан и Россия занимают в большинстве случаев более высокие позиции, чем Беларусь, последняя может рассчитывать на меньший инвестиционный эффект от создания ЕЭП, чем ее партнеры по объединению (табл. 1).

Способность инвестиций стимулировать экономический рост обуславливает то, что, несмотря на разные структуры экономики и модели управления ими в Беларуси, Казахстане и России, указанными государствами декларируется схожее стремление к созданию привлекательного инвестиционного климата, подчеркивается приоритетность вложения средств в технологическую модернизацию и создание новых высокотехнологических производств.

Вместе с тем, существуют различия в конкретных (отраслевых) приоритетах инвестиционной политики, способах, финансовых и

Авторы:

Гаврилко Галина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Сивоха Кристина Вячеславовна — студент отделения «Мировая экономика» факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Баканов Андрей Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Курадовец Аркадий Иосифович — кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета

**Положение стран ЕЭП в ведущих экономических рейтингах,
влияющих на динамику потоков ПИИ**

Рейтинг	Позиция в рейтинге		
	Беларусь	Россия	Казахстан
Рейтинг ведения бизнеса 2012 (<i>Ease of Doing Business</i>)	69	120	47
Рейтинг экономической свободы 2012 (<i>Index of Economic Freedom</i>)	153	144	65
Рейтинг уверенности прямых иностранных инвесторов 2012 (<i>The A.T. Kearney Foreign Direct Investment Confidence Index</i>)	Не представлена	12	Не представлена
Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2011–2012 (<i>The Global Competitiveness Index</i>)	Не представлена	66	72
Рейтинг восприятия коррупции 2011 (<i>Corruption Perceptions Index</i>)	143	143	120

Источник: [15].

институциональных условиях ее реализации, что, безусловно, находит проявление в различии стратегий инвестиционной политики государств – участников ЕЭП, а также фиксируется в значениях и динамике агрегированных показателей, характеризующих инвестицион-

ную деятельность. В частности, в интегрирующихся государствах наблюдаются заметные расхождения в удельном весе инвестиций ВВП (рис. 1), технологической структуре инвестиций (например, в доле инвестиций в активную часть основных фондов (рис. 2)) и др.

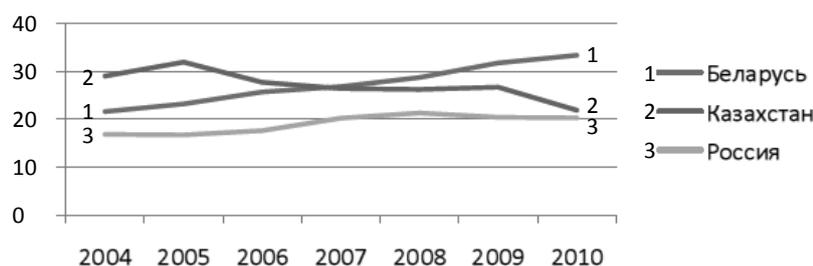

Рис. 1. Динамика удельного веса инвестиций в ВВП Беларуси, Казахстана и России в 2004–2010 гг., %

Источник: [12, с. 72].

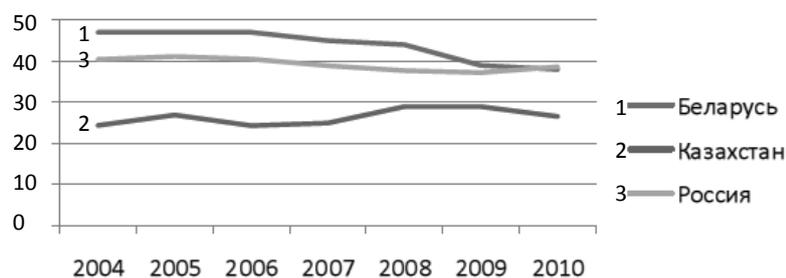

Рис. 2. Динамика удельного веса инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства в структуре инвестиций в основной капитал Беларуси, Казахстана и России в 2004–2010 гг., %

Источник: [12, с. 72].

Можно предположить, что углубление экономической интеграции, подразумевающее устранение барьеров в осуществлении экономической деятельности (в том числе и в сфере движения товаров, услуг и капиталов), будет стимулировать нивелирование различий

в институциональных условиях деятельности и несколько сближать либо способствовать согласованию инвестиционных стратегий интегрирующихся государств. В этой связи рассмотрим действующие стратегии Беларуси, Казахстана и России в инвестиционной сфере.

В числе наиболее важных задач социально-экономического развития Беларуси в 2011—2015 гг. определено совершенствование структуры экономики на основе приоритетного развития ресурсосберегающих, наукоемких и высокотехнологических производств с высокой долей добавленной стоимости и прогрессивных видов услуг. Структурной модернизации экономики должны способствовать планируемая активизация инвестиционных процессов и стимулирование притока в страну прямых иностранных инвестиций. В частности, ожидается, что объем инвестиций в основной потенциал в 2015 г. возрастет в 1,90—1,97 раза относительно 2010 г., а его удельный вес достигнет 37,5% от ВВП (в 2010 г. — 33,3%). Планируемый объем прямых иностранных инвестиций на чистой основе в 2015 г. должен составить не менее 7,0—7,5 млрд дол. США [12, с. 73—74].

При этом согласно Программе деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011—2015 годы в сфере инвестиционной политики ставится задача «кардинально изменить структуру инвестиционного портфеля в пользу средств производства» (в 2010 г. их удельный вес составил только 38 %), а также поддерживать долю иностранных источников в ежегодной структуре инвестиций в основной капитал на уровне не менее 21 % (в 2010 г. — 4,4 %) [12, с. 73—74].

Спецификой инвестиционной стратегии Беларуси является превалирование не столько отраслевого подхода к определению приоритетов инвестирования (что было бы логичным с точки зрения проведения структурной политики), сколько ориентация на ресурсное инвестиционное обеспечение экспортноориентированных и импортозамещающих проектов (хотя и с декларируемыми оговорками о необходимой направленности таких проектов на повышение технологического уровня производств, а также необходимости инвестирования в наукоемкие и стратегически важные для страны производства). Одной из вероятных причин этого является отсутствие сформулированной структурной (прежде всего, промышленной) политики, что препятствует эффективному применению отраслевого подхода. Выбор сделан в пользу финансирования проектов, экономическая эффективность реализации которых более предсказуема в среднесрочной перспективе [7].

Будет продолжена практика заключения соглашений о содействии и взаимной защите инвестиций, имеющих важное значение в привлечении в страну внешних инвестиций. В настоящее время Беларусь имеет действующие соглашения о содействии и взаимной защите инвестиций с 51 государством; еще с 7 странами аналогичные соглашения подписаны, но не вступили в действие (в том числе с США и Францией). При этом, согласно положениям Инвестиционного кодекса Республики Беларусь, иностранным инвесторам предо-

ставлены не менее благоприятные, чем национальным, условия деятельности. Иностранцы, равно как и национальные, инвесторы могут пользоваться в Беларуси рядом преференций при инвестировании и осуществлении деятельности в свободных экономических зонах, сельской местности, малых и средних городах, Парке высоких технологий [12, с. 72].

Стратегия инвестиционной политики Республики Казахстан состоит в стимулировании диверсификации национальной экономики в сторону ускоренного развития отраслей несырьевого сектора. Согласно Стратегическому плану развития Казахстана до 2020 года, доля обрабатывающей промышленности в структуре ВВП составит к 2020 г. не менее 13 %; доля несырьевого экспорта должна возрасти с 10 до 45 %. Для достижения поставленных целевых показателей предполагается в 2011—2015 гг. инвестировать в недобывающие сектора около 20 млрд дол. США. В качестве приоритетных отраслей для инвестирования рассматриваются переработка сельскохозяйственной продукции, производство строительных материалов, переработка нефти, металлургическая, химическая и фармацевтическая промышленность, а также инфраструктурные отрасли, включая транспорт, телекоммуникации и социальную инфраструктуру [10].

Государством также определены перспективные в будущем формы привлечения иностранного капитала: финансовый лизинг, продажа акций крупных предприятий иностранным компаниям, привлечение иностранных инвестиций в венчурное производство (при долевом участии государства или правительственной гарантии).

Важная роль в реализации государственной инвестиционной политики отводится государственным финансовым институтам развития (Национальный инновационный фонд, Корпорация по страхованию экспортных кредитов и инвестиций, Банк Развития Казахстана, Инвестиционный фонд Казахстана, Корпорация по развитию и продвижению экспорта «KAZNEX»), основной целью деятельности которых является содействие диверсификации национальной экономики через создание системы развития и поддержки бизнеса на всех уровнях и эффективное управление инвестиционными ресурсами [8].

Стратегической целью экономического развития России, определенной в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, является достижение ею передовых позиций в глобальной экономической конкуренции и вхождение в 2015—2020 гг. в пятерку стран-лидеров по объему ВВП. Стратегия инвестиционной политики России обусловлена данной целью и подчинена ее реализации [11].

Среди основных направлений перехода экономики России к инновационному социально-ориентированному типу развития Концепцией предусмотрены:

1) создание высококонкурентной институциональной среды, стимулирующей предпринимательскую активность и привлечение капитала в экономику;

2) структурная диверсификация экономики на основе инновационного технологического развития;

3) закрепление и расширение глобальных конкурентных преимуществ России в традиционных сферах (энергетика, транспорт, аграрный сектор, переработка природных ресурсов) [11].

Государство берет на себя обязательство поддерживать объем государственных инвестиций на уровне не менее 4 % ВВП. Прямые иностранные инвестиции должны составлять в течение 2011–2020 гг. 3,1–3,5 % от ВВП [12, с. 78–80].

Сравнительный анализ инвестиционных процессов в Беларуси, России и Казахстане позволяет сделать вывод о более активной инвестиционной политике Беларуси по сравнению с иными странами. Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВВП Беларуси (в 2010 г. — 33,3 %) значительно превышает аналогичные показатели России (20,3 %) и Казахстана (21,9 %) [12, с. 106–107].

Удельный вес инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства в структуре инвестиций в основной капитал в Беларуси и России находится примерно на одинаковом уровне (в 2010 г. — 38,0 и 38,6 % соответственно). При этом Казахстан значительно отстает от других стран по данному показателю (26,5 %) [12, с. 106–107].

В современных условиях экономика стран — участниц ЕЭП значительно различается структурой направлений инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в 2011 г., % к общему объему инвестиций в основной капитал

Страна	Промышленность	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	Строительство	Транспорт и связь	Торговля, ремонт автомобилей	Другие отрасли
Беларусь	40,4	13,0	2,1	11,0	4,4	29,1
Казахстан	55,6	1,8	1,2	15,5	1,8	24,1
Россия	36,7	3,5	3,1	27,9	3,2	25,6

И с т о ч н и к: составлено автором по [13].

В Беларуси наибольший объем инвестиционных ресурсов направляется на развитие промышленности и сельского хозяйства (40,4 и 13,0 % соответственно). В Казахстане максимальный объем инвестиционных ресурсов направляется на развитие промышленности (55,6 %). На втором месте в качестве приоритета выступает транспорт (15,5 %). Для России приоритетными направлениями инвестирования являются промышленность (36,7 %) и транспорт (27,9 %).

Сравнительный анализ динамики наиболее агрегированных показателей, характеризующих инвестиционную политику государств, формирующих ЕЭП, показывает более высокие их значения в Республике Беларусь. Косвенно это указывает на более значимую роль инвестиций в экономическом развитии Беларуси. Вместе с тем, наша страна отстает от своих партнеров в разнообразии применяемых форм инвестирования и инструментов стимулирования инвестиционной деятельности.

При сравнительном анализе структуры источников финансирования инвестиций в основной капитал стран СНГ видно, что доля кредитов банков в Беларуси значительно превышает аналогичный показатель в других странах СНГ (табл. 3). Одной из причин та-

кого явления выступает чрезмерное эмиссионное кредитование экономики Беларуси в предыдущие годы.

По накоплению ПИИ Беларусь также значительно отстает от партнеров по ЕЭП. Накопленный объем ПИИ на конец 2010 г. в Беларуси составил 18,3 % к ВВП против 28,7 % в России и 61,1 % в Казахстане. По объему привлечения ПИИ на душу населения Беларусь также отстает от партнеров по ЕЭП и европейских государств. В 2010 г. в среднем на душу населения в Беларусь было привлечено 142,4 дол. США ПИИ, что ниже аналогичных показателей России практически в 2 раза — 288,3 дол. и более чем в 4 раза показателей Казахстана — 606,1 дол. США (табл. 4).

В свою очередь, объем накопленных ПИИ в Беларуси составляет всего 1048,5 дол. США на душу населения, что является одним из самых низких показателей в странах СНГ и самым низким среди европейских государств.

Так, по состоянию на 1 января 2011 г. среднедушевой объем накопленных ПИИ в Украине составлял 1266,5 дол. США, Армении — 1274,8, Грузии — 1763,1, России — 2961,2, Литве — 4084,0, Латвии — 4821,1, Казахстане — 4950,2, Эстонии — 12 294,6, Чехии — 12 362,5, Ирландии — 55 266,6 дол. США [9].

Таблица 3

Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в январе—сентябре 2011 г., % к общему объему инвестиций в основной капитал

Страна	Бюджетные средства	Собственные средства организаций	Кредиты отечественных банков и заемных средств других организаций	Иностранные инвесторы	Средства населения	Прочие источники
Азербайджан	36,9	19,3	2,2	29,1	3,6	8,9
Армения	19,2	45,6	—	17,1	14,6	3,5
Беларусь	13,3	37,4	32,3	5,6	6,7	4,7
Казахстан	18,7	42,2	10,7	23,2	5,2	—
Кыргызстан	11,5	32,0	0,2	26,5	27,1	2,7
Молдова	5,5	68,8	10,8	9,8	3,2	1,9
Россия	14,4	46,1	11,6	3,6	—	24,3
Таджикистан	57,1	4,7	—	23,4	5,5	9,3
Узбекистан	6,4	50,7	12,8	22,0	—	8,1
Украина	6,8	62,4	15,0	3,1	2,7	10,0

Источники: составлено автором по [16].

Таблица 4

Показатели привлечения и накопления ПИИ в странах ЕЭП в 2006—2010 гг.

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010
Приток ПИИ, млн дол. США:					
Беларусь	354	1805	2180	1886	1350
Россия	29 701	55 073	75 002	36 500	41 194
Казахстан	6278	11 119	14 322	13 771	9961
Приток ПИИ, % к инвестициям в основной капитал:					
Беларусь	3,2	12,7	10,8	10,4	5,8
Россия	16,2	20,2	20,3	13,8	13,6
Казахстан	25,7	35,3	40,0	44,7	23,3
Накопленный объем ПИИ на конец года, млн дол. США:					
Беларусь	2734	4483	6683	8537	9940
Россия	265 873	491 052	215 755	381 962	423 150
Казахстан	32 879	44 590	59 035	72 547	81 352
Накопленный объем ПИИ на конец года, % к ВВП:					
Беларусь	7,4	9,9	11,0	17,4	18,3
Россия	26,9	37,8	12,9	31,0	28,7
Казахстан	40,6	42,5	44,2	66,5	61,1

Источники: составлено автором по [9].

Модернизация инвестиционной политики стран — членов ЕЭП должна осуществляться на основе учета перспективных направлений технологического развития России, Казахстана и Беларуси, а также возможной кооперации предприятий стран — участниц ЕЭП.

Вместе с тем, как показал представленный выше анализ инвестиционных стратегий Беларуси, Казахстана и России, Беларусь отстает от своих партнеров в разнообразии применяемых форм инвестирования и инструментов стимулирования инвестиционной деятельности. Кроме того, Беларусь продолжает оставаться

наименее привлекательной страной с точки зрения внешнего инвестирования. В частности, объем накопленных в Беларуси на начало 2011 г. ПИИ в расчете на душу населения составил 1036 дол. США, в то время как в Казахстане — 5076, в России — 2960 дол. США [12, с. 81].

В целом в текущей ситуации Беларусь должна воспользоваться выгодным географическим положением и включиться в полноценную конкуренцию в регионе за привлечение инвестиций в экономику. Конкурентными преимуществами Беларуси могут стать улучшение делового и инвестиционного климата и

либерализация экономической деятельности в стране. При этом политика привлечения инвестиций в отечественную экономику, в первую очередь, должна быть направлена на то, чтобы привлекаемые инвестиции способствовали созданию высокотехнологичных рабочих мест, росту производительности труда, увеличению экспорта и импортозамещению, а также привлечению передовых технологий [12, с. 81–87].

По оценке Международного валютного фонда, суммарный объем ВВП стран — участниц ЕЭП, исчисленный по паритету покупательной способности, в 2011 г. достиг рекордных 2,73 трлн дол. США. В 2016 г. указанный показатель возрастет, по прогнозу специалистов фонда, до 3,523 трлн дол. США (без учета присоединения к Таможенному союзу и ЕЭП новых участников) [11].

По расчетам Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, суммарный накопленный экономический эффект от создания ЕЭП за период 2011–2030 гг. может достигнуть для трех стран 909 млрд дол. США (в ценах 2010 г.), в том числе для России — 632 млрд дол. США, для Беларуси — 170 и для Казахстана — 106 млрд дол. США. В страновом разрезе эффект составит около 15 % ВВП Беларуси, 3,4 % ВВП Казахстана и 1,9 % ВВП России [4].

Иными словами, экономическая интеграция Беларуси, Казахстана и России в форме общего рынка создает условия для повышения инвестиционной привлекательности всего региона и каждой из стран в отдельности. Возможность эффективного использования этих

условий во многом зависит от того, какие собственные меры предпринимаются странами для улучшения своего делового и инвестиционного климата, что и приведет к соответствующим инвестиционным последствиям для их экономик в результате формирования ЕЭП. Определенные выводы об эффективности экономической интеграции трех стран для потоков ПИИ можно будет сделать спустя несколько лет после запуска ЕЭП.

Таким образом, в рамках единой инвестиционной политики ЕЭП необходимо: обеспечить достаточную для инновационного прорыва долю накопления основного капитала в ВВП и одинаково высокий уровень этого показателя для всех стран ЕЭП; усилить взаимосвязь между инвестиционной и промышленной политикой, ликвидировав дисбалансы в структуре инвестиций в основной капитал промышленности Беларуси, Казахстана и России; оптимизировать структуру инвестиций в основной капитал по источникам финансирования для обеспечения агрессивного кредитования новых производств; пересмотреть политику ввоза и вывоза прямых инвестиций: переориентировать региональные инвестиционные потоки Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации на ЕЭП и страны СНГ; стимулировать инвестиционное сотрудничество с новыми инвесторами с учетом тенденции перемещения инвестиционных глобальных потоков в Азию; использовать методы долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования для оценки перспектив участия стран Таможенного союза и СНГ в международном движении капитала.

Литература

1. Белоусов, С. Н. Единое экономическое пространство. Свободное движение: о соглашениях короткой строкой / С. Н. Белоусов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2011. — № 9. — С. 198–214.
2. Глазьев, С. Ю. Евразийская экономическая интеграция в условиях глобализации / С. Ю. Глазьев // Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачевские науч. чтения (17–18 мая 2012 г.). Т. 1: Доклады. — СПб., 2012. — С. 68–72.
3. Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 нояб. 2011 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
4. Единая торговая политика и решение модернизационных задач ЕЭП [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. — Режим доступа: <http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/trade_policy/>. — Дата доступа: 19.03.2013.
5. Единое экономическое пространство начинает работать с 1 января 2012 года [Электронный ресурс] // Евразийское экономическое сообщество. — Режим доступа: <<http://www.evrazes.com/i/data/item7568-2.pdf>>. — Дата доступа: 05.03.2013.
6. Единое экономическое пространство [Электронный ресурс] // Портал внешнеэкономической информации. — Режим доступа: <http://www.ved.gov.ru/vnesheconom/ear/o_ear/>. — Дата доступа: 19.03.2013.
7. Инвестиции в основной капитал и строительство объектов в Республике Беларусь за 2010 год / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2011. — 161 с.
8. Инвестиционная и строительная деятельность в Республике Казахстан / Агентство Респ. Казахстан по статистике. — Астана, 2010. — 241 с.
9. Инвестиционный обзор World Investment Prospects Survey 2009–2011 / Конференция ООН по торговле и развитию. — Женева, 2009. — 74 с.
10. Исследование инвестиционной привлекательности Казахстана, 2012 год [Электронный ресурс] // Invest in Kazakhstan. — Режим доступа: <<http://www.invest.gov.kz/upload/docs/f41c8f60df4b0703ac1c5ceb4124fa0b.pdf>>. — Дата доступа: 18.03.2013.
11. Исследование инвестиционной привлекательности России [Электронный ресурс] // Ernst and Young. — Режим доступа: <<http://www.ey.com/RU/ru/Issues/Business-environment/Russia-attractiveness-survey-2012---Russia-investment-attractiveness>>. — Дата доступа: 20.03.2013.
12. Новые подходы к государственному регулированию экономики в условиях формирования ЕЭП: устранение диспропорций и предотвращение угроз экономическому развитию [Электронный ресурс] // Институт экономики Нацио-

нальной академии наук Беларуси. — Режим доступа: <http://economics.basnet.by/files/Analit_10.pdf>. — Дата доступа: 17.03.2013.

13. Статистический сборник: Беларусь и страны СНГ / И. А. Костевич [и др.]. — Минск, 2012.

14. Турлай, И. С. Инвестиционные рейтинги и позиции в них Республики Беларусь / И. С. Турлай // Экономика. Управление. Право. — 2012. — № 2. Ч. 1. — С. 18—23.

15. Index of Economic Freedom [Электронный ресурс] // The Heritage Foundation. — Mode of access: <<http://www.heritage.org/index/ranking>>. — Date of access: 15.03.2013.

16. World Investment Report 2011: Non-equity modes of international production and development. — New York; Geneva: UNCTAD, 2011. — 251 p.

«Оценка инвестиционной привлекательности Беларуси, России и Казахстана в рамках Единого экономического пространства и формирование их инвестиционных стратегий» (Галина Гаврилко, Кристина Сивоха)

Статья посвящена оценке инвестиционной привлекательности Беларуси, России и Казахстана в рамках ЕЭП и формированию их инвестиционных стратегий. С 1 января 2012 г. Россия, Беларусь и Казахстан перешли от Таможенного союза к следующему этапу интеграционного строительства — ЕЭП, основными принципами функционирования которого являются обеспечение свободы перемещения не только товаров, услуг, рабочей силы, но и капитала (инвестиций) через границы государств-участников. Целью создания ЕЭП является повышение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности участников нового регионального объединения на международной арене.

В статье рассматриваются инвестиционные стратегии России, Беларуси и Казахстана на 2011—2015 гг. и осуществляется сравнительный анализ инвестиционных процессов в данных странах.

«Assessment of Belarus, Russia and Kazakhstan Investment Attractiveness Within the Common Economic Space Framework and Formation of Investment Strategies» (Galina Gavrilko, Christina Sivokha)

This article is devoted to the assessment of Belarus, Russia and Kazakhstan investment attractiveness within the CES framework and formation of investment strategies. From January 1, 2012 Russia, Belarus and Kazakhstan proceeded from the Customs Union to the next stage of integration formation — the CES. Its basic functioning principles are ensuring freedom of movement not only for goods, services and labour force, but also for capital (investments) across the member-states borders. The goal of the CES creation is investment attractiveness and members' competitiveness of the new regional integration growth on international arena.

Investment strategies of Russia, Belarus and Kazakhstan for 2011—2015 and their investment processes comparative analysis are considered in this article.

Статья поступила в редакцию в июне 2013 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Светлана Балюк

Вопросы развития экономики Европейского союза (ЕС) вызывают все больший интерес в связи с неоднозначными последствиями мирового экономического кризиса для стран — участниц объединения, колебаниями курса евро, постоянным расширением еврозоны и самого ЕС, ростом долгов Греции и Кипра. Важным является также региональный аспект развития ЕС в связи с многообразием региональных проблем, а также богатым опытом и эффективными инструментами их преодоления, неоднозначным будущим региональной экономической политики, растущей ролью инноваций в развитии регионов [29; 33, p. 186].

Проблемы территориальной организации производства, устойчивого развития экономики регионов и городов, интеграционных вопросов, межрегиональных экономических отношений нашли отражение в трудах М. К. Бандмана [2], В. С. Бильчака [4], У. Изарда [7], М. Н. Исянбаева [8], Н. Н. Коловского [9], А. С. Маршаловой [10], Н. Н. Некрасова [12], А. С. Новоселова [14], А. Г. Гранберга [17], Р. И. Шнипера [22].

В белорусской экономической науке различные аспекты развития региональной экономики и приграничных связей исследовались в работах В. Ф. Байнева, С. А. Пелиха [1], Н. И. Богдан [5], А. В. Данильченко [6], М. В. Никитенко [13], В. И. Борисевича [15], Т. С. Вергинской, П. Г. Никитенко [16; 19], В. С. Фатеева [20], В.Н. Шимова [21].

В последние годы результаты теоретических исследований в области развития экономики Европейского союза и еврозоны, а также региональных взаимосвязей и взаимодействий опубликованы следующими авторами: Р. Флорида (*R. Florida*), Т. Гульден (*T. Gulden*), Ч. Мелландер (*Ch. Mellander*) [24], Дж. Годдард (*J. Goddard*), Д. Робертсон (*D. Robertson*), П. Валлансе (*P. Vallance*) [25], Дж. Грааль (*J. Grahl*), П. Тиагу (*P. Teague*) [26], Дж. Хоуэллс (*J. Howells*), Дж. Бессант (*J. Bessant*) [27], Л. Лобао (*L. Lobao*), Р. Мартин (*R. Martin*), А. Родригез-Позе (*A. Rodríguez-Pose*) [28], Ф. Маккенн (*Ph. McCann*), Р. Ортега-Аргилес (*R. Ortega-*

Argiles) [29], С. Герштад (*S. Herstad*) [30], С. Бланкенбург (*S. Blankenburg*) [31], Г. Гарретсен (*H. Garretsen*) [33].

Мониторинг показателей развития экономики ЕС и стран — кандидатов на вступление в него осуществляется Евростатом — главным статистическим органом ЕС [23]. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся в данной области теоретические и практические научные исследования, многие вопросы, касающиеся регионального экономического развития ЕС и Беларуси, еще недостаточно изучены.

Цель данной статьи — провести сравнительный анализ экономического развития ЕС в разрезе стран-членов и сопоставить основные его показатели с аналогичными по экономике Республики Беларусь; а также оценить состояние и экономическую дифференциацию внутренних регионов как частей национальных экономик стран ЕС и Беларуси.

Основные направления макроэкономического развития ЕС и Беларуси

Европейская стратегия экономического развития «Европа 2020» устанавливает три основных фактора укрепления экономики: *разумный рост* — развитие экономики, основанное на знаниях и инновациях; *устойчивый рост* — создание экономики, основанной на целесообразном использовании ресурсов, экологии и конкуренции; *всеобъемлющий рост* — способствование повышению уровня занятости населения, достижение социального и территориального согласия. В связи с этим ЕС ставит перед собой следующие основные цели:

- 75 % населения в возрасте от 20 лет до 64 лет должно быть трудоустроено;
- 3 % ВВП ЕС должно быть инвестировано в исследования и разработки;
- достижение целей энергетической политики и политики в области изменения климата (включая 30 %-ное снижение загрязнения окружающей среды);
- доля учащихся, не окончивших школу, не должна превышать 10 %. Не менее 40 % молодежи должно иметь высшее образование;

Автор:

Балюк Светлана Сергеевна — старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии факультета экономики и управления Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Рецензенты:

Сенько Анна Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента экономического факультета Белорусского государственного университета

Сильванович Валерий Иванович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности факультета экономики и управления Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Основные показатели развития стран ЕС и Беларуси в 2011 г.

Страна	Индекс развития человеческого потенциала	Объем ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, дол. США	Удельный вес добавленной стоимости промышленности в добавленной стоимости страны (2010 г.), %	Удельный вес стран в мировом экспорте, %	Доля покрытия импорта экспортом, %
Беларусь	0,756	18 802	30,2	0,24	90,5
Австрия	0,885	41 475	22,2	1,00	94,1
Бельгия	0,886	38 240	16,4	2,81	102,1
Болгария	0,771	14 354	23,1	0,17	87,1
Великобритания	0,863	36 913	15,5	2,83	74,9
Венгрия	0,816	20 704	27,2	0,65	109,8
Германия	0,905	39 530	23,8	8,71	117,5
Греция	0,861	26 309	14,4	0,18	53,3
Дания	0,895	39 588	17,6	0,66	116,4
Ирландия	0,908	41 605	25,9	0,76	193,2
Испания	0,878	32 934	15,9	1,76	82,3
Италия	0,874	33 167	19,3	3,09	93,9
Кипр	0,840	30 143	9,2	0,01	22,5
Латвия	0,805	17 792	16,7	0,07	79,7
Литва	0,810	20 820	22,1	0,017	89,1
Люксембург	0,867	83 230	7,4	0,10	65,1
Мальта	0,832	26 804	15,8	0,03	74,4
Нидерланды	0,910	43 453	18,5	3,32	110,9
Польша	0,813	20 728	24,5	1,10	90,5
Португалия	0,809	25 250	17,0	0,35	73,7
Румыния	0,781	14 307	28,7	0,37	82,2
Словакия	0,834	—	25,9	0,47	96,9
Словения	0,884	28 149	24,6	0,17	92,7
Финляндия	0,882	37 959	22,5	0,47	93,9
Франция	0,884	34 970	—	3,43	82,7
Чешская Республика	0,865	27 891	29,3	0,96	107,1
Швеция	0,904	42 271	20,9	1,10	107,2
Эстония	0,835	—	—	0,10	94,7

И с т о ч н и к: составлено автором на основе [3].

— сокращение числа людей, находящихся в опасности оказаться за чертой бедности, на 20 млн [32].

Для адаптации стратегии «Европа 2020» к своей национальной экономике Европейская комиссия предлагает государствам трансформировать цели ЕС в свои национальные стратегии.

Стратегической целью устойчивого развития Беларуси в соответствии с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года являются динамичное повышение уровня благосостояния, обогащение культуры, нравственности народа на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной сфер, сохранение окружающей среды для нынешних и будущих поколений [11].

Таким образом, ввиду схожести перспективных направлений развития экономик ЕС и Беларуси рассмотрим основные показатели их развития.

Из проведенного нами анализа, результаты которого представлены в табл. 1, следует, что наиболее высокий уровень развития человеческого потенциала в 2011 г. отмечался в Нидерландах, Германии и Швеции, а наименьший — в Румынии и Болгарии. Вместе с тем, даже их индексы выше уровня Республики Беларусь.

Объем ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) достигает наивысших значений в Люксембурге, Нидерландах, Швеции, но имеет низкий уровень в Румынии, Болгарии и Латвии. Следует отметить, что Беларусь опережает три последние страны ЕС в рейтинге по поданному показателю.

Чешская Республика, Румыния и Венгрия имеют наибольший удельный вес валовой добавленной стоимости промышленности в ВВП своей страны (однако меньший, чем у Беларуси), а Великобритания, Греция, Кипр и Люксембург — наименьший. Отсюда можно сделать вывод о том, что промышленность в ЕС не является на современном этапе главным фактором формирования уровня жизни населения, так как экономики с небольшой долей промышленного сектора имеют высокий уровень жизни населения и значительный ВВП.

Наибольший удельный вес в мировом экспорте занимают Германия, Нидерланды, Франция, Италия; более 1 % приходится на Бельгию, Испанию, Польшу, Великобританию и Швецию; меньше всех экспортирует Кипр. Доля Беларуси в мировом экспорте незначительна по сравнению с большинством членов ЕС — 0,24 %. Коэффициент покрытия импорта экспортом среди стран ЕС составляет более 100 % в Бельгии, Венгрии, Германии, Дании, Ирландии, Нидерландах, Чешской Республике и Швеции. В Беларуси импорт покрывается экспортом на 90,5 %, и это лучшее значение по сравнению с Австрией, Болгарией, Великобританией, Грецией, Испанией, Италией, Кипром, Латвией, Литвой, Люксембургом, Мальтой, Португалией, Румынией, Словенией, Финляндией, Францией и Эстонией. В целом, исходя из анализа внешней торговли и индекса развития человеческого потенциала, следует, что способность страны к экспорту оказывает значимое влияние на уровень жизни населения в ЕС.

Региональное развитие ЕС и Беларуси

Региональная политика ЕС направлена на дальнейшее сближение экономического, социального и территориального развития, а также преодоление дифференциации между странами ЕС и регионами. В соответствии с приоритетами стратегии «Европа 2020» региональная политика ориентирована на финансирование региональных и городских проектов, создание рабочих мест, конкуренцию, экономический рост, повышение уровня и качества жизни, устойчивое развитие. В течение 2007—2013 гг. на региональную политику экономического и социального развития было выделено 347 410 млн евро. Основными ее целями являются:

— «конвергенция», согласно которой наименее обеспеченные страны и регионы (с уровнем ВВП на душу населения ниже 75 % от среднего по ЕС) имеют право на около 82 % средств фондов в 2007—2013 гг.;

— «региональная конкуренция и занятость», аккумулирующая около 16 % средств фондов для регионов, не получающих помощи в связи со статусом переходных экономик;

— «европейская территориальная кооперация», объединяющая около 2,5 % имеющихся средств фондов [23, p. 15].

Содействуют региональному развитию:

1) Европейский фонд регионального развития — вопросы модернизации, реструктуризации, диверсификации региональной структуры, создания постоянных рабочих мест, содействия региональной конкуренции и инновационной активности, обеспечения доступа к транспортной сети и телекоммуникациям, развития международного трансграничного сотрудничества, обмена опытом между региональными и местными властями;

2) Европейский социальный фонд — вопросы приумножения человеческого капитала, увеличения занятости, адаптации рабочих путем непрерывного обучения, предотвращения дискриминации на рынке труда, укрепления институтов национального, регионального и локального уровней, продвижения партнерства в области реформ по отношению к занятости;

3) Фонд единения — занимается вопросами конвергенции и финансирует развитие трансевропейской транспортной сети, природоохранные и энергетические проекты.

Около 70 % населения ЕС проживает в городах. Наиболее существенными проблемами в них являются: преступность, бедность, безработица, а также жилищные, транспортные вопросы и охрана окружающей среды. Поэтому городская политика направлена на развитие городов как центров и двигателей регионального развития путем содействия конкуренции, поощрения предпринимательства, инновационной активности и расширения сферы услуг [23, p.15—16].

Для измерения уровня дифференциации социально-экономического развития регионов как частей национальных экономик стран — членов ЕС Евростат с 2007 г. рассчитывает агрегированный индекс дисперсии валового регионального продукта (далее — ВРП) (D):

$$D = 100 \frac{1}{Y} \sum_{i=1}^n |y_i - Y|(p_i / P),$$

где Y — средний ВВП на душу населения в национальной экономике; n — количество регионов в стране; y_i — региональный ВВП на душу населения в регионе i ; p_i — численность населения в регионе i ; P — численность населения в национальной экономике;

Значение индекса дисперсии равно нулю, если объемы регионального ВВП на душу населения идентичны во всех регионах страны. Уровень дисперсии будет увеличиваться в случае роста дифференциации в объемах ВВП на душу населения между регионами страны. Величина индекса 30 % означает, что ВВП на душу населения каждого региона страны, взвешенный на основе численности населения, отличается от национального уровня в среднем на 30 % [23, p. 29].

Основные показатели регионального развития стран ЕС

Страна	Индекс ВВП на душу населения		Доля населения, живущая в регионах второго уровня (NUTS 2), с уровнем ВВП на душу населения от среднего по ЕС	
	2000 г.	2009 г.	ниже 75 %	выше 125 %
ЕС — в целом	32,3	27,2	23,3	19,0
Австрия	18,2	15,1	0,0	62,8
Бельгия	25,5	24,2	0,0	36,0
Болгария	18,1	39,6	72,1	0,0
Великобритания	21,7	24,9	3,9	9,3
Венгрия	32,5	39,8	70,7	0,0
Германия	17,6	16,1	0,0	29,5
Греция	12,8	23,9	21,7	0,0
Дания	15,5	15,2	0,0	30,3
Ирландия	15,5	16,5	0,0	73,0
Испания	20,6	18,5	2,4	19,8
Италия	24,8	22,3	28,2	24,5
Кипр	—	—	0,0	0,0
Латвия	—	—	100,0	0,0
Литва	—	—	100,0	0,0
Люксембург	—	—	0,0	100,0
Мальта	—	—	0,0	0,0
Нидерланды	10,6	10,6	0,0	62,8
Польша	17,4	20,7	86,3	0,0
Португалия	22,5	23,6	64,7	0,0
Румыния	25,1	30,4	89,5	0,0
Словакия	26,8	33,2	88,6	11,4
Словения	16,7	18,7	53,1	0,0
Финляндия	17,4	15,6	0,0	50,4
Франция	20,9	23,1	2,9	18,2
Чешская Республика	22,0	26,9	72,3	11,8
Швеция	15,9	19,0	0,0	21,5
Эстония	—	—	100,0	0,0

Источник: составлено автором на основе [23, p. 22].

Примечание: NUTS 2 — регионы второго уровня в соответствии с Классификацией территориального деления ЕС имеют численность населения не менее 800 тыс., но не более 3 млн человек и обычно соответствуют внутреннему административному делению страны — члена ЕС.

В табл. 2 приведены показатели данного индекса в 2000 и 2009 гг. в ЕС, а также удельный вес населения, живущего в регионах второго уровня (в соответствии с Классификацией территориального деления ЕС), с величиной ВВП на душу населения ниже критической отметки 75 % и выше верхнего целевого предела 125 %.

Анализ данных табл. 2 показал, что уровень дифференциации ВВП на душу населения в регионах стран ЕС в 2009 г. по сравнению с 2000 г. в целом снизился. Невысокие различия регионального развития отмечаются в Дании, Германии, Ирландии, Нидерландах, Австрии, Словении, Финляндии, Испании и Швеции. Индекс дисперсии региональных ВВП выше среднего по ЕС зафиксирован в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии. В Эстонии, Латвии и Литве 100 % населения

живет в регионах, имеющих ВВП на душу населения менее 75 % от средней величины по ЕС; высок этот же показатель в Болгарии, Чехии, Венгрии, Португалии, Румынии, Словении и Словакии. Удельный вес населения регионов с уровнем ВВП на душу населения более 125 % от среднего по ЕС наивысший в Люксембурге, значительный в Ирландии, Нидерландах, Австрии, Финляндии, Бельгии, Дании, Германии, Италии и Швеции, равен нулю — на Кипре, Мальте, в Болгарии, Латвии, Литве, Польше, Португалии, Румынии и Словении.

Как правило, после очередных расширений ЕС количество «проблемных» регионов возрастает, так же как и дифференциация уровней развития «центра» и «периферии». К «центру» обычно относят пространство между двумя важнейшими транспортными магистралями: Глазго—Манчестер—Лон-

Таблица 3

Валовой региональный продукт Республики Беларусь за 2009–2011 гг.

Регион	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Численность населения, тыс. чел.	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Численность населения, тыс. чел.	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Численность населения, тыс. чел.
	2009 г.		2010 г.		2011 г.	
Республика Беларусь (ВВП) — в целом	14 457,3	9513,6	17 330,5	9500	28 953,6	9481,2
Брестская обл.	10 026,2	1404,5	12 297,8	1399,2	17 718,2	1394,8
Витебская обл.	10 141,6	1237,5	11 888,2	1229,4	19 310,7	1221,8
Гомельская обл.	11 232,1	1443,2	12 925,3	1439,2	21 489	1435
Гродненская обл.	10 766,5	1076,7	12 352	1071,3	19 928,7	1065,9
г. Минск	17 619,7	1814,3	20 968,3	1843,7	36 261,9	1864,1
Минская обл.	12 506,6	1431,1	16 132,7	1419,9	28 640,5	1411,5
Могилевская обл.	9557,7	1106,3	11 903	1097,3	18 377,3	1088,1
Индекс дисперсии ВРП, %	16,5		16,0		16,0	

И с т о ч н и к: разработка автора на основе данных [18].

дон—Париж—Лион—Марсель и Ронстад/Холланд—Рейн/Рур—Цюрих—Рим—Неаполь. Эти районы отличаются повышенной и постоянно растущей долей занятых в непроемственной сфере, высоким доходом на душу населения, полифункциональностью и динамичностью развития, инновационной активностью и интенсивными внешними связями. Остальные (периферийные районы) характеризуются низким уровнем дохода на душу населения, высокой безработицей, пониженной долей населения с высшим образованием, повышенным удельным весом занятых в сельском хозяйстве. Эти районы пассивны в инновационной сфере, их способность к устойчивому росту низкая, они зависят от внешних решений, так как на их территории сосредоточены филиалы фирм, штаб-квартиры которых расположены в центральных районах [17, с. 6–10].

Р. Флорида выделяет несколько мега-регионов на территории Европы, т. е. районов с наибольшей численностью населения и значительным валовым локальным продуктом: Амстердам—Роттердам, Рур, Брюссель—Антверпен, Лилль, Лондон, Манчестер, Ливерпуль, Бирмингем, Милан, Рим, Турин, Париж, Штутгарт, Франкфурт, Барселона, Марсель, Лион, Прага, Лиссабон, Мадрид и Берлин [24, с. 471].

Таким образом, региональная экономическая дифференциация в ЕС не зависит от масштабов территории и количества регионов в стране и может наблюдаться как в больших, так и в малых экономиках. Кроме того, регио-

нальные различия характерны не только для членов ЕС, относящихся к типу переходных экономик, но и для традиционно рыночных хозяйств (например, Франции и Великобритании).

Рассчитаем индекс дисперсии ВРП (D) для регионов Республики Беларусь (табл. 3) и сопоставим его с европейскими значениями.

Индекс дисперсии ВРП Республики Беларусь в 2009 г. составил 16,5 %, что меньше среднего значения по ЕС за этот же период. Исходя из динамики значений данного индекса в 2009—2011 гг. следует, что региональное экономическое развитие в Беларуси становится более пропорциональным и сбалансированным. Кроме того, уровень ВРП на душу населения в регионах Беларуси менее дифференцирован, чем в большинстве стран ЕС, таких как Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Испания, Италия, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Франция, Чешская Республика и Швеция. Это свидетельствует об относительной эффективности белорусской социально-экономической политики на региональном уровне.

Таким образом, отмечается некоторое отставание экономики Беларуси от большинства стран ЕС по макроэкономическим показателям: уровень ВВП, индекс развития человеческого потенциала, доля в мировом экспорте. Вместе с тем, региональное экономическое развитие хозяйства республики является более сбалансированным, чем во многих странах ЕС.

Литература

1. Байнев, В. Ф. Экономика региона / В. Ф. Байнев, С. А. Пелих; под ред. С. А. Пелиха. — Минск: ИВЦ Минфина, 2007. — 269 с.
2. Бандман, М. К. Территориально-производственные комплексы: прогнозирование процесса формирования с использованием сетей Петри / М. К. Бандман, О. Л. Бандман, Т. Н. Есикова; под ред. М. К. Бандмана. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. — 303 с.
3. Беларусь и страны Евросоюза: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Зиновский (пред.) [и др.]. — Минск, 2012. — 132 с.
4. Бильчак, В. С. Приграничная экономика / В. С. Бильчак. — Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та; Янтар. сказ, 2001. — 377 с.
5. Богдан, Н. И. Региональная инновационная политика / Н. И. Богдан. — Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2000. — 357 с.
6. Данильченко, А. В. Международный трансфер технологий и политика импортозамещения в Республике Беларусь / А. В. Данильченко, Е. В. Бертош // Проблемы управления. — 2012. — № 1 (42). Сер. А и В. — С. 66–69.
7. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У. Изард; сокр. пер. с англ. В. М. Гохмана [и др.]; вступ. ст. и ред. А. Е. Пробста. — М.: Прогресс, 1966. — 659 с.
8. Исянбаев, М. Н. Методологические основы формирования и функционирования хозяйственных комплексов республик / М. Н. Исянбаев. — Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. — 173 с.
9. Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования: сб. работ / Н. Н. Колосовский. — М.: Мысль, 1969. — 336 с.
10. Маршалова, А. С. Основы теории регионального воспроизводства: курс лекций / А. С. Маршалова, А. С. Новоселов; отв. ред. П. В. Шеметов. — М.: Экономика, 1998. — 192 с.
11. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь; редкол.: Я. М. Александрович [и др.]. — Минск: Юнипак, 2004. — 202 с.
12. Некрасов, Н. Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы / Н. Н. Некрасов. — 2-е изд. — М.: Экономика, 1978. — 344 с.
13. Никитенко, М. В. Региональная экономика: сущность и механизмы управления / М. В. Никитенко; под ред. Г. М. Лыча. — Минск: Наука и техника, 1992. — 150 с.
14. Новоселов, А. С. Теория региональных рынков: учебник / А. С. Новоселов. — Ростов н/Д.: Феникс; Новосибирск: Сиб. соглашение, 2002. — 448 с.
15. Планирование национальной экономики, отраслей и регионов, предприятий: справ. пособие / В. И. Борисевич [и др.]; под общ. ред. В. И. Борисевича. — Минск: Совр. шк., 2008. — 576 с.
16. Проблемы региональной экономики Республики Беларусь в условиях глобализации и регионализации мирохозяйственных связей / П. Г. Никитенко [и др.]; под науч. ред. П. Г. Никитенко, Т. С. Вергинской. — Минск: Право и экономика, 2004. — 127 с.
17. Региональное развитие: опыт России и Европейского союза / А. Г. Гранберг [и др.]; рук. и отв. ред. А. Г. Гранберг. — М.: Экономика, 2000. — 438 с.
18. Регионы Республики Беларусь, 2012: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Зиновский (пред.) [и др.]. — Минск, 2012. — Т. 1. — 702 с.
19. Социально-экономическая эффективность внешнеэкономической деятельности на региональном уровне / Т. С. Вергинская [и др.]; под науч. ред. П. Г. Никитенко. — Минск: Право и экономика, 2005. — 128 с.
20. Фатеев, В. С. Региональная политика: теория и практика / В. С. Фатеев. — Минск: Европ. гос. ун-т, 2004. — 479 с.
21. Шимов, В. Н. Экономическое развитие Беларуси на рубеже веков: проблемы, итоги, перспективы / В. Н. Шимов. — Минск: БГЭУ, 2003. — 235 с.
22. Шнипер, Р. И. Регион: диагностика и прогнозирование / Р. И. Шнипер; отв. ред. В. В. Кулешов. — Новосибирск: ИЭИОПП, 1996. — 135 с.
23. Eurostat regional yearbook 2012: statistical book / European Commission. — Luxembourg: Publications Office of the European Union. — 2012. — 213 p.
24. Florida, R. The rise of the mega-region / R. Florida, T. Gulden, Ch. Mellander // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. — 2008. — Vol. 1, N 3. — P. 459–476.
25. Goddard, J. Universities, Technology and Innovation Centres and regional development: the case of the North-East of England / J. Goddard, D. Robertson, P. Vallance // Cambridge Journal of Economics. — 2012. — Vol. 36, N 3. — P. 609–627.
26. Grahl, J. Reconstructing the eurozone: the role of EU social policy / J. Grahl, P. Teague // Ibid. — 2013. — Vol. 37, N 3. — P. 677–692.
27. Howells, J. Introduction: Innovation and economic geography: a review and analysis / J. Howells, J. Bessant // Journal of Economic Geography. — 2012. — Vol. 12, N 5. — P. 929–942.
28. Lobao, L. Editorial: Rescaling the state: new modes of institutional-territorial organization / L. Lobao, R. Martin, A. Rodríguez-Pose // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. — 2009. — Vol. 2, N 1. — P. 3–12.
29. McCann, Ph. Modern regional innovation policy / Ph. McCann, R. Ortega-Argiles // Ibid. — 2013. — Vol. 6, N 2. — P. 187–216.
30. National innovation policy and global open innovation: exploring balances, tradeoffs and complementarities / S. J. Herstad [et al.] // Science and Public Policy. — 2010. — Vol. 37, N 2. — P. 113–124.
31. Prospects for the eurozone / S. Blankenburg [et al.] // Cambridge Journal of Economics. — 2013. — Vol. 37, N 3. — P. 463–477.
32. Targets: Europe 2020 [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/europe2020/europe-2020-in-a-nutshell/targets/index_en.htm>. — Date of access: 10.07.2013.
33. The future of regional policy / H. Garretsen [et al.] // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. — 2013. — Vol. 6, N 2. — P. 179–186.

«Экономическое развитие Европейского союза и Республики Беларусь: региональный аспект» (Светлана Балуик)

В статье представлены результаты сравнительного анализа экономического развития ЕС и Беларуси на национальном и региональном уровнях. Рассмотрены основные стратегические направления развития экономики ЕС и Беларуси на перспективу. Проанализирована экономическая дифференциация регионов второго уровня ЕС в соответствии с принятой классификацией. Представлены результаты расчетов индекса дисперсии валового регионального продукта Беларуси за 2009–2011 гг. по методике Евростата.

«Economic Development of the European Union and Belarus: Regional Aspect» (Sviatlana Baliuk)

The article presents the results of the comparative analysis of the economic development of the EU and Belarus on national and regional levels. Main strategic directions of the development of the economy of the EU and Belarus in the long-term period have been considered. Economic differentiation of the second level regions of the EU in accordance with the accepted categorization has been analyzed. The results of the author's calculation of the gross regional product dispersion index of Belarus for years 2009–2011 using Eurostat methods have been presented.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2013 г.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И АЗЕРБАЙДЖАН

Руфат Кулиев

В научной литературе принято считать, что впервые о глобализации заговорили американские ученые. Сам термин приписывается Т. Левитту, опубликовавшему в журнале «*Harvard Business Review*» в 1983 г. статью, в которой глобализация обозначалась как феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями [см.: 12]. Более широкое значение новому термину придали в Гарвардской школе бизнеса, и главным популяризатором термина стал консультант этой школы японец К. Омае, опубликовавший в 1990 г. книгу «Мир без границ». Полагая, что мировая экономика отныне определяется взаимозависимостью трех центров «Триады» (ЕС, США, Япония), он утверждал, что экономический национализм отдельных государств стал бессмысленным, в роли же сильных акторов на экономической сцене выступают «глобальные фирмы» [см.: 14]. С таким категоричным утверждением не все согласны, но, тем не менее, позиция К. Омае стала отправным пунктом любой дискуссии на тему глобализации.

Профессор Калифорнийского университета М. Интрилигейтор под глобализацией понимает значительное увеличение масштабов мировой торговли и других процессов международного обмена в условиях все более открытой, интегрированной, не признающей границ мировой экономики. По его мнению, следует говорить не только о традиционной внешней торговле товарами и услугами, но и о валютных потоках, движении капитала, обмене технологиями, информацией и идеями, перемещении людей.

М. Интрилигейтор выделяет следующие источники глобализации:

- 1) технологический прогресс;
- 2) либерализация торговли и другие формы экономической либерализации;
- 3) значительное расширение сферы деятельности организаций, ставшее возможным в результате как технологического прогресса, так и более широких горизонтов управления на основе новых средств коммуникации;
- 4) достижение глобального единomyслия в оценке рыночной экономики и системы свободной торговли;
- 5) особенности культурного развития [см.: 6].

Следует отметить, что экономическая глобализация, приобретая все большую и большую силу, подрывает национальную эконо-

мическую, денежную и фискальную политику. Глобализация сделала национальную экономику не только тесно связанной, но и зависимой от внешней экономики. «Турбокапитализм», по определению Э. Люттвака, произвел структурный переворот в экономической системе, по отношению к которой политика в определенной мере бессильна, поскольку такая экономическая система определяется рынком, не контролируемым политикой [13]. Экономическое пространство и рынок уже не совпадают с территорией какого-либо государства: произошел переход от системы «рынок—государство» к системе «много государств—один рынок». Капитал не может больше подчиняться национальным условиям и освободился от государственных пут. Он уже не поддается налогообложению со стороны государств, а сам выбирает, где платить налоги. Производства переносятся туда, где затраты ниже, а качество услуг, инфраструктуры и рабочей силы выше.

Для современной экономической системы характерна множественность центров принятия решения. Она подвержена влиянию транснациональных сил, не подчиняющихся командной воле и государственному контролю. Современная мировая экономика уже функционирует как единая и целостная система, в которой правила игры определяют не столько правительства отдельных стран, сколько ведущие транснациональные корпорации (ТНК) и гигантские транснациональные банки (ТНБ). Транснациональные корпорации и банки через свои филиалы по всему миру диктуют свои правила игры и составляют основу глобализации. Котировка товаров на мировых биржах, цены на энергоносители и другое сырье во многом зависят от ТНК, а инвестиции, сделки с капиталами и банковские процентные ставки — от ТНБ.

В условиях современных глобализационных процессов быстрее всего увеличивается объем международных финансовых операций, затем следует международное движение капитала (прямые инвестиции) и, наконец, международная торговля. В рамках финансового направления особенно стремительно растут валютные операции и объем международных сделок с ценными бумагами (включая производные финансовые инструменты), процесс, отражающий все большую секьюритизацию современных финансовых рынков (и внутренних, и международных). Рост прямых иностранных инвестиций превосходит темпы

зарубежный опыт

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Автор:

Кулиев Руфат — доктор экономических наук, профессор Азербайджанского технического университета и Киевского национального университета им. Т. Шевченко, депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики

роста международной торговли, в которой опережающими темпами увеличивается торговля услугами, технологиями, объектами интеллектуальной собственности.

Отметим и общую закономерность: все сферы международной экономики по темпам роста опережают темпы роста реального сектора, т. е. производство валового внутреннего продукта.

Беспристрастная статистика свидетельствует, что глобализация придала ускорение мировой экономике, создала дополнительные импульсы и точки роста, открыла новые возможности государствам и регионам, мировому развитию. Многие страны использовали преимущества глобализации. В их числе Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Израиль, Сингапур, Китай. Вместе с тем, она вызвала волну кризисов, привнесла в них новые явления и черты, придала им глобальный характер. Страны по-разному адаптировались к новым реалиям глобальной экономической среды. Одни сделали это быстрее, с меньшими издержками и в результате продемонстрировали более быстрое развитие и эффективные способы борьбы с бедностью. Путь других оказался более длительным и менее результативным [см.: 11].

Выше мы рассмотрели наиболее важные аспекты глобализации. В изучении процесса глобализации, как и в других экономических явлениях, возникает вопрос: как измерить глобализацию экономической деятельности в отдельно взятой стране, как определить ее степень, динамику во времени. Нам представляется, что здесь нужно рассмотреть два момента: степень участия страны в мирохозяйственных связях (международном разделении труда), по которой можно судить об уровне глобализации, и степень открытости экономики страны. Исходя из такого подхода проведем анализ, какое место должен занимать Азербайджан в глобализационных процессах.

В связи с этим хотелось бы привести цитату из выступления Общенационального лидера Гейдара Алиева на Саммите тысячелетия в Нью-Йорке 7 сентября 2000 г.: «Азербайджан вносит свой вклад в позитивное развитие глобализации. Используя свое географическое положение, ресурсы и потенциал, имеющие геостратегическое значение мирового масштаба, моя страна эффективно реализует берущую начало в богатом историческом прошлом и ориентированную в будущее роль моста между Востоком и Западом. Мы вкладываем огромные усилия в восстановление Великого шелкового пути, создание транспортного коридора Европа—Кавказ—Азия, разработку и транспортировку на мировые рынки углеводородных ресурсов Каспийского бассейна. Эти проекты имеют решающее значение для свободного и полноценного развития государств нескольких регионов мира, они дадут толчок

транснациональному сотрудничеству и окажут определяющее влияние на развитие глобальной обстановки» [4].

Данный подход — преемственность в политике к процессам глобализации — осуществляется на практике и Президент Азербайджана Ильхам Алиев, реализуя целый ряд коммуникационных, инфраструктурных, экономических, культурных, образовательных, экологических проектов.

Как известно, Азербайджан занимает важное географическое положение на пути кратчайших транспортных коридоров в евроазиатском регионе и является крупным транспортным узлом в единой транспортной системе Европа—Кавказ—Азия. Через Азербайджан проходит кратчайший путь из Европы в страны Центральной Азии и Ближнего Востока, в частности транспортные коридоры ТРАСЕКА и Север—Юг, автомобильная и железнодорожная магистрали, соединяющие бассейны Черного и Каспийского морей. На сегодняшний день Азербайджан имеет сложившуюся транспортную систему, которая включает в себя железно-, автодорожный, морской, воздушный и трубопроводный транспорт.

В настоящее время осуществляется строительство железной дороги Баку—Тбилиси—Карс, протяженность которой составляет 98 км. Важность данного проекта подтверждает его включение в итоговый доклад генерального плана Трансъевропейской магистрали железных дорог (март 2005 г.) Европейской экономической комиссии при ООН как проекта первостепенной приоритетности по 4-му оценочному баллу [2].

Глобализация торгово-экономических связей вызывает необходимость ускорения процесса интеграции национальной транспортной системы Азербайджана в международную транспортную систему, где главной целью является развитие международных транспортных коридоров, гармонизация законодательной базы, усовершенствование транспортных связей государств региона, обеспечение безопасности на транспорте. Создание эффективно действующих международных транспортных коридоров является главным приоритетом транспортной политики Азербайджана, поскольку расширяет возможности страны оптимально использовать разные направления транспортных потоков (западное, северное, южное) и уменьшает транспортные издержки во время перевозок.

Как известно, Азербайджан обладает значительными для экспорта объемами углеводородных ресурсов. Воплощая в жизнь положения в нефтяной стратегии страны, азербайджанские нефтяники активно сотрудничают с ведущими мировыми нефтяными компаниями. Так, в настоящее время Азербайджан подписал 27 контрактов с зарубежными компаниями на разработку углеводородных месторож-

дений и структур, в которых вложено более 30 млрд дол. США инвестиций. Сегодня 80 % добываемой нефти и 70 % газа приходится на долю иностранных консорциумов, разрабатывающих месторождения страны. В результате целенаправленной политики по развитию нефтедобывающей промышленности в 2009 г. впервые за всю историю страны было добыто 50,4 млн т нефти и 23,7 млрд куб. м природного газа [см.: 16].

С целью транспортировки углеводородных ресурсов на внешний рынок в 2006 г. был сдан в эксплуатацию трубопровод Баку—Тбилиси—Джейхан, а в 2007 г. произошло другое историческое событие — начался экспорт газа с месторождения «Шахдениз» по газопроводу Баку—Тбилиси—Эрзурум. В настоящее время страна обладает шестью экспортными трубопроводами, функционирующими в различных направлениях. Однако без участия соседних стран — Грузии и Турции — Азербайджану было бы проблематично поставлять нефть и газ на европейский и мировой рынки. Таким образом, каждая из стран участвует в процессах глобализации и играет свою важную роль в обеспечении энергетической безопасности Европы: Азербайджан как производитель нефти и газа и транзитер среднеазиатских углеводородов, Грузия и Турция как страны, активно участвующие в транзите углеводородов.

Открытие в Азербайджане новых месторождений нефти и газа и рост их объемов к 2015 г. означают повышение роли Азербайджана в обеспечении энергетической безопасности Евросоюза в предстоящие годы. Госнефтекомпания Азербайджана (SOCAR) прогнозирует, что в 2015 г. объем добычи нефти в Азербайджане будет находиться на уровне 50–55 млн т, а газа — 30 млрд куб. м [7]. Реализация проектов по поставкам углеводородов в Европу приобретает еще большее значение на фоне прогнозов экспертов относительно того, что обеспечение энергопотребления Европы до 2020 г. на 70 %, а до 2030 г. на 85 % будет зависеть от импорта [3]. Несмотря на развитие альтернативных источников, очевидно, что углеводородные запасы в обозримом будущем останутся главными источниками энергии.

Азербайджан, занимающийся производством и транзитом углеводородов, реализует строительство трубопровода, входящего в так называемый Южный коридор и предусматривающего транспортировку энергетических ресурсов Каспия в страны ЕС. Подписав транзитный протокол, Азербайджан и Турция сделали реальностью проект трубопровода TANAP (Трансанатолийская газопроводная система), являющегося усеченным вариантом трубопровода «Набукко».

Исследования показывают, что Азербайджан обладает большими запасами природного газа. В последние годы наряду с процессом

добычи газа на месторождении «Шах Дениз» выявлены новые газоконденсатные месторождения. Открытие месторождений «Умид» и «Абшерон» расширило интерес к энергетическому потенциалу страны.

Европейский союз является одним из крупнейших рынков сбыта газа. Азербайджан в силу своего энергетического потенциала и социально-политической стабильности считается одним из основных участников решения проблемы энергетической безопасности Европы. Страна подтвердила готовность поставлять в страны Европы 10 млрд куб. м природного газа в год [9]. В ближайшем будущем вполне реально увеличить эту цифру.

В последнее время в лексиконе мировых политиков прочное место заняли выражения «энергетическая безопасность» и «диверсификация». Обеспечение энергетической безопасности имеет важное значение для экономики Европейского союза. Становящийся крупным экспортером природного газа, Азербайджан также заинтересован в диверсификации экспортных маршрутов. Энергоресурсы должны служить региональному и международному сотрудничеству и не быть причиной конкуренции и столкновений. Интересы производителей, покупателей и транзитеров должны совпадать. Это — энергетическая философия нашей страны.

Весьма успешно стали внедряться в глобальную экономику азербайджанские компании и фонды. Так, Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики — SOCAR инвестирует в ряд стран, включая Турцию, Грузию, Украину, Румынию, Швейцарию, Грецию и Болгарию. Предполагается, что общий объем инвестиций SOCAR только в экономику Турции (производственное объединение *Petkim*) к 2017 г. может превысить 17 млрд дол. США [10].

SOCAR успешно создает сети автозаправочных станций в Грузии, Украине, Швейцарии, Румынии. Так, в Грузии действует 110 АЗС, включая 10 CNG-заправок SOCAR [1].

В настоящее время SOCAR приобрела на 400 млн евро 66 % акций (31 % акций Государственного приватизационного фонда и 35 % акций «*Hellenic Petroleum*») оператора греческой газотранспортной компании *DESFA*. Государственный приватизационный фонд Греции одобрил данное приобретение компании SOCAR [5]. Азербайджанские ТНК «Гилан Холдинг», «Аккорд», «Паша Холдинг» и «Азерсун» весьма активно участвуют в процессах глобализации, реализуя проекты в странах Европы и Азии.

Государственный нефтяной фонд Азербайджана (ГНФАР) инвестирует в недвижимость за рубежом. Последним приобретением ГНФАР стал торгово-офисный центр «Галерея Актер» на Пушкинской площади Москвы (133 млн дол. США), недвижимость в Лондо-

не (177,35 млн фунтов стерлингов) и Париже (135 млн евро). В настоящее время фонд рассматривает возможность приобретения недвижимости в Турции, Сингапуре, Индонезии и Малайзии. ГНФАР является донором ряда проектов МВФ и Всемирного банка [см.: 15].

В соответствии с Государственной программой обучения азербайджанской молодежи в зарубежных странах (2007—2015 гг.) ежегодно на учебу в престижнейшие мировые учебные и научные центры направляется талантливая молодежь. Так, в 2012 г. из средств Государственного нефтяного фонда страны на эти цели было выделено 20 млн манат [см.: 15]. Президентом страны Ильхамом Алиевым был выдвинут девиз: «Конвертировать наше черное золото наши нефтяные ресурсы в человеческое золото, в реальный потенциал каждого гражданина нашей страны».

«Фонд Гейдара Алиева», возглавляемый первой леди Азербайджана Мехрибан Алиевой, реализует гуманитарные и культурные проекты по всему миру: в Европе, Азии, Африке.

Весьма важной вехой вхождения страны в процессы глобализации является вывод в 2013 г. на космическую орбиту первого национального телекоммуникационного спутника *AzerSpace-1*, который может обеспечивать услугами связи как Азербайджан, так и стра-

ны, расположенные на так называемом Шелковом пути [8].

Азербайджан является членом ряда региональных интеграционных объединений: ОЭС, ОЧЭС, ГУАМ, СНГ. Путем развития внешнеэкономических связей со странами, входящими в эти объединения, Азербайджан стремится к тесной интеграции в мировую экономическую систему.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что глобализация мировой экономики выступает объективной тенденцией развития, которой, видимо, нет другой реальной альтернативы, по крайней мере, в ближайшей перспективе. По существу экономика Азербайджана путем реализации крупномасштабных нефтегазовых и транспортно-коммуникационных проектов уже включена в процесс глобализации и является частью этой целостной системы. Однако такое включение относится, прежде всего, к сырьевым отраслям. Вместе с тем, перед страной стоит сложная задача — построение новой экономики, экономики, основанной на знаниях. Современная экономика включает в себя как новые, в первую очередь, информационные технологии, так и новое качество рыночной среды, новые заботы государства об обеспечении развития образования и науки.

Литература

1. Азизаде, Ф. Широко шагает SOCAR / Ф. Азизаде [Электронный ресурс] // Зеркало. — Режим доступа: <<http://www.zerkalo.az/2013/shiroko-shagaet-socar/>>. — Дата доступа: 15.05.2013.
2. Баку—Тбилиси—Карс [Электронный ресурс] // ЗАО «Азербайджанские железные дороги». — Режим доступа: <<http://www.addy.gov.az/index/ru/2nd-column-2/bak%С4%B1-tibilisi-qars>>. — Дата доступа: 15.05.2013.
3. Вагиф Шарифов: Новое соглашение между «Газпромом» и ГНКАР подтвердило эффективность сотрудничества компаний [Электронный ресурс] // Вестник Казказа. — 23.01.2012. — Режим доступа: <<http://www.vestikavkaza.ru/news/50415.html>>. — Дата доступа: 15.05.2013.
4. Выступление Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева на Саммите тысячелетия в Нью-Йорке 7 сентября 2000 г. // Бакинский рабочий. — 2000. — 20 сент.
5. Греция одобрила приобретение SOCAR акций DESFA [Электронный ресурс] // Вестник Казказа. — 01.08.2013. — Режим доступа: <<http://www.vestikavkaza.ru/news/Gretsiya-odobrila-priobretenie-SOCAR-aktiy-DESFA.html>>. — Дата доступа: 18.06.2013.
6. Интрилигейтор, М. Д. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции / М. Д. Интрилигейтор // Проблемы теории и практики управления. — 1998. — № 6. — С. 38—43.
7. Исмаилов, Э. Роль Азербайджана в энергобезопасности ЕС будет расти / Э. Исмаилов [Электронный ресурс] // Trend. — 23.01.2012. — Режим доступа: <<http://www.trend.az/capital/energy/1983167.html>>. — Дата доступа: 13.05.2013.
8. Первый телекоммуникационный спутник Азербайджана запущен на орбиту [Электронный ресурс] // 1news.az: the first news. — Режим доступа: <<http://1news.az/economy/tech/20130208124524727.html>>. — Дата доступа: 15.06.2013.
9. Сафонова, Е. Азербайджан готовится занять 7 % европейского рынка газа [Электронный ресурс] // РБК daily: ежедневная деловая газета. — Режим доступа: <<http://www.rbcdaily.ru/industry/562949983530870>>. — Дата доступа: 21.06.2013.
10. Хафизоглу, Р. До конца 2017 года инвестиции SOCAR в турецкую экономику достигнут 17 млрд дол. США / Р. Хафизоглу [Электронный ресурс] // Trend. — 21.05.2013. — Режим доступа: <<http://www.trend.az/capital/business/2152589.html>>. — Дата доступа: 15.06.2013.
11. Шавшуков, В. М. Де-глобализация и де-долларизация посткризисной мировой экономики: оценка сценариев / В. М. Шавшуков // Проблемы современной экономики. — 2012. — № 2. — С. 97—101.
12. Levitt, T. The Globalization of Markets / T. Levitt // Harvard Business Review. — 1983. — May—June. — P. 92—102.
13. Luttwak, E. Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy / E. Luttwak. — London, 1998. — 290 p.
14. Ohmae, K. The Borderless World Power and Strategy in Interlinked Economy / K. Ohmae. — N.Y., 1990. — 276 p.
15. State Oil Fund of the Republic of Azerbaijan [Electronic resource]. — Mode of access: <<http://www.oilfund.az/>>. — Date of access: 15.06.2013.
16. The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan [Electronic resource]. — Mode of access: <<http://www.stat.gov.az/>>. — Date of access: 15.06.2013.

«Феномен глобализации и Азербайджан» (Руфат Кулиев)

В статье рассматривается актуальный в настоящее время процесс развития международных экономических отношений — глобализация мировой экономики. Показаны условия, причины и направления развития глобализации. Проанализированы движущие силы процессов глобализации, происходящих в мировой экономике, а также определены роль и место Азербайджана в этих процессах.

«Globalisation Phenomenon and Azerbaijan» (Rufat Kuliev)

The article considers the currently urgent development process of international economic relations — world economy globalisation. Globalisation development conditions, reasons and directions are shown. The moving forces of the globalisation processes, happening in the world economy, are analysed and place and role of Azerbaijan in these processes is defined.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2013 г.

зарубежный опыт

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации (глава 5)**. При оформлении списка литературы автор должен пользоваться **Приложением 2** к упомянутой **Инструкции**;

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2013 № 3 (66) июль—сентябрь

Подписано в печать 22.09.2013. Выход в свет в сентябре 2013 г.

Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 300 экз. Заказ № 86.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «НиктаграфиксПлюс».

ЛП № 02330/0494134 от 03.04.2009.

220030, г. Минск, ул. Краснозвездная, 5/1Н-5, тел.: +375 17 286 32 18